

Наталья Горская

БАБЬЕ ЦАРСТВО

Наталья Горская

Бабье царство

«Написано пером»

2017

УДК 82/821-821.161
ББК 84(2Рос=Рус)6

Горская Н. В.

Бабье царство / Н. В. Горская — «Написано пером», 2017

ISBN 978-5-00071-898-8

Некогда модные разговоры о гибели русской деревни поутихли. Теперь вымирают рабочие посёлки и города. Об этом уже не говорят, потому что информацию создают мегаполисы, где остро стоит проблема как раз перенаселённости за счёт «понаехавших» из вымирающих регионов. Вымирание формирует особую психологию, когда людям глупо навязывать позитивное мышление. Не поможет. Любые эмоции теряются на фоне тающего населения посреди мирной жизни, где всё больше расползаются в разные стороны опустевшие улицы, как отмирающие ветви в кроне ещё живого дерева. Где никто не разоряет брошенные дома. Некому: даже мародёров не осталось. Остались только бабы. Никому не нужные, да и не стремящиеся к этому. Главное, остаться нужной себе.

УДК 82/821-821.161

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00071-898-8

© Горская Н. В., 2017

© Написано пером, 2017

Содержание

Бабье царство	6
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Наталья Горская

Бабье царство

* * *

© Горская Н., 2017

© ООО «Написано пером», 2017

Книга издается в авторской редакции

Бабье царство

Женщина должна быть хорошей хозяйкой, скромной и покладистой женой – это гарантирует ей долгие годы счастливой семейной жизни.

из предисловия к «Справочнику по кулинарии»

Ульяна шла домой со станции. Короткий зимний день клонился к закату, но Ульяна не торопилась. Куда спешить-то? Дома холодно, темно: электричества, поди, опять нет. А самое главное – никто не ждёт. Сиди в потёмках, слушай тишину. Хорошо, хоть часы тикают, а то и сверчок за печкой потрещит – всё ж таки какая-никакая живая душа. А так тихо-тихо в доме. Особенно зимой. Если метель завоет, совсем одиноко себя чувствуешь, словно идёшь по огромному полю сквозь снежный ветер, долго идёшь, ищешь из него выход, но никак не найдёшь.

Искусство жить в России для женщины заключается в умении обходиться без всего. Без денег и магазинов, без электричества и водопровода, без косметики, мужчин и прочих благ цивилизации. Без любви. Зато с огромной верой и бесконечной надеждой когда-нибудь её встретить. Ведь всю жизнь так и подкалывают: «Ты только верь! Главное, не теряй надежду». Не в той России, которую по телевизору показывают, а в России настоящей. Ульяна от одного столичного чиновника про эту самую настоящую услышала, а так ни за что бы не догадалась о её существовании.

Дело в том, что на их станции, как и на многих других, коих тысячи по всей стране, нет пешеходного перехода, тем более подземного. Мост есть, но деревянные ступени на нём сгнили ещё в прошлом веке. На обещаниях «реконструкции» этого моста уж три депутата на повышение ушли и там миллионерами сделались. Уж могли бы миллиончик отстегнуть на модернизацию Малой Родины, патриоты трибунные, да им от избирателей уже ничего не надобно: народ их выбрал и... может быть свободен. А мост продолжает разваливаться. К тому же он, красавец, находится в трёхстах метрах от перронов, что не так и ужасно, особенно, когда прёшь из города сумки – где наша не пропадала. Гораздо хуже, что он совсем не освещается, а по скользким в дождь и мороз деревянным подгнившим ступеням в крошечной темноте можно предлагать карабкаться только разного рода экстремалам. И чего они, сердешные, за бешеные деньги ездят в дальние страны, когда тут, под самым носом такой бесплатный экстрим? Так шею свернёшь, что и Гималаи не понадобятся.

В деревне, где жила Ульяна, экстремалов не было: энергия у людей без остатка уходила на выживание в невыживательных условиях. Жило здесь в основном бабье царство с незначительными вкраплениями другого рода. Этот другой род совсем за жизнь не держался и мёр, словно рекорд ставил по умиранию. Россия – бабская страна, только баба здесь сдюжит, а мужику комфорт подавай, чтобы всё соответствовало его ожиданиям. Городской он совсем стал, избалованный, а какие тут у нас города? Их ещё создать и обустроить надо, а ему бы на диване перед телевизором полежать, пересказать кому-нибудь с умным видом, что он там высмотрел, словно телевидение единственно для такой глупости придумано. Чуть что ему не так – он в стакан лезет или сразу в петлю, что по сути одно и то же. А в провинции, которой вся страна является, всё не так, всё требует титанических усилий: дорог нет, дом покосился, дымоход надо менять, забор завалился. Бабе не справиться, а мужик скорее обидится на неё за это, задурит, сопьётся и сразу на тот свет сбежит, чем согласится что-то сделать. Не жилец он нынче. Вот у тётки Терентьевой муж угодил под грузовой состав на ровном месте. А состав тот был не простой, потому как вёз особо ценный груз в лице вышеупомянутого чиновника.

Видимо, диспетчеров грамотных всё меньше или гастарбайтеров уже туда берут, лишь бы не платить. По станции наставят поездов в три ряда до стрелок, словно это запасные пути или сортировочный парк, и не знаешь: через составы лезть или под ними, обходить по насыпи или сразу с моста на провода броситься. Обойти нетрудно, особенно десяток-другой вагонов. Главное, куда деваться, если по соседней колее пойдёт скорый или товарный поезд? Терентьев не успел меж путей окопаться, упасть на брюхо и затихнуть, вот его и швырнуло волной воздуха, хотя он и так на ногах нетвёрдо держался. Поезд затормозил, пассажиры переполошились: нет ли в этом происшествии намёка на теракт или чёрный пиар против того самого чиновника.

– Не волнуйтесь вы так, – успокоил машинист его свиту. – Очередная местная пьянь под колёса угодила, ничего страшного.

– А шта жа тут наррод не пользуется пешеходным переходом, панимашь? – царственно спросил чиновник непонятно кого на акающий манер тогдашнего президента страны, сдвинув брови. – Паччаму не просвещаете наррод, как нада через пути ходить, а?

– Да-да, до чего же дикий народ в этой странной России, – закивала свита высокопоставленного лица, публика с типично кабинетными незапоминающимися лицами, которой избыток энтузиазма не позволял замечать и понимать простых смертных. – Третье тысячелетие на носу, а они всё никак не научатся железную дорогу переходить. Разве в Германии или во Франции люди станут лазать под вагонами и шастать по насыпи, когда можно культурно пройти по... по...

– Паазвольте, а где жа у вас тут можна перейти железнодорожное полотно? – так же властно спросил чиновник, тратя на произношение каждого слова с полминуты.

Начальник станции поведал, что перехода никакого нет, да и зачем он тут, ежели поперёк него постоянно составы стоят. Подземный переход – крайне дорогое удовольствие для России, которая только братским народам его в знак великой дружбы строит. По мосту карабкаться нет смысла: если не провалишься, то соскользнёшь с покрытых инеем гнилых досок. Других возможностей перейти железную дорогу нет. Это в странах «загнивающего» капитализма власть голову ломает, как ещё улучшить и без того комфортную жизнь граждан. А у нас господа измучились, как и без того невыносимое существование холопов сделать гаже, а то слишком легко жить станут, не дай бог, барина уважать перестанут. Слишком просто ходить станут, без травматизма, без страха, что многотонная масса на них наедет или резко дёрнется, когда они под ней полезут, пачкая одежду въедливым мазутом. Прямо как тревога какая в любом действии властей прослеживается: «А ну как люди начнут жить не то, чтобы хорошо, а просто нормально». Всё время надо хоть какую-то «вилку в бок» населению создать. Такое впечатление, что где-то целые отделы и подразделения ярых мизантропов над этой задачей бьются и успешно воплощают в жизнь. Надо непременно создать людям какую-то пакость, чтоб они от рук не отбились, чтоб потом обещать «облечить» или «ухлыбить» эту пакость к очередным выборам в зависимости от рейтинга. Поставят состав от одной станции до другой – обходите, кто как может. Прямо-таки ребус: под – нельзя, над – ни-ни, в обход – всегда пожалуйста, но только не по насыпи. А через соседнюю область можно? Про мост уже было сказано: его или нет, или такой, что лучше бы никакого не было. Хотя можно и через мост, но он с началом снегопадов превращается в горку. Снег не чистят – уборщик один на вокзал остался, поэтому не управляется. Ступени завалены снегом, который через день слежится, на солнышке подтает, ночью подмёрзнет, превратится в ледяной панцирь, его потом вовсе не счистишь. Лёд – вещество очень твёрдое. Дети на свой страх и риск забираются кое-как наверх и съезжают вниз, как с горки. Мост при этом трясётся и жалобно дребезжит на всю округу. Ульяна и съехала бы, вспомнила б детство золотое, но куда тут забраться по скользким бугоркам, что торчат из наледи? Начальству жаловались, оно только мудро парировало: сами ходить не умеете. Нет, понимаешь ли, у народа спецпод-

готовки для прохождения полосы препятствий в виде шатающейся, аварийной, обледеневшей со всех сторон страшной железной конструкции!

Короче говоря, куды ни плюнь – всюду погибель. Кто-то из свиты попытался-таки вскарабкаться на мост, дабы доказать начальству своё рвение, но только наступил на край первой ступени, которая представляла собой прогнувшую в местах крепления доску, как она по закону грабель ударила экспериментатора по голове. Вызвали Скорую помощь, которая нехотя отреагировала только через час, да и не проехать ей через пути, так что пострадавшего пришлось тащить под да над составами, местами даже волоком.

– Паач-чаму-у?! – сотрясал воздух чиновник и грозил кулаком, завидев потери уже в своих рядах. – Паач-чаму мост в таком аварийном состоянии, понимаешь, а?

– Бэ! – проворчал себе под нос начальник станции, почувствовав, что его сейчас заставят ответить и за крен Пизанской башни, и за разный прочий хрен. – «Пачаму» да «пачаму», разпачамукался пачамучка наш... Патаму, что всюду такие умники в кабинетах сидят. Первый раз в жизни вылезут за пределы Охотного Ряда и не понимают, куды они попали.

– Он уже двадцать лет в таком состоянии, касатик, – объяснила девяностолетняя бабулька Аристарховна, вылезая из-под вагона и переводя дух после преодоления экстремальной трассы из магазина домой. – Мы ведро чернил истратили, жалобы писавши. И в горьком писали, и в райком, и в обком, и Ленинград жаловались, и в Петроград, и в Санкт с Петербургом плакались, и даже в Москву...

– И в Париж с Лондоном тоже, – пошутил некий шалопай, спрыгнувший с площадки между вагонами самым нахальным образом.

– В пяти экземплярах, как положено! – хохотнул какой-то подлец, выскочив из-под огромного стального колеса, как чёрт из табакерки.

– ...а мостик-то наш никак не починят. Ты скажи, милай, куды можно ещё написать, чтобы зашевелилось там, у кого нужно?

– Пиши, бабка, сразу в Вашингтон, на деревню Клинтону, – сморкнулся в пальцы ещё один нарушитель, просочившийся между вагонами в обход всех требований техники безопасности.

Тут чиновник попросил не тревожить соседей через Тихий океан: сами разберёмся как-нибудь. И пообещал лично заняться данным вопросом. Он стоял на перроне, пока с путей убирали разрезанный труп, почмокал губами, потянул носом неласковый холодный воздух, со снисходительной жалостью посмотрел на народ, который в наползающих сумерках валил валом с рабочей электрички в разной степени трезвости под и над привычными препятствиями. И, в конце концов, вымолвил на манер Наполеона над истекающим кровью князем Андреем после Аустерлицкого сражения:

– Вот настоящая Россия.

Удивительно, как хорош был в этой мизансцене! *Voila une belle mort.*¹ Прямо, хоть кино снимай. Этаким кривоногий император-коротышка во главе иноземного легиона, неожиданно-негаданно очутившегося посреди чужой незнакомой страны и непонятным загадочным «нарродом». *De beaux hommes!*²

Величественность момента испортил кто-то из свиты императо... чиновника, язвительно прохихикав:

– Да-а, хорошо иметь домик в деревне!

Чиновник грозно посмотрел на шутника, отчего тот прикусил язык, а сам удалился в свой VIP-вагон.

¹ Вот прекрасная смерть (франц.)

² Славный народ! (франц.)

* * *

Что такое этот «ВЫП», Ульяна не знала. Но рекламу молочных продуктов, где звучала фраза про домик в деревне, видела много раз. Там русская провинция больше похожа на альпийскую деревеньку с аккуратненькими огородиками, миленькими избушками и сытыми коровками на полях. А хозяйка домика – бойкая, опрятная, тщательно причёсанная старушка в неизменно чистеньком фартучке, как истинная немецкая фрау. И так хорошо, что нет там настоящих деревенских баб в фуфайках, которые после уборки навоза и таскания фляг с молоком похожи на чертей. Нет непролазной грязи дорог и унижительной нищеты совхозных работяг, которые за этим стоят в реальной жизни. Есть только вечно приветливая бабушка, которая непременно живёт в деревне, как напоминание всем горожанам, откуда они произошли. И у неё всегда найдётся для них творожок, сметанка, маслище, так что милости просим. Ей больше заняться нечем, как производить продукты питания для эгоистичной и прожорливой после общепитовских харчей и макдональдсов молодёжи, своевременно смывшейся в город от тяжёлой и неблагодарной работы на земле. Нет, чтобы таким бабкам помочь деревню на себе тащить, да куда там! Немодное это нынче занятие. Лучше посмотреть рекламу по телику и узнавать свою незнакомую страну: «Ведь вы этого достойны».

Когда Екатерина Вторая решила посетить присоединённый к Российской империи Крым, находчивый князь Потёмкин по пути её следования приказал установить декорации деревень, чтоб царица не очень расстроилась от истинного вида своих владений. Сейчас в рекламе и кино строят такие же «потёмкинские деревни», которые в воображении довольной элиты представляются лубочным пейзажем с яркой лаковой миниатюры, столь любимой иностранными туристами. Тут главное, чтобы царю или царице не взбрело в голову изменить курс следования. Хотя и в таком случае извечные бездорожье и безнадёжную нищету населения можно представить, как экзотику, как неременный атрибут русской нации, которая любит трудности, чтобы не расслабляться.

Декорация всем хороша. Один минус: в ней нельзя жить. Её после проезда высочайших лиц или съёмки рекламного ролика демонтируют и убирают, как ковёр с парадной лестницы. Видимо, тогда чего-то не рассчитали, и важного чиновника травмировала представшая его светлым очам картина *настоящей* России. Ульяне запомнилось это выражение, как название партии со словом «Россия», коих нынче немало. У каждого своя Россия. Чиновника этого потом видели по телевизору в каких-то дебатах. Царственную речь он уже сменил на быстрый и простой деловой тон нового президента, что не очень шло его массивной внешности и давалось с большим трудом. Но было видно, что он очень старается соответствовать новым веяниям.

Мост с тех пор так и не отремонтировали, зато кому-то понадобились гнилые доски с него, поэтому местами остался один ржавый, с облупившейся серой краской скелет. Но сегодня Ульяне повезло: пути у станции были свободны, так что перешла она через них безо всяких акробатических ухищрений. Местные безработные мужики и беспризорные подростки намастачились хоть чего-нибудь уворовать из стоящих по несколько дней, а то и недель составов. Их чувствительные носы за версту ловили волнующие запахи разных спиртосодержащих и ацетонообразных жидкостей в цистернах. Эти ароматы влекли их беспокойное и охочее до разных приключений племя, как огонь притягивает мотыльков. Даже под контактным проводом умудрялись добраться до люка сверху и начерпать живительной влаги вёдрами, а то и бочками. Железнодорожное начальство пыталось ставить сторожей для ночного обхода, но одного из них в первую же ночь тюкнули по голове тяжёлым тупым предметом, второго подкупили, а третий сам лыко не вязал от содержимого охраняемых им объектов.

Если же составы были совсем пустыми, то находились умельцы, которые могли рес-сору какую-нибудь отодрать, буксу или тормозные колодки – в хозяйстве всё сгодится. Дру-гие «иллюзионисты» за считанные секунды снимали аккумуляторные батареи с локомоти-вов и электричек. Талантами земля полнится. Терпение начальства лопнуло, когда пропал целый вагон. Хотя и пустой, но вещь сама по себе безумно дорогая. Поэтому был дан приказ всем станциям: хоть наизнанку вывернитесь, но уберите с путей все составы. Так что пере-ходить через железную дорогу стало легко и удобно.

Ульяна ехала домой из районного центра, куда возила картошку на рынок. Теперь ей было легко шагать с освободившейся от груза складной тележкой и выручкой в кошельке. Жила она в деревеньке в двух верстах от станции. Транспорт туда не ходил, путь до неё представлял собой тропинку, местами переходящую в дорогу и наоборот. Она тянулась через лес, через поле, через речку по скрипучему деревянному мосту, ну и так далее в том же духе. Через лес Ульяна боялась ходить. Однажды так шла, и встретила волка. Остановилась, как вкопанная, и волк тоже замер. Смотрели друг на друга с минуту. Ульяна присмотрелась и увидела, что это не волк, а волчица с отвисшими сосками: видать, недавно оценилась. А у Ульяны в сумке были тушки курицы, тоже на продажу. Вот запах мяса, должно быть, и привлёк рыскающую в поисках пропитания исхудавшую самку. Стало Ульяне по-бабьи её жалко. У неё самой-то детей не было, поэтому она всегда с особым трепетом и благогове-нием относилась к материнству в любом его проявлении. Вытащила курицу из сумки, поло-жила и отошла. Волчица подкралась, озираясь, курицу хватить и потащила добычу волчатам. В качестве «спасибо» проурчала что-то неразборчивое.

Зато как муж Ульяну тогда ругал! Даже по лбу закатал:

– Загубила продукт? А на какие шиши теперь жить будешь? Я-то не пропаду, а вот ты-то... Подумаешь, волчицу она увидела и обделалась сразу, добытчица хренова, мать твою! Одна сука встретила другую суку и сразу нашли общий язык, как нас, мировых мужуков, извести. Сговорились, подлое бабье племя!

Пока вспоминала тот случай, не заметила, как прошла через лес и вышла к полю, по которому до самой реки тянулась длинная, протоптанная по снегу узенькая тропинка. Хорошо, что накануне метели не было, а так долго бы пришлось по заметённым следам про-бираться. «А куда мне спешить-то», – подумала Ульяна и вздохнула. Год тому назад овдо-вела. Не уберегла своего. Уж и ругала себя, и корила, да что теперь толку.

Мужик её не то, чтобы совсем нигде не работал, но уж очень крепко выпивал, когда хоть где-то работал. Ульяна не знала, что лучше: чтоб он работал и пил, или чтоб они вдвоём на её зарплату жили? За сорок лет своей безалаберной жизни общий трудовой стаж его составлял восемь годков, что не так и плохо: были типажи с ещё меньшим сроком эксплуатации. Улья-нин муж, впрочем, выпивал и без работы, но не так интенсивно: хотя бы раз в месяц видел его тверёзым. Мужики вообще, как Ульяна поняла со временем, работают не для резуль-тата и обустройства жизни, а единственно для того, чтобы был законный повод напиться: «Право имею – на свои пью». Если кого из них потом вытащить из канавы и спросить, зачем так насиловать себя водкой и прочими горючими жидкостями, то они совершенно искренне объяснят такое непотребное поведение тем, что им совершенно нечего делать и нечем себя занять, потому что в деревне нет ни клуба, ни казино, ни боулинга с кафе и прочих радостей цивилизации. А если спросить бабу, почему она не пьёт от жизни такой, то она заявит, что и хотелось бы да некогда: дел-то по горло. Двор почистить, скотину накормить, воды с колодца натаскать, печь истопить, да огород, да стирка, да прочие бесчисленные бабьи почётные обя-занности. А у кого дети, тут вообще зевнуть некогда...

Ульяне бог детей не дал, и она, как любая простая баба, от этого факта очень страдала. Когда стала жить с мужем и через какое-то время почувствовала зарождение новой жизни внутри себя, решила заработать и на кровать, и на одежду для ребёнка, и на колясочку,

чтобы её дитя ни в чём не нуждалось. Работала дояркой на ферме, которая в ту зиму сгорела посреди лютых морозов от замыкания в старой проводке. Коров успели вывести и решили перегнать на другой берег реки в соседний совхоз. Перегоняли по льду: с мостами везде плохо и не только железнодорожными. Лёд был прочный, да коровы тяжёлые, беременная корова по имени Клеопатра вдруг провалилась по живот в ледяную воду. Начался переполох, но корову бабы всё-таки вытащили. Ульяна вся вымокла, застудила себе всё, что только можно, недели две мочилась кровью, но самое страшное – потеряла ребёнка. Молодённый фельдшер со Скорой из районного центра сам чуть не плакал: «Женщины – и на такой работе! Дикость какая! Куда только ваши мужчины смотрят?». Мужчины смотрят телевизор и обсуждают политическую ситуацию в очередной Гваделупе. Зато Клеопатра на следующий день успешно родила, должно быть, от испуга, а у Ульяны случился выкидыш. Муж тогда ушёл в запой и больно ранил жену остротами:

– Вот корова Клеопатра родила, а корова Ульяна не смогла. Корова Ульяне вечно больше всех нужно, – и переходил в агрессивную фазу: – Ты убила моё дитя. Ты! Я себе другую тёлку найду, здоровую, а ты пошла вон отседа! Видала, как олигархи в кино подстилок меняют, чтоб не сидели у мужика на шее, а то повадились за здорово живёшь!

Ульяна ревела от его тумачов и обидных слов, а ему сразу становилось легче. Она надеялась, что организм у неё ещё молодой, выправится, но мрачный врач из областной больницы сказал, как отрезал: «Даже не мечтай. Если беременная баба при безработном муже вкалывает на такой каторге – тут без вариантов». Но она всё равно мечтала, потому что это ей уж никто не мог запретить. Мечтала-мечтала, а потом перестала. Надоело мечтать.

После того случая она старалась не простужаться, потому что в пояснице сразу такая боль начиналась, что не пошевелиться и даже не чихнуть. В прошлом году её так скрутило. Она тогда поехала в соседнюю область в гости к сестре Оксане на пару дней, а муж умудрился за это время дрова пропить до последнего полена. «Сама виновата, – сделал он мудрый вывод. – Надо за хозяйством следить, а не по гостям шлёться». Зима в тот год никак не наступала, а потом как пошла «выжимать» по тридцать градусов каждую ночь. Ульяна одну ночь спала в нетопленной избе, а утром чувствует, что ни встать, ни сесть не может, хоть караул кричи. Мороз стал спадать и началась метель. Двор снегом засыпало, надо чистить, а ей даже на другой бок не повернуться. Муж её стукнул пару раз, чтоб не дурила и шла работать, но потом понял, что-то не то. Насупился и пошёл сам убирать снег со двора. Она его отговаривала, что сейчас встанет, но он уже вышел на улицу, пару раз лопатой взмахнул и повалился головой в сугроб. Мгновенно умер, как праведник, словно показать хотел своей кончиной, чтоб ей стыдно было, какая она негодная хозяйка и жена: довела-таки мужика. Как Ульяна это всё пережила, сама до сих пор не понимает: ей не подняться, сесть попробовала – полные глаза слёз от боли, кричит, на помощь зовёт, муж во дворе ничком лежит. Уж как она себя корила, что не уберегла мужа, что пришлось ему из-за неё *так* надорваться! Потом уж сбежалось всё бабье царство на её крики. Вызвали, кого следует, труп увезли. Свекровь прибежала с другого конца деревни, вой подняла и с размаху Ульяне хрясь по лицу: не уберегла моего сыночка, паскуда!

– И своего ребёнка не уберегла, и моего сгубила! Ишь, разлеглась! Ты что, мужик что ли, чтобы лежать посреди бела дня, когда все нормальные бабы работают?! Люди-ы добры-ы, да что же это-о? Да за что же мне это-о-о? За что же мне бог таких невесток послал? Одна падла первого сына не уберегла, другая – второго сгубила!

И снова закатала Ульяне оплеуху.

– В самом деле, Ульяна, – выговаривали с укором бабы. – Разве так можно мужука-то запрягать? Мужуков беречь надо! Они же за нас воевать пойдут, если что. Война вон где-то за бугром идёт. За наше благополучие, между прочим.

* * *

Может так оно и есть, за страну готовы погибнуть, даже мечтают, когда такая возможность представится, но жить с ними невозможно. Задурили башку этой войной, которую они всю жизнь ждут, как гимназистки – первую любовь. Так и распаляют большое самолюбие нищеты, как русская армия опять где-то в странах Третьего мира очередную Третью мировую предотвратила. Замечательно! Вы б поближе к дому чего предотвратили, а то дом без хозяина остался. Хозяина этого сделали из хозяйки и доказывают, что она сама того хотела. А мужик у неё теперь как в гостях, с телевизором пообщаться зашёл, бормочет что-то об угрозе внешней оккупации, хотя страну давно оккупировали пьяницы и воры. Так плотно обложили, что спасу нет. И никто не защитит: защитнички на кладбище лежат – слились сразу туда, лишь бы не заморачиваться. Что ему баба говорила, он не слушал, словно специально ему внушили: не слушай эту дуру. Они только умных слушают, которые в телевизоре брешут о социально-экономических проблемах и нарушении демократии с правами человека в очередном братском Гондурасе. Приезжай к нам в деревню: тут столько социально-экономических проблем, что отродясь таких слов не слышали, как экономика и права человека. Нет их тут и быть не может – только феодально-федеральный беспредел. По телевизору мужики в дорогих костюмах сокрушаются, как сирийские ребята мёрзнут в школе. При двадцати градусах тепла. В поселковой школе дети в двадцать градусов мороза в нетопленных классах сидят, пожилая учительница у себя дома уроки проводит, где печка есть, чтоб совсем не околеть, да и не идут знания на ум, когда холод пробирает до костей. Русским детям школа как бы не нужна, школьники вместо учёбы уже всю рожают, а СМИ охотно тиражируют такие сюжеты и доказывают, как это замечательно, что у детей рождаются... дети! Даже в странах Средней Азии такой подход становится непопулярным и считается нарушением прав ребёнка, но нам до них, видимо, далеко.

Сколько аварийных школ по стране, в которых просто опасно находиться, но об этом в новостях ни слова «клеветы и проплаченных наветов» на нашу замечательную действительность. Учителя и родители пишут, звонят, требуют – никто не реагирует. Приехала какая-то размалёванная чиновница в шубе, ляпнула что-то о происках Запада, мол, это санкции виноваты и выборы в США. Как они умудряются одно с другим увязать? Каким боком тут санкции, если уголь для сельской школы увезли в элитный коттеджный посёлок рядом «по ошибке»? Раньше у них Ельцин был во всём виноват: костерили его сами депутаты и чиновники на местах, не стеснясь. И дальше что? Ну, пусть один Ельцин всё разграбил и разорил – как в этих условиях дальше жить? Как вернуть, что у тебя украли, не заплатили, разрушили? А никак: поругали ворюгу, душу отвели и будя с него. Чего вам ещё надо? Теперь в Кремле чекисты сидят, которых не очень-то приложишь. Критика власти мгновенно вышла из моды, и сразу во всём американский президент сделался виноватым или канцлер Германии. Это проделки Меркель, оказывается, что автобус в деревню под Рязанью не пошёл, а Обама чего-то опять с расписанием электричек на Вологду напортачил, не доглядел. А ещё на Украине несказанно угнетают русских. Любимый клич уличных хулиганов: наших бьют! Да нигде русских так не угнетают, как в России-матушке. Вот уж где имеют их от души, как никаким сионистам и украинским националистам не снилось! Просто, когда русских грабят в родной стране – это реформы в интересах государства, а если русского ненароком задела за бугром – это проявление неуважения к великому народу.

Муж Ульяны в позапрошлом году четыре месяца с трактора не слезал, по двенадцать часов в день пахал, а ничего не заплатили. Приползал с работы никакой, пыльный и пьяный, падал в сенах – в совхозе для работяг даже воды нет, чтобы после смены отмыться. Она тащила его мыть, чтобы можно было в постель уложить, чтобы выпался по-человечески

перед следующей сменой, а то бобыли так и дрыхнут на полу, кто где упал, некоторые больше не просыпаются. Она сама всё лето в овощехранилище подрабатывала – та же картина. Не платят, словно так и должно быть! Кто от этого спасёт, где эти «защитники русских» из телевизора, оружие о правах умственно отсталых граждан, которые по сорок лет в Латвии и Литве живут, а всё никак тамошние местные наречия не осияют? Где мифические киношные спецназовцы со впечатляющей мускулатурой и выражением лица «за своих пасть порву»? Команда КВН, не более того, трепачи и балаболки, играющие на примитивных настроениях толпы, расшатывающие неустойчивую психику обманутого и ограбленного населения.

Если народ отказывается на работу выходить, то в ход идут уговоры, да какие: «Как вам не стыдно? Рассада же погибнет, страна тонны капусты не дополучит и это будет на вашей совести! У вас совесть есть вообще?». Ульяна выходила, потому что рассаду было действительно жалко – она ведь живая. Эх, если б у нас в стране народ так жалели, как она эту рассаду – населения было бы на миллионы больше. Да кому они нужны, если доживающим заплатить нормально не могут за уже выполненную работу?

Мужикам стыдно требовать своих же денег, их срезают классически: «Чего ты ноешь, как баба», а для них хуже оскорбления и быть не может. Поэтому «долги вышибать» ходят жёны. Ульяна ходила со своей ятровью Светланой, женой деверя, что характер имела смелый и дерзкий. Её отец из ставропольских казаков, работал на станции машинистом, умер в пятьдесят лет от инфаркта прямо в кабине, только успел тепловоз затормозить. От него Светка унаследовала привычку драться: «Бей, доча, врага прямо в харю и не оглядывайся, что там блеют, какой должна быть женщина, мол, нельзя же так и прочие сопли. Ничего ты никому не должна, никто для тебя ничего не сделал, чтобы чего-то требовать. Лучше день прожить тигрой, чем сто лет овцой». И дралась она как пантера! Ведром. Её даже муж боялся. Однажды его дружки пинали за долги у забора, она налетела и как пошла ведром с брюквой зубы крошить, что мужики аж протрезвели и заголосили:

– У этого гада ещё и жена мегера!

– Это потому что у меня батька был настоящий, а вы от бабской слизи произошли, – режет она словом ничуть не хуже кулака. – От овец покладистых, которых чужой муж-предатель опустил, трусливый женатик какой-нибудь, который только и умеет, что собственной бабе гадить по мелочи.

– Вот, ребята, с какой ведьмой живу, – всхлипывал муж, когда она вытащила его из-под забора и взвалила на плечо.

– Что, сдал уже? – усмехнулась она и спросила почти ласково: – В кого ж ты у меня, Сергей Алексеич, проститутка такая? Враги придут, спросить ничего не успеют, а ты к ним уже со списком, кого надо расстрелять, и я в том списке первая, да? Куда опять деньги просрал, что я на песок давала? Да ещё и задолжать умудрился половине района. Эх, твоё счастье, что у меня дети от тебя, хотя промахнулась я с отцом для них. Трусливого зайца выбрала, который только поначалу из себя льва изображал.

Ульяна всегда содрогалась от подобных нежных разговоров деверя с женой, ей казалось, что сейчас свершится убийство. Один раз шли с колодца, везли на санках канистры с водой, Светка с ведром, как всегда. И два каких-то городских идиота у красивой иномарки залюбовались на эту идиллию:

– Вот он истинный народ православный, неприхотливый и нетребовательный, – воодушевился один. – Так и надо жить! А мы привыкли к разложению цивилизации и распаду нравственности, к водопроводу с газификацией, прости-господи, но что может быть прекрасней простой русской женщины, идущей по воду!

– Ага, с ведром, – зевнул второй и высморкался на снег. – Ты ещё женись на ней, на этой «простой русской», тогда узнаешь цену их простоты...

Он не успел договорить, зато Ульяна успела зажмуриться. Когда приоткрыла один глаз, говорящий уже стоял на карачках с ведром на голове, чисто рыцарь в шлеме, по которому Светка наносила контрольный удар.

Мужчины, конечно, обратились в околоток, участковый сразу сообразил, на кого они навалились:

– С ведром, говоришь? А ты не лезь к бабе, которая к тому же с пустым ведром идёт. Примета плохая.

– Так мы единственно ради восхищения народом православным! – верещал первый. – Идёт лебёдушка по воду, а у нас в городе – водопровод, скука смертная...

– Я понимаю, что нашему щедрому государству легче водопровод и газ провести куда-нибудь в Индию, только не собственному народу, неприхотливому и всем довольному, но не лезьте вы к нему! Придумали себе какой-то народ православный, а тут люди давно не верят ни в Бога, ни в чёрта. Здесь народ верит только в вилы, потому что убедительней ничего нет. И всадыт они тебе эти вилы по самое не хочу, а я ничего сделать не успею.

Побитый гражданин был более категоричен и требовал посадить бандитку, на что милиция только зевнула и потянулась:

– Она тюрьмы не боится, она там отдыхать будет. С таким мужиком живёт, что ты бы в первый день повесился, а ей с ним всю жизнь срок мотать. Потому как дети у них. И вот Светка пришла в правление совхоза требовать, чтобы выплатили деньги их обманутым мужикам, разумные доводы приводила, что люди же работали, работа выполнена, принята, нареканий нет, урожай получен и успешно продан. Почему с этих денег нельзя работягам заплатить, которые его и произвели? А директор совхоза непростительную ошибку совершил, сальные глазки состроил: «Ох, какая грозная! Ты чего злая такая? Мужик тебя не жарит совсем?». У них одна тема: народу надобно только водки выпить и потрахаться – тем и живёт. Мужики захихикали. Не будут они Родину защищать, никакие они не защитники бабам своим и семьям. Светлана не растерялась и ласково ответила, впившись немигающим карим взглядом в лоб глупому директору:

– Ладно, подавись ты нашими деньгами. Пусть твои дети на них побольше героину себе купят. Пусть твоя очередная подстилка на иномарке, которую ты ей на наши деньги купил, с самого высокого моста свалится. Напущу на твой род проклятье, хотя он у тебя и без того гнилой, потому что сильные здоровые люди подобной вознёй по любому не занимаются.

Директор попробовал засмеяться, но неудачно закусил язык. До крови! Прошипел только: «Ведьма», но Светка уже дверью хлопнула. Потом на улице мужу высказала, что его бабу оскорбляют, а ему бы только гы-гы-гы. Он подтвердил:

– Ты что, государство, что ли, чтобы я тебя защищал? Не хило о себе мнишь! Нечего было там мордой отсвечивать перед кобелями кабинетными, сами напросились.

– Твари вы трусливые! Их грабят, а они хихикают, как девки, которым под юбку лезут. Конечно, жена прокормит, огород есть и курочки с коровкой. Вам легче в запой уйти, чем попытаться хоть чего-то добиться. Вот жене нервы мотать кривой пьяной рожей – это вы всегда готовы. А директор ещё пожалеет, что со мной пересёкся...

Мужики стали слабо оправдываться, какой смысл разговаривать с уродом, который смотрит на тебя, как на животное: «Я господин, а ты сука» – у всех на роже эта мысль пропечатана в разной степени отчётливости. Попользовались народом и отшвырнули, как презерватив: попробуй, докажи что-нибудь, если ты у них даже в документах нигде не значишься. Могут любой договор состряпать и потом уничтожить, отчёты о липовой зарплате, которую никто не получал, и расходах подделывают только так! Бухгалтерия не просто двойная, а тройная давно, если не пятикратная, да кто тут в глубинке будет это расследовать? Недаром в

стране такой популярностью пользуются фильмы по сказкам Агаты Кристи и прочих мастеров детективного жанра.

А директору всадили вилы в лобовое стекло, мать-пенсионерку скинули в навозную кучу и до полусмерти избili его очередную молодую жену, все зубы выбили: «Это чтоб за щеку долго не могла брать у своего трахаля». Хуже всего, что у его сына от третьей жены обнаружили почечную недостаточность, а из заграницы, где училась дочь от первого брака, пришло известие о первой неумелой передозировке, последствия которой импортным врачам удалось предотвратить. Зато теперь предстояло объяснение с законом, который за бугром суров. Это не здесь ментам на лапу сунуть, чтоб замаяли дельце о шалостях бестолковых и неприспособленных к жизни отпрысков. Он и тут было к ментам метнулся, но там опять устало зевнуло:

– Мы тебе прикрытие не от крестьян обеспечиваем, крендель сыкливый, а от структур куда более серьёзных.

– Так эта ведьма меня сглазила...

– Ой, иди ты к чёрту со своими гоголевскими фантазиями! Была бы она ведьмой, так не жила бы в таком дерьме, наколдовала бы себе дворцы и кавалеров пригожих, а не алкаша помятого вместо мужа.

– Да найдите же управу на этих сучек! Мужики как люди: поржали и разошлись, а ихние бабы бешенные...

– Ты уясни, что этим, которые «как люди», терять нечего, кроме своих сараюшек на шести сотках, а у тебя счета в банке, недвижимость за бугром. Тебе как раз есть, что терять, поэтому не усугубляй. Языком не надо лишнего болтать, а если доболтал до тяжёлых последствий, то разруливать будем только за дополнительную плату.

– Как будто они не знали, что их разведут и кинут! Как будто первый раз им не заплатили. Не выходили бы на работу – никто не заставлял. Я бы других придурков нашёл. Мало, что ли, их в этой дикой Рашке, и все денег хотят. До денег нынче каждая падла сама не своя! Только работать никто не хочет.

Некоторые обманутые и использованные дирекцией бедолаги пробовали судиться, но никто не слышал, чтобы это помогло: система наглухо повёрнута к народу жопой, закон заточен только под защиту феодала. Хотя служившие в сапёрных войсках говорят: никогда не стой к врагу задом – могут и туда вставить. Но совсем не то, что ожидается, а динамитную пашку. У совхозов долги по зарплате перед работниками по несколько миллионов. Ульяна знала баб постарше себя, которые с девяностых годов так и не получили деньги, когда труд доярок и зоотехников оценивался по советским тарифам достаточно высоко. Животноводы – они же тонны мяса вырастили, тонны молока сдали государству, которое их успешно слопало. Это тонны денег! Где они? Десять лет мурыжили, пока миллионы обесценились и превратились в сто рублей. Их и выдали с видом величайшего одолжения. И такая картина повсюду! В автобусе едешь, в электричке, на остановке маршрутку ждёшь, разговоры людей слушаешь, а тема одна: их грабят, обманывают, запутывают. Над ними насмеваются, словно дразнят и не понимают, как это опасно, если эта лава пойдёт совсем не туда, куда призывает глупый телевизор, которому давно никто не верит. Начальники не платят, юристы и экономисты путают следы. Глупо при таком раскладе крутить по телику передачи, как «русских притесняют» на Украине и в Прибалтике. Русских дерут у себя дома, как больше нигде невозможно. У тётки Терентьевой дочка с мужем в Финляндию укатали, у Савельевых сын в Канаде с семьёй живёт, работают в сельском и лесном хозяйстве. Очень нравится, за пять лет заработали на машину и домик, на которые у нас полвека надо корячиться, хотя они там – мигранты. Там закон запрещает, чтобы человека обманывали или обижали, русский ты или китаец, коренной или приезжий. Если человек ещё и работает, производит для государства полезную продукцию, то его обидчики потом вовек не отмоются от позора такого. А в совхоз

для разрешения конфликта приехали какие-то хлюсты, сразу было понятно, что толку с них не будет, за версту видно, каким иконам кланяются. Стали слова мудрёные по языку катать, а под конец выдали, что народ сам виноват:

– Вы не хотите учиться и вникать в законы экономики, чтобы понимать, откуда берётся прибыль, только тупо хотите денег на халяву. Да и вообще, у *вас* настолько деструктивное устройство поселения, что смысла нет расходовать на него бюджет. В городах надо жить, а деревня свой век отжила, поэтому столько нарушений и недочётов.

И так говорят, как будто это сама Ульяна и другие бабы такое поселение устроили! Тут и родители их жили, и деды, но им такой ахинеи никто не говорил. Когда господа жрать хотят, так выколачивают из этих «деструктивных» любую прибыль: уголь, топливо, сталь, древесину, овощи, мясо, молоко. Но асфальту положить двести метров пожадничают, лучше в Африку отдадут ради показухи и улучшения имиджа на мировой арене. На дачу или модную нынче у сытых господ охоту, чай, не в свой Нью-Йорк или красавицу Прагу мотаются, а в «отжившую век» дыру, на которую у них никогда денег нет. Неблагодарные дети земли, оторванные от реальности. Куда они все пойдут, когда их попрут из офисов – бестолковые, бесполезные, глупые настолько, что скулы сводит! А ведь попрут когда-нибудь: подобная разность потенциалов долго сосуществовать не сможет.

Создавайте тогда города, сделайте хоть что-нибудь для страны, а мы поживём. Но в городах такая же картина на заводах и фабриках, квалифицированные рабочие оборонных предприятий получают настолько мизерные зарплаты, что уже крупные государственные чиновники называют это диверсией. У светской львицы один ноготь стоит дороже, о чём работягам поведают в вечернем развлекательном шоу, чтоб трудовой народ слегка развеялся, а это уже всем диверсиям диверсия. Только по ящику у них героизм и величие, а на деле страна вымирает и делает это совсем некрасиво, не героически. Деверь Ульяны, старший брат её мужа умер пару лет тому назад. Его жена вовремя не перевернула, когда с перепоя спал, а желудок начал отторгать выпитую накануне отраву, в которой он и захлебнулся. Обычное дело. Такой глупой бессмысленной смертью в округе многие погибли. Ульяна своему всегда в таких случаях валик к спине привязывала, чтобы на спину не перевернулся – её мать так научила. Если надо было сено убирать, дрова пилить или корову доить. А так, если рядом находилась, тут главное не зевать и не дремать, а переворачивать его вовремя, как котлету на сковородке, чтоб не подгорела.

Жена деверя Светлана тогда замешкалась: у младшего ребёнка был коклюш, старшего в милицию забрали за кражу, у свиноматки опорос начался, да ещё плюс ко всему град прошёл и порвал плёнку на парнике, побил томаты и огурцы. Ну, как тут за всем усмотреть? Пока туда-сюда металась, муж и выбрал подходящий момент, чтобы срыгнуть и захлебнуться, словно отомстил жене за всё хорошее. Муж Ульяны так осерчал на невестку за смерть брата, что запретил жене общаться с «этой фашисткой». Свекровь тоже прибегала к Светлане, грозила убить за сына, но она ей не открывала. Обе очень не любили друг друга, поэтому свекровь всю «любовь» изливала на Ульяну.

Ульяна не могла на неё обижаться. Замордованная жизнью, уставшая работать за троих, никому не нужная одноглазая бабка. Глаз ей покойный муж выбил кнутом ещё в молодости, якобы нечаянно, когда хвастал перед друзьями, как он умеет коровами командовать, а она мимо шла. Чёрт куда-то нёс судьбе навстречу. Зато потом женился, словно одолжение сделал: «Эх, так уж и быть, осчастливорю дуру». Она на него даже не сердилась никогда за это увечье – женился же! К тому же, в браке были и другие увечья от него, куда более тяжкие. Теперь ещё и сыновья один за другим представились. Свекровь потом после похорон приходила к Ульяне, плакала своим страшным, уставшим работать за двоих глазом и за что-то просила прощения. Обе поревели, выпили наливочки и разошлись с миром.

* * *

Так Ульяна стала вдовой в тридцать пять лет. Детей нет, мужа нет, и ничего этого даже не предвидится. Из мужиков только кот остался, старый, хороший. Не пьющий. Даже валерьянку не любил, словно сказать хотел: «Ну, куда тебе, женщина, ещё одного пьяницу в хозяйстве?». До него была кошка, пришла к ним жить уже в возрасте, через пару лет собралась помирать. Ульяна её к ветеринару на ферму носила, тот сказал, что проще усыпить. Муж предложил «усыпить» лопатой: «Ещё деньги платить за такую фигню!», но Ульяна не позволила. Кошка прожила ещё полгода, умирала на кровати хозяйки, как царица. Перед смертью сильно мочилась гноем на клеёнку, но всё же встала, боднула свою спасительницу в плечо и долго лизала руки, которые её так хорошо кормили. Благодарила. И прощалась. Ульяна ревела, словно человек близкий помирает. Странное дело, но никак она не могла огрубеть и охаметь от такой жизни, как прочие нормальные люди. Муж ругал её за это слабачкой и бабой, что показательно.

Ещё отец говорил перед смертью:

– Тяжело тебе будет, дочка, но ты не грубей, не превращайся в терновник. Ты у нас живая, как цветочек, который солнышку радуется, раскрывается лучам навстречу, но жить-то придётся в грубом мире среди хамов. Ты им навстречу раскроешься, они наплюют в тебя, сломают, ещё и обвинят во всём. Но ты всё равно чувства свои слушай, не отказывайся от души – не лишний это элемент в человеке. Оставайся живой, как бы ни высмеивали. Сейчас время такое: лживые кривляки вытесняют живых людей, всё чувствующих и понимающих. Жалко, что я защитить вас от этого не смогу, а муж твой сам против тебя во всём.

Смерть кошки её сильно расстроила: единственное существо было в доме, с кем можно просто поговорить. Похоронила её под клумбой с цветами и решила больше никого не заводить, а то не передать, как больно терять эти маленькие комочки жизни, к которым привыкаешь посреди тотального одиночества особенно крепко. Но тут брат приехал с Севера деньги пропивать, гулял полгода с её мужем и друзьями, пока всё не спустил. Ульяна сердилась на них, что мужики неразумные сколько бы ни заработали, а на жизнь ничего не отложат, только на смерть, на уничтожение себя любую сумму потратят. Брат решил, что это она из-за кошки переживает и притащил рыжего котёнка в качестве извинений за доставленные неудобства. Сестра рассердилась ещё больше, что ж он такой тупой, если она внятно сказала, что не надо ей больше кошек и собак. Или назло всё делают, чтоб чисто поржать? Да ещё в дом кого только ни тащат, словно не хозяйка она здесь, не слушает и не слышит её никто! Отругала брата, велела, чтоб убирался, раз и похмелиться не на что: к сестре вот припёрся с презентом, только б налила, а у самого семья где-то брошена. Котёнок смотрел на неё испугано из-за пазухи, а брат вдруг заплакал:

– Возьми кота, злыдня! Он же золотой, гляди, а это к деньгам. Он тебе счастье в дом принесёт.

И стало ей так жалко всех, таких слабых, глупых, беспутных, что она и котёнка приютила, и брату денег на обратную дорогу дала. Уж лет десять с тех пор минуло, а брат умер три года назад. В очередной приезд с Севера, где прилично платили, надо сказать, по деревенским мерам, заснул на улице в мороз, а дружки не заметили. Друзья у них – одно название: «А мы при чём?». Только пить за чужой счёт горазды, а просто увести человека в сени, чтоб не остался на снегу лежать, не догадаются. Жестокие малодушные твари. Какие-то посторонние бабы его нашли, на санках до амбулатории довели, но он уж ноги обморозил. Сначала ступни отрезали, но гангрена не отставала, сожрала мясо до бедра, пошла выше. Врачи сказали, что кровь плохая: какие там витамины на Севере. Умирал у своей жены в городе, Ульяна навещала его там, хоть поговорили по-человечески, а то брата было прак-

тически не выловить в трезвом состоянии, когда здоровым бегал. Спросила, не жалко ему помирать в сорок лет. Он даже удивился:

– А зачем жить? Скучно же. Я уж всё попробовал: чистый спирт пил, с чужой женой спал, на брёвнах по порогам на реке спускался. Что там ещё интересного? По телику в фильмах про мужиков одни подвиги и крутизна, тёлки клёвые вокруг так и выются, не чета реальным бабам-дурам. Только в кино сплошные спецэффекты, а в реальной жизни грузовик увязнет, и мы его вытягиваем по колено в грязи. Устал так, словно мне сто лет, а не сорок. Думал, что мной должны восхищаться только потому, что мужиком родился, а ведь это ненормально: жить ради восхищения. Да ещё и крутого мужика из себя изображать посреди нищеты и пьянства. А какой я мужик, если жену ни разу на руках не носил? Не для красивой картинки, а только для себя, чтобы почувствовать, как это. С детьми толком не пообщался, а они ведь не запомнят меня, забудут годам к десяти. Ты им скажи, когда вырастут, что не таким уж поганим человеком их папка был. Только очень глупым, что слушал, кого не надо. Подсадили нас на подвиг, а оказалось, что трудней всего просто жить. Не для подвига и шумихи, а только для себя, для своих...

Остался от него кот на память. Денег и счастья не принёс, но всё ж живая душа в доме, а это уже богатство, когда вокруг всё вымирает. В эту зиму заболел, Ульяна выхаживала как ребёнка, как важную ниточку, которая связывает её с навсегда ушедшим миром дорогих ей людей. Казалось, если нить оборвётся, то жизнь потеряет всякий смысл. Умоляла этот клубок сваливающейся шерсти: «Котик, только не умирай! Имей совесть, ты же у меня один остался». И он остался, выкарабкался. Как и прежде ходит за Ульяной по хозяйству и за дровами, делает с ней обход в сарай, лежит на заваulinке, когда она чистит двор, светит в сумерках жёлтым глазом со спинки любимого дивана по вечерам. И ей кажется, что её мальчишки тоже сидят где-то тут рядом. Но совсем не такие, какими были при жизни, а поумневшие и повзрослевшие, ставшие настоящими мужчинами, надёжными и умными, её защита и опора в этом непонятном мире.

На их улице почти все бабы были одинокими, поэтому Ульяне одно время даже завидовали, что у неё муж есть. На соседней улице у одной Таисьи Карповны муж остался, ей тоже все завидуют. Недюжинные силы свои Клим Петрович потратил на служение Бахусу, как он сам говорил, если этот Бахус, конечно, потреблял внутрь препараты бытовой химии.

– Бахусу он служит, видишь ли! – смеялась над ним Светлана. – У нас в стране пьянство и вакханалией-то назвать нельзя. Вакх и Бахус были покровителями винограда и виноделия, а наши льют в себя тормозную жидкость и называют это пьянством. По радио передача была, что во Франции пьяницами считают тех, кто пьёт много натурального красного вина – там другого нет. А наши технический спирт шкварят, но пьяницами себя не считают.

– Тебе не всё равно, отчего мужик идиотом становится: от дорогого виски или от стеклоочистителя? – удивлялась её соседка медсестра Алла. – Не велика разница, каким перегаром он на тебя дышит: от качественной водки или от палёной. От качественного пойла он деградирует или от чего-то подешевле? Как будто человек, перепивший натурального вина, будет себя приличней вести, чем нищий пьяница. Так же будет куражиться и гадить мимо горшка. По телику не зря застрекотали про какой-то «качественный» алкоголь: дескать, власть за народ переживает, что он там в себя заливает. А бабам-то от этого ни тепло, ни холодно: пьянь – она и есть пьянь.

– Да я к тому, что он во дворе с такой мордой сидит, словно подвиг непосильный совершил, а никто не оценил.

У Клим Петровича несколько лет тому назад якобы отнялись ноги вследствие потребления несовместимых с жизнью жидкостей, и он теперь сидел во дворе, куда его выносила жена для моциона. «Якобы», потому что иногда его видели ходячим и даже бегающим, когда жена куда-нибудь отлучалась из деревни, а он метался в поисках любимых напитков. Когда

же Таисья Карповна возвращалась домой, он снова становился парализованным. Но ей никто об этом не говорил, да она всё равно не поверила бы – любила его безмерно. Целый день по двору суетится, огород копает, траву косит, дрова колет, а муж-псевдопаралитик в тенёчке сидит и контролирует, значит. Иногда кричит:

– Ну кто так, дурья башка, забор красит? Ты без меня ничего сделать не можешь! Ведь помру, неровен час, ты ж без меня пропадёшь... Ну, и куда ты теперь пошла, курва бессмысленная? Да оставь ты лопату, а иди дрова допили! Ну, и зачем ты пилу взяла? Я тебе сказал, чтобы ты сейчас же окна на веранде вымыла: грязь развела, что сквозь стёкла не видно ни хрена. Как ты без меня жить-то будешь, дура набитая? Мог бы ходить, так дал бы тебе пинка, сволочь, чтоб научилась работать, как надо! Унеси меня в дом, не могу уже на тебя смотреть! Издевается над мужем, как хочет, и бог её никак не накажет.

Жена ахает, охает, но, в конце концов, с виноватым видом подхватывает своего благоверного и несёт в дом вместе со стулом. Бабы заглядывают на этот шум через забор, завидуют: «Везёт же Тайке! Семейной жизнью живёт».

– Тайка, а ты не пробовала его дубиной полечить? – спрашивала её иногда проходящая мимо насмешливая Светлана. – Ей-богу, лучше лекарства для ихнего брата не найти.

– Ах ж ты, сука такая! – заходилась в таких случаях муж Таисьи Карповны, хватал с земли ком глины или камень и швырялся в Светку. – Своего мужа извела, падла, не уберегла... Да на таких, как я, Русь держится!

Бывало, он так раскапризничается и не даёт жене занести себя в дом. Она подойдёт, он как даст ей кулаком. А кулаки-то у него – дай бог всякому: он ими в молодости на спор гвозди забивал. Обычно так вёл себя, когда начинался дождь, и жена переживала, что муж вымокнет и простынет, а он безошибочно разгадывал её тревогу и начинал виртуозно куражиться.

– Вот простужусь, умру, и тебе будет стыдно, что мужа не уберегла, – говорил назидательно. – Хотя тебе стыдно не будет. У тебя совести-то никогда не было. До инвалидности меня довела, а теперь думаешь, как бы вовсе извести. Не подходи ко мне! Да если бы не ты, да я бы мог... Я бы мог чего-нибудь в жизни добиться, а так сижу тут с тобой, с дурой... Меня даже в Кировский театр приглашали!

В детстве его действительно однажды пригласили в спектакль на роль эльфа или ангелочка, которого несколько раз проносят на руках на заднем плане сцены. Был он тогда хорошеньким ангелоподобным мальчиком, поехал с мамой на школьный базар в город Ленинград. Там-то его и увидел ассистент какого-то режиссёра. И вот этот, казалось бы, незначительный факт отравил всё его будущее существование. Решил он тогда, что его ждёт необыкновенное будущее, а вместо этого женился на нелюбимой женщине, потому что вообще никого не любил, спился от позорного, как ему казалось, труда в местном совхозе, а теперь специально сидел под дождём, чтобы никто не догадался, что он плачет.

Местные мужики не так, чтобы все поголовно спились. Многие просто уехали в город, где ещё осталась хоть какая-то работа. Бежали или спивались, потому что в деревне, как поётся в одной песне «перспективы нет и бизнеса». Оказывается, кто-то посторонний должен снизойти откуда-то, создать эти самые перспективы с бизнесом и скромно удалиться, ничего не попросив за услугу. Были и пьющие бабы, но они быстро сгорали от водки, за ними никто не ухаживал. Если вокруг пьющего мужика часто вьётся сонм мамушек, тётушек и жён с сёстрами, которые из канавы вытащат, отмоют, отстирают, вызовут врача, заплатят за капельницу, то с опустившейся женщиной мало кто станет так возиться. Не принято. Если прихватит сердце или подскочит давление, то соседи где-то через пару дней заметят, вызовут труповозку. Поэтому Ульяна боялась пить.

Муж один раз напоил её смеха ради, и ей так плохо сделалось, что не передать: как это люди пьют такую гадость каждый день! Она по радио передачу услышала, что женщины чрезмерно придираются не по делу к мужчинам, изводят и без того редёющие ряды таких

замечательных весёлых парней. Ну, подумаешь выпил, экая трагедия, выпей сама с ним, накрой на стол, что она и сделала. Муж сначала хмурился, в чём тут подвох, а потом позвал собутыльников. Ульяна попробовала только пиво, но ей плеснули туда водки, ужасно рвало, она взяла таз и заперлась на чердаке. Было так стыдно, а мужики хохотали внизу страшными голосами. Потом Светка её ругала:

– Ты совсем дура, что ли? Нашла кому подыгрывать. Нашла кого слушать: радио! Ещё телевизор послушай. Там тебе и не такое посоветуют, только успевай трусы подтягивать. Ты знаешь, чем такие вещи заканчиваются, когда муж с женой пьют, сколько убийств по стране после пресловутого совместного распития? У нас соседка так с друзьями мужа заигрывала, в дом их пускала, за стол сажала, выпивать с ними стала, пока не пустили они её по кругу, когда мертвецки пьяный муж на веранде дрых. Полный дом упившихся кобелей, что ж ты хочешь? Менты давно сказали, что даже не пошевелишься, если очередную дуру в собственном доме собутыльники опустят. Сама напустила сброд – сама и разбирайся, кто там тебя и чем. Неужели сама не чувствуешь, как это опасно: пить вместе с теми, кто и в трезвом-то состоянии плохо ненавидит к тебе скрывает?

Испугалась, что мужики пойдут трепать о ней по деревне, какая она пьяница и беспутная баба, потому что для этого достаточно один раз вот так осрамиться, чтобы позорное клеймо прилипло на всю оставшуюся жизнь. Кстати, заядлым выпивохам и гулякам никогда такого не говорят. Но больше всего поразило, как отнеслась к этому домашняя живность. На утро вышла к курам, а они врассыпную, кудахчут с осуждением, даже ни одного яйца не снесли! Корова к себе два дня не подпускала, даже не позволила по чубчику потрепать, кусалась и угрожающе переступала с ноги на ногу. Ульяна знала, что к корове лучше не подходить, если так себя ведёт, упростила соседку подоить, сама стояла в сторонке, мысленно просила прощения. Бурёнка испуганно косила чёрным глазом, словно хотела сказать: «Ты чего, рехнулась, хозяйшкa? Себя забыла? Это мужик гулять может, а на тебе хозяйство. Нам что прикажешь делать, если с тобой беда случится? Уйди с глаз долой, предательница».

Ульяну этот случай так насторожил, что зареклась когда-либо ещё потакать чьим-то пьянкам. Да и опасно это: реально отравившись, с сердцем или почками плохо станет, и ведь никто не поможет. Только водки плеснут для верности. Да и зачем это? Что за общение, что за дружба такая, если только через пьянку? И вообще, она давно привыкла к одиночеству, хотя её семейная жизнь и закончилась только в прошлом году. Муж ею почти не интересовался, никакого внимания не уделял. Наверняка, очень удивился бы, что жене требуется внимание. Или гулял где-нибудь, или лежал пластом без признаков жизни. Но вдруг стало на неё наваливаться настолько острое ощущение одиночества, что Ульяна и комариному писку была рада.

* * *

Сразу после смерти мужа она пустила в дом молодую пару по договорённости с Администрацией городского поселения, к которому их деревня была приписана. А то живёт одна, как барыня, когда в стране беда с жильём. В деревне много пустых домов, но они быстро приходят в негодность, жить в них нельзя. Обычная изба без хозяина разрушается очень быстро, иногда одной зимы достаточно. А Ульяна за домиком следила, каждый год красила, даже обшивку менять сама научилась. Муж иногда помогал, но уж больно люто напивался после этого, на неделю в запой уходил, словно мстил, что работать заставили, как будто не для себя, а для врагов.

Деревня в какой-то момент перестала развиваться. У людей нет денег на строительство, поэтому многие до сих пор живут, как крестьяне пятнадцатого века, всей семьёй в одном доме. Ладно, если в доме или квартире, а то иногда в одной комнате. Непосвящённым

во все тонкости быта кажется, что это народ такой ненормальный – сам не хочет хорошо жить! Никто не разъезжается, все толпятся на общей жилплощади, действуют друг другу на нервы, переругиваясь в очереди к туалету или прорываясь к умывальнику. У людей не просто денег нет на дополнительные метры жилой площади, но и самой жилплощади как таковой нет. Это серьезная проблема многих российских городов, где вообще никакого строительства не велось за последние тридцать-сорок лет. Власти почему-то предпочитают эту проблему замалчивать, хотя она очевидна настолько, что о ней знают даже те, кому не положено. Например, чиновники от медицины или образования сетуют, что практически всюду не хватает врачей и учителей. Дескать, молодёжь такая избалованная пошла, институты закончили, а ехать в провинцию и работать там за «скромную, но приемлемую зарплату» не хотят: всем сразу миллионы подавай. Но вот приезжают молодые специалисты, хотят работать, он врач, она учительница, двое маленьких детей – прекрасная молодая семья. Их селят в аварийный барак с проваленной крышей. И никто не говорит, что это временно, скоро построят современный и комфортабельный жилой дом, где вы непременно получите просторную квартиру. Ничего не построят, так что это – навсегда.

Семье нужен дом, а его нет. Членам этой семьи начинают давать «ценные советы», что они вот тут могли бы подсушиться и заселиться в мезонин, а там надо было летнюю мансарду впятером обживать, где зимой холодно и потолки текут. Но людям банально надо где-то жить! Люди не живут на улице, что очень огорчает нерадивых глав городских и сельских администраций. Дети молодых специалистов вскоре заболевают, потому что в «доме», если эти руины можно так назвать, растёт грибок и плесень. Молодая семья не сдаётся, но начинает роптать. Администрация в недоумении:

– Что ж вы нынче такие изнеженные? Откуда вы вообще берётесь? В России живёте, понимать надо, какая у нас сложная политическая ситуация на международной арене! Вам с жильём ещё повезло, можно сказать, потому что тут энергетик приехал с семьёй, их поселили в квартиру, где местами полы провалены. И ничего! Живут как-то. Уже три раза к соседям вниз проваливались, но это по личной неосторожности. А ветеринар с тремя детьми вообще живёт в подвале, где канализацией воняет до рези в глазах, зато проваливаться уже некуда. Нешта наш народ таких пустяков боится? Да наш народ в землянках гнил за мир во имя победы справедливости на земле...

Заткнуть этот фонтан оптимизма можно вопросом: вы сами согласитесь жить в таких условиях? Подобные вопросы воспринимаются властью очень болезненно, на уровне измены Родине и продажи секретной информации агентам иностранной разведки. Заканчивается тем, что молодые специалисты уезжают, потому что детям ставят нешуточный диагноз, а муж начинает пить. Отечественные мужчины словно бы запрограммированы, что при возникновении проблем «настоящий мужик» не должен их решать, а просто-таки обязан первым делом уйти в запой. У жены случается второй выкидыш от нервного напряжения, что крыша над головой может рухнуть в любой момент. При этом бабу грузят по телевизору, как обнаглели россиянки, что так мало рожают в таких чудесных условиях – зажрались, сучки. Одни граждане повадились упрекать других, что те мало родят новых сограждан. Наверно, чтобы все аварийные халупы и брошенные деревни было кем заселить.

Кто они такие, эти упрекающие? У них какая-то лицензия на это есть или специальные права получены? Или они создали и предоставили людям какие-то потрясающие условия жизни? Нет, такие же бестолковые балаболки, как на прочих попсовых каналах. Но респект попсе, что та хотя бы не берёт на себя больше своего веса. А эти вообразили себя учителями неразумного народа. Кто-то и хотел родить, да передумал, увидев таких агитаторов, перекошенных от ненависти. Естественно, находятся неистребимые служанки, которые спешат к ним с отчётом: «Я троих уговорила родить». Рабство полтора века как отменено, а эти до сих пор к хозяину с отчётом бегут. Хозяин снисходительно усмехается: молодец, бабка. Рас-

суждают как крепостники, которым дворовые девки перестали рожать новых крепостных рабов. Шипят как змеи, словно их бесит, что дети рождаются от женщин, которых для этого надо любить, но вот с этим у них проблемы – баб они терпеть не могут! На дух не переносят, и ничем не замаскировать, что именно ненависть у них является основой отношений с «прекрасным» полом. Любовь к женщине считают ниже своего достоинства или просто позором. От них буквально воняет этой ненавистью, разит за версту. Тревожно за баб, которые отважились с ними спать. Они с такой злобой рассуждают о рождаемости, словно за дефицитом в очереди стояли, а им не досталось. На детей смотрят как на количество очков в каком-то странном соревновании.

Известный борец за рождаемость написал в статье, как ему удалось отговорить «нескольких потаскух» сделать аборт. Эти дядьки с нелепыми бородами и бритыми до блеска головами дежурят у кабинетов женской консультации и вылавливают там «всяких сук с пузом», чтобы заставить доносить беременность! Ведут самую настоящую охоту на ведьм. Но зачем им дети, если они так сильно презирают тех, кто их рождает, если они беременную бабу считают потаскухой? Зачем им люди, если они их настолько ненавидят? Задать такие вопросы – они не поймут, о чём речь: «При чём здесь люди какие-то? Мы о детишках печёмся, это же святое! А люди – это грешники и потаскухи, тьфу на них совсем».

Возможно, в этом и ответ на вопрос, почему население тает. В природе всё так устроено, что она не допускает преумножения ненависти, как безотказного механизма разрушения, поэтому блокирует процессы, которые создают её новые источники. Если человек горячо что-то ненавидит, но требует этого от жизни побольше, потому что «так надо» или вдруг стало модно, жизнь ему этого не даст. Жизнь допускает только то, что человек любит и желает от чистого сердца, а не соревнуется с другими идиотами, кто больше накуёт детей разным бабам, связь с которыми он рассматривает как наказание.

Надо бы гнаться за качеством жизни, а не за количеством оборванцев, но они на чистом поголовье зациклены, как будто речь о крепостных идёт. Помещики раньше хвалились друг другу, у кого больше душ, гоголевский Чичиков для чего их и скупал. Почему женщины не рожают? Их не любят. Нет, их пользуют, конечно, на все сто. Но не любят. Беспристрастная статистика говорит, что подавляющее большинство женщин делает аборт под давлением мужчины-партнёра, который «не готов стать отцом», не готов взвалить на себя такую ответственность, да и вообще он хочет жить с мамой, а не с «этими дурами», которым только бы кого женить на себе, лишиться его свободы в виде онлайн-игр.

О борцах за нравы населения мало что можно сказать, но есть одна черта, которая является основной линией их поведения – ненависть к людям. Естественно, ненависть к женщинам, которые людей рожают. Женщин они называют исключительно «эти...» с многозначительной паузой на конце или «бабы». Спасибо, что не бляди. Но такое впечатление, что именно последнее слово больше просится им на язык при упоминании этих... которых надо бы всех утопить, да вот только кто ж тогда рожать будет, да побольше, чтоб им... Если обстоятельства вынуждают их произнести слово «женщины», то у них выходит только какой-то злобный свист и шипение. Эти... чёртовы жжззенсщщины, по их мнению, обязаны постоянно быть беременными хоть от кого-нибудь, что выдаёт плохое знание школьного курса зоологии. О людях они вообще рассуждают именно с позиции зоологии и сельского хозяйства, пересчитывая поголовье граждан в каждом стаде. Обожают тему абортот! Которые делают проклятушие стервозы, чтобы не грузить проблемами резвящихся самцов, чем уменьшают поголовье стремительно редющего стада. Самцов они не трогают в своих обвинениях, чтоб ненароком не схлопотать по рогам, а предпочитают атаковать исключительно самок, что свидетельствует об их небывалой «смелости» и «отваге».

Они так легко рассуждают об абортах, как будто сами их делали. Сами похожи на жертву аборта, как Остап Бендер выразился. Даже не знают, что во многих российских поли-

клиниках ещё с прошлого века нет ни только офтальмологов и пульмонологов, но и гинекологов там давно нет. Так что аборт делать некому. Население этого не замечает, потому что большинство женщин вообще не обращается к гинекологам. Они просто не ведут никакой половой жизни. Когда от мужчин остались одни алкоголики, женоненавистники и пугливые маменькины сынки, это не так уж трудно осуществимо. Проблема не в том, как сделать аборт, а как вообще забеременеть. Отловить хоть кого-то более-менее вменяемого. Есть выездные врачи, которые раз в квартал, а то и реже объезжают деревни и посёлки. Они в ужасе! Они находят женщин, которые даже не знают, кто такой гинеколог и зачем он нужен. Их мужья уверены, что гинеколог лечит венерические заболевания, поэтому могут поколотить жену, если узнают, что она ездила в женскую консультацию. Врачи объясняют им, что репродуктивная система женщины может пострадать не только у тех, кому есть с кем спать, но и в результате переохлаждения, например, или поднятия тяжестей. Им с трудом удалось уговорить на госпитализацию бабу из соседней деревни, которая в холодную погоду копала огород, опустила себе почку и промочила ноги, отчего началось воспаление придатков. Она отнекивалась, преодолевая ужасную боль, и уверяла, что вылечится самостоятельно с помощью но-шпы. Согласилась поехать в больницу, когда её стало рвать какой-то слизью. Если б это были какие-то дикари неотёсанные, а то ведь попадают люди с образованием.

Народ настолько застрял в депрессии и потерял к себе всякий интерес, но иные по десять лет не делают даже флюорографию! И это на северо-западе России, где всегда актуальна проблема туберкулёза из-за сырого и холодного климата. Рядовой современный человек, который хотя бы по минимуму интересуется своим здоровьем, знает, что раз в год надо делать рентген грудной клетки, хотя бы раз в полгода менять зубную щётку и посещать стоматолога. Но в глубинке люди вообще к врачам не ходят. Их там нет. Там стоят разгромленные медучреждения с выбитыми окнами, даже в крупных посёлках и городишках. Огромные мощные здания ещё сталинской постройки, которые разломать не так-то легко. В одной такой больнице недавно фильм о войне снимали, потому что вид, словно Мамаево побоище прокатилась.

Ульяна по работе часто проходила медосмотр, и если раньше это было возможно в местной поликлинике, где имелись врачи всех специализаций, то теперь больше половины врачей отсутствуют. Молодые матери переживают: нависла угроза закрытия отделения педиатрии. И это не какая-то деревенская амбулатория или ФАП, а городская поликлиника! Даже в районном центре врачей приходится вылавливать по отдельности, а лучше сразу ехать в соседний район – там специально сделали платный медицинский центр для прохождения банальных медкомиссий, кому на права надо сдавать или для устройства на работу, для поступления в техникум. Некоторые сразу платят установленную таксу и получают ворох необходимых справок и бумаг, чтобы по кабинетам не скакать.

На фоне этого какие-то идиоты начинают доказывать, что русские бабы буквально не вылезают с абортов. Они уверены, что у подлых женщин хобби такое: «залетать» от каждого встречного и прерывать беременность от нечего делать. Конечно, есть барышни, которые не хотят рожать «от этого козла», хотя зачем-то ложатся с ним снова и снова. Но таких оригиналок не рожать надо заставлять, а предлагать помощь психолога, чтобы выяснить, почему у них настолько поганое к себе отношение. Женщина, которая ведёт безалаберный образ жизни и спит исключительно с теми, кто ей не нравится, не сможет дать ребёнку необходимого тепла и уюта. Мало несчастных нежеланных детей с колоссальной программой самоуничтожения от таких проблемных родителей? Но борцам за рождаемость и такие сойдут. Их можно узнать по вечно кислой физиономии, которую они считают признаком интеллекта и духовности, на которой отпечатались боль сразу за всё Отечество. Тусуются во многих передачах, особенно на тему многодетных алкоголиков и помощи сиротам, где не забывают сказать, какие все бабы падлюки, и трясут жиденькой бородёнкой, которую лучше сбрить

при такой неважной растительности на щеках. Но надо как-то поддерживать имидж настоящего мужика. А имидж всегда нужен до зарезу только тем, в ком мало свойств носителя этого имиджа. Как ни странно, но среди них много жителей мегаполисов, которым вдруг приспичило косить под народ от сохи или из какой-нибудь слободы. У них это плохо получается, но они так самозабвенно увлечены игрой, что и не знаешь, чем из неё можно выдернуть. Мужика они себе представляют, как визгливого хама, который по жизни цапается с бабами, то и дело «ставит их на место», обвиняет во всех бедах и прикладывает крепким словцом, чтобы помнили, кто тут главный.

От них разит ненавистью к людям, но при этом они переживают за демографию. Может, в этом и ответ? Когда их видишь, сразу понятно, почему в стране падает рождаемость. От ненависти. От такой «любви» дети не рождаются, в этом вся причина – люди не любят друг друга, как бы они это ни отрицали. Люди мешают друг другу в тесных жилищах, сражаются за тающие рабочие места, за очередь в кассу, за место в электричке. За место под солнцем. Они согласны, что надо рожать детей, чтобы заменять выбывающих в этой борьбе. И начинается борьба за повышение рождаемости. В сельском хозяйстве есть такое понятие, как «борьба за урожай». Но урожай нужен, чтобы его переработать и съесть. Дети – это не корнеплоды, которых надо побольше надёргать из матери-земли и свалить в кучу, чтобы потом сравнить, чья куча больше получилась. Дети – это люди. Пусть ещё маленькие, но люди, а не овощи. И детям лучше всего живётся, когда мать и отец рожают их в любви, растят вместе в пригодных для того условиях и любят друг друга. Нравится это кому или нет, но так устроен человеческий детёныш, что ему это очень важно, и ничего с этим не поделать. Когда родители вместе только пьют, собачатся, ненавидят и предают друг друга, вступают в брак «по залёту» или из-за квартиры – ребёнок всегда страдает или не рождается вовсе. Жених приведёт в коммуналку к родителям невесту – будут её там любить? Там много лет идёт война за каждый метр, а тут новый жилец, который может родить других жильцов. Нет, это не озвучивается, люди стараются выглядеть цивилизованными, но это витает в воздухе. Этим пропитан сам воздух. Спёртый воздух переполненных людей квартир, тесных как гробы.

Ульяна недавно ехала в автобусе с учёбы, рядом сидели две молоденькие мамы с маленькими детьми. Через проход от них сопел какой-то задрипанный пьяненький мужичонка – спитой задохлик в подтянутых до подмышек трениках, как на популярном постере из Интернета: «Не для вас, куриц, мать такого орла растила!». Вдруг это чучело одобрительно зачмокало мерзкими слюнявыми губами:

– Ай, молодцы, девки! Молодцы, что рожают, не то, что остальные пронститутки. У тебя сын? Солдат, значит. Молодец! Будет кому Рассею-матушку от гада защитить! А у тебя это чего... Девка? Ну, ладно, тоже ничего... Будет кому ещё рожать, ежели чаво.

Осчастливил прямо-таки всех своим одобрением! Потом в такой раж вошёл, что принялся и других лиц женского пола допрашивать, у кого есть дети и сколько. Зардевшуюся от такого приватного вопроса школьницу беспощадно отчитал:

– Дуры инфантильные! Ходят, жопой вертют, а о деле не думают. Где дети твои, пачаму не рожашь? Наверно, трахаешься лет с десяти – знаю я вас, поколение пепся! А чего ж не родила до сих пор? Больная, что ль, какая? Москвичка вон одна родила в пятом классе и ничего, а тебе особое приглашение надо?

Некоторые отмахивались от него, другие прилежно отвечали, как урок в школе: «У меня – два сына! Было... Они уж спились, зато успели трёх внуков сварганить». Мужик снисходительно ставил им «зачёт», а Ульяна подумала, что с женщиной надо сделать, чтобы она с такой готовностью отчитывалась о своей самой сокровенной сфере жизни? И перед кем? Перед отжимком каким-то. Ещё она подумала, что скажет ему, когда он к ней подвалит.

А ведь он подвалит! Уже во вкус вошёл стараниями этих колымаг. Вскоре задохлик действительно смело плюхнулся на сиденье рядом с ней:

– Ну, а у тебя дети есть? Сколько? Или внуки уж? Ты им накажи, чтобы дурью не маялись, рожали поболее гандонов мелких, а то эти пронститутки обнаглели, твари безмозглые, ни фиги о стране не думают! Солдат надо поболее, мужуков – нас вот, то есть. Чтобы было кому, понимаешь, Родину, мать её, от гада защищать, ежели чаво...

– Нет у меня никого, – ответила Ульяна хмуро, сделав вид, что зачиталась справочником ветеринара по крупному рогатому скоту.

– К-как так?!

– Ваше-то какое дело? – ответила она равнодушно.

– Кто-то же должен вас, дур, учить патриотизму! Иначе из-за таких вся Рассея-матушка обезлюдит! Пачаму не родила новых соплежув, я спрашиваю?!

– Не знаю, – пожала плечами Ульяна. – Не замужем я.

– Ах, тебе ещё и мужа подавай, цаца! Лёгкой жизни захотела? С мужем любая дура напаскудит, а сама не пробовала, чтобы мужуков от важных дел не отвлекать...

– Нет, – засмеялась она, не выдержав степени его глупости, и щёлкнула пальцем по обложке справочника. – Сама по себе особь женского пола не рождает, это Вам любой ветеринар скажет.

– Ах ты!.. Вот теперь из-за таких Рассея на грани вымирания...

– Слышь ты, придурок, ты уже достал тут всех, – дёрнула мужичонку за шкурку здоровенная баба, сидящая сзади. – Ты сам кто такой, чтобы тебе отчёт давали, кто и сколько родил? Чего ты ему втолковываешь, откуда дети берутся, если он кроме устройства стакана больше не знает ничего? А эти-то курицы мокрые чуть ли ни в письменном виде объяснительную несут, сколько и кого у них между ног вылезло. Ещё б доклад оформили, кто конкретно их брюхатил, тьфу! Потому и от мужиков фигня осталось, что вместо баб услужливые подстилки, готовые каждому постороннему себя на оценку выставить.

– Так должен же кто-то учить вас патриотизму! Чтобы было кому Родину от гада защищать, ежели чаво! – обиженно заверещал плешивый любитель детишек, но баба оказалась мощнее его не только по комплекции, но и по силе глотки:

– Ты что, сам жить умеешь, чтоб других этому учить? По твоему использованному облику не скажешь. За своими сперматозоидами лучше следил бы, чтоб какая дура не понесла, а то «красавцев» таких уже ставить некуда. С какой стати любви к Родине нас будет учить какой-то рыгающий пивной бочонок на кривых ножках? Занимайтесь, сударь, своими сугубо мужескими делами – пьянками и гулянками, а с прочей ерундой мы сами как-нибудь справимся. А то повылазили из притонов и кабаков, о рождаемости загалдели со своими козлиными мордами. Лезут туда, в чём ни черта не смыслят! Письку свою сунули, вынули, и дальше блудить побежали, а потом бабам доказывают, как тем повезло детей плодить от таких полудурков. Ты-то сам сколько жён бросил, пока пьянствовал, сморчок безродный, сколько детей лично сам вырастил? Или только сынков-собутыльников себе настрогал, чтобы было кому за водкой бегать и бутылки сдавать, да? Сколько своих дружков споил под крики «про патриотизму»? Пьяницы проклятые – вы и есть главные враги России! Страну и баб пропили, население выкосили в пьянках, а теперь ищут какого-то «гада», на которого можно было бы разом всю вину свалить. Овец безотказных слишком много вместо женщин – вот в чём ваше счастье: они-то и вводят вас в заблуждение, что вы из себя что-то представляете. Ишь, повадились лезть в каждую матку с претензиями, словно это какая-то лампа Аладдина, которая им по желанию и солдат народит, и новых собутыльников, и шалав помоложе! А то чагой-то выпить и перепихнуться не с кем стало, да? Сами себя вырастили бы и в люди вывели, а то собственную морду побрить не можете без травматизма, зато людей ею пугаете, да ещё и учите, кого в солдаты отдать, а кто «тоже ничего». Какая нормальная

женщина захочет повышать рождаемость с таким мурлом, чтобы её дети с рождения вашу пьяную мерзость видели? Только если собутыльница какая-нибудь.

Мужичонка от пережитого шока выскочил из автобуса на ближайшей остановке, продолжая бормотать о «патриотизме», то и дело упоминая того «гада», от которого следует защищать Рассею-матушку. Ежели чаво.

Они откровенно ненавидят женщин как явление, не умеют общаться с детьми, с мужчинами могут только пить, но при этом требуют, чтобы первые побольше производили на свет вторых от третьих. И не понимают, почему от такой «любви» не рождаются дети. Те самые, которых они называют «соплежуями» и «мелкими». Они их тоже не любят, но требуют, чтобы их рожали побольше. Зачем им те, кого они ненавидят? Природа не терпит таких противоречий: она даёт человеку только то, что он страстно желает и любит.

А вообще, эти разговоры о повышении рождаемости, в которые теперь беззастенчиво ввязываются даже такие невежественные женофобы и самодуры, напоминали Ульяне сезон отпусков, если таковые в деревне есть, когда женщины на лето разбирали в частные хозяйства совхозных цыплят, поросят и телят на откорм. За добротню откормленного бройлера, а уж тем более за «нагулявшего бока» поросёнка иногда платили хорошие деньги. А по осени начальник фермы ходил по улицам и зычным голосом напоминал:

– Девочки, сдаём мясо государству! Сдаём птичек, хрюшек, тёлочек, кто сколько вырастил – государству новое мясо нужно.

* * *

Человек не животное, как бы он ни стремился к этому состоянию, как бы ни опускал себя до этого. Он никогда не сможет жить только инстинктами, особенно в вопросах размножения. И не навязывайте вы алкоголикам семейные ценности – это просто опасно. Они ведь могут на них клюнуть. Недаром теперь на телевидении полубили забавляться историями, как некую Марусю по пьянке кто-то обрюхатил за отсутствием других развлечений на досуге. Маруся едет на ток-шоу поведать о своём горе, чтоб помогли вычислить супостата. У половины деревни берут анализ ДНК, чтобы установить, чья работа. На таких передачах всегда присутствует элита в лице бывших балерин, которые не знают, куда себя употребить на пенсии, Прохор Шаляпин с очередной женой, обязательно кто-нибудь из духовенства, юная москвичка Валя Исаева, родившая в одиннадцать лет – нынче этого достаточно, чтобы отбоя не было от приглашений на телевидение. Естественно, борцы за повышение рождаемости тоже тут как тут. Они ставят зачёт Марусе, что хоть кого-то родила, в нашем полку прибыло, слава те. Результаты теста мурыжат до конца, чтоб зрители не соскочили. Отцом оказывается какой-то опухший дядька, которому долго всем миром объясняют, что такое ДНК и с чем её едят. В смысле, закусывают.

Выясняется, у Маруси ещё трое детей, распаханы по разным бабкам, мамкам, тёткам, интернатам. Отцов не знает – на фига оно ей. Щедрое телевидение берётся установить отцов всех детей этой несчастной пропитухи, которую пользуют все, кому не лень, а она рождает, словно это её вообще не касается. Отцом одного ребёнка оказывается азербайджанец, который ради Маруси бросил жену и пятерых детей на родной стороне, живёт у неё в сарае, как бы на всякий случай. В студию за ним приехали старшие дети, которые уже сами стали родителями, но мужик наотрез отказывается ехать домой. В студии долго выясняют, что же с ним такое выделяла эта расплывшаяся пьющая торба, чем так прельстила. Оказалось, оральным сексом – в родном Азербайджане с этим напряжёнкой. До внуков дожил, и не познал такого счастья. Отцом другого дитяти оказался... родной брат Маруси, который очень гордится, что у него ещё есть дети «от шести разных куриц». Ну, вот сестре заделал, чтоб далеко не ходить. Да и в телестудии уже водит глазами в поиске нового мяса для соития, так что гла-

мурная публика испуганно отодвигается от него подальше. Марусю спрашивать бесполезно, как это было: она ничего не помнит. Она по жизни такая, потому и рожает много: не помнит, что у неё уже есть дети. А от брата родила, потому что больше не от кого: кругом пьянь одна, а этот хотя бы раз в неделю трезвый. Можно сказать, почти трезвенник. Никто даже не заикается, что инцест свидетельствует о серьёзных психических отклонениях и генетических нарушениях у этих полуживотных. Борцы за рождаемость сражаются с любыми нападкамии на Марусю – зато родила! От кого, зачем, куда, где жить, как растить – не важно. Не до реверансов. Страна вымирает.

Этот зоосад заполонил сейчас практически всё. Некоторые каналы честно пробуют отойти от него, но пока плохо получается: по-прежнему вырывают на чьи-то грязные трусы. Если всё настолько плохо, если в стране столько несчастных людей, которые не умеют ужиться с другими несчастными, а семьи создают только в результате порвавшегося презерватива, то образованным и культурным слоям общества надо бы учить население нормальным отношениям. Но формат скандала требует ещё больше усугублять ситуацию, затягивать узел конфликта, для чего на телевидение вытаскивают с помойки неуживчивых незрелых уродцев, которые уверены, что семейная жизнь – это война, где свекрови могут только скулить с невестками, а те терпят, потому что квартиру надо отжать «у старой дуры». Потому что денег ни у кого нет, только эти халупы, полученные старшим поколением при Советах за полвека каторги на вредном производстве. И вот мамы соревнуются с жёнами за своих облезлых сынков, каких и врагу в койку не пожелаешь. Сынки держатся отрешённо и даже гордятся, что им эта семейная жизнь даром не нужна, потому что институт брака себя исчерпал, если кто не знает. Брак создан для адекватных зрелых людей, которые дорожат отношениями, а недоделанные доказывают, что отношения нужны только их второй половине, а они сами в них угодили случайно или уступили из великодушия к жалкой влюблённой дуре или ради ребёнка – с благородными это сплошь и рядом случается. Не для себя же живут, а для красивого поступка. Теперь сорят претензиями, что девушка, выходя замуж, должна уметь готовить, содержать дом в чистоте, хотеть детей и уважать родню мужа. В ответ «девушки» доказывают, что мужчина должен уметь и знать ещё больше, а иначе он нафиг не нужен. Это называется социопатия – неспособность жить и ладить с людьми, когда кажется, что все мешают, всем «чего-то надо». Такие не понимают, что отношения – это постоянная работа над собой, которую они вести не способны, потому что считают себя слишком совершенными. Они не понимают, что одной рукой узелок не завяжешь: нужна вторая. И наличие этого второго человека им кажется унижительным: ну вот, прогибайся теперь под *эту* или *этого*! Одна сторона уверена, что другая просто обязана прогибаться под неё и всячески заискивать, в глаза заглядывать и отслеживать перепады в настроении: это же ей надо! Мужчины гнутся с трудом, но и среди женщин таких дурочек, к сожалению поклонников семейного садизма, почти не осталось. Вымерли или кто-то подобную дурь выбил своим наплевательским отношением.

Ведь люди не жалуются, что надо поливать цветы, чтобы они цвели, находят время и средства, чтобы ухаживать за ними. В этом и заключается жизнь, а огрызаться с дивана, чтобы никто не беспокоил – это позиция трупа. Никому ничего не должен, ну так никому и не нужен. Другие люди мечтают об отношениях, ищут их, кропотливо и бережно создают, а такие – тяготятся. Им все мешают, их никто не достоин – от них этим буквально воняет, хотя они сами уверены, что источают более приятные ароматы, а окружающие в их лице видят что-то очень благородное, которое снизошло до простых смертных. Колочие одинокости, неуживчивые матери, обидчивые отцы, высокомерные невестки и неприспособленные к жизни зятья выдумали под себя миф «кругом – сволочи, а я один среди них правильный, за что мне полагается награда». А их вместо награды обозвали «козлом» или «овцой», да ещё без квартиры и алиментов оставили! Нешта так можно со сверхчеловеком-то! Глупые

высочки, не более того. Сидят и выясняют, кто кому чего больше должен, что с ними пару раз переспать согласились. Тёща кричит, что зять обязан зарабатывать, а с её дочки достаточно, что она просто красивая. Пока во всяком случае. Потому что от такой «любви» женщина стремительно дурнеет. Ещё и свекровь лезет: «Ты кто такая, чтобы от моего сыночка помощи требовать?! Сама всё, тётенька, сама! Это не *нам*, а тебе повезло, что с нами пересеклась. Замужем побывала и ладушки – радуйся, что вообще туда взяли. Ишь чего удумала: с мужика требовать! А ты-то ему на что, ежели об тебя уже и ноги не вытереть?». Маму можно понять: она одна свою дитятку вырастила, как и положено истинной героине – кто бы сомневался. Прямо, интересно глянуть, что там от папы осталось, если вообще жив ещё.

Не надо быть психологом или ясновидящим, чтобы понять: у таких никогда не будет хороших отношений. Они их боятся! Они тяготятся любыми отношениями, не говоря о таком неподъёмном для них чувстве, как любовь. Ведь любовь – не вздохи при луне, а ответственность за свой выбор, что ты выбрал именно этого человека со всеми его закидонами и глюками, да как бы ни пришлось пожалеть. Хочется идеального истукана, а приходится жить с живым человеком – вот что бесит жителя пластикового века.

Они могут конфликтовать годами с кем угодно, потому что ничего другого не умеют. Они не понимают, что близкие – это не проблема, от которой надо отбиваться всеми лапками, а возможность любить и общаться. Что ты не просто кому-то обязан и что-то должен, а ты – живой, ты нужен! Да, надо вставать утром и готовить завтрак детям, идти на работу, чтобы было на что готовить ужин. Тогда как кому-то не для кого работать и готовить, а кто-то вообще не хочет просыпаться, потому что ему не для кого жить, не о ком заботиться. Но ты пока можешь быть полезным для своих близких и любимых, а когда им хорошо, то хорошо и те... И вот тут выясняется, что их не радует, когда близким хорошо, – их это бесит! И просто распирает от счастья, когда близким плохо. Это видно сразу, как они буквально светятся, когда узнают в студии, что у жены нет денег на ипотеку, а недавний сожитель угодил в мужья к какой-то наркоманке.

Их беда, что они не умеют любить, потому что уверены: это кому-то другому до зарезу надо – их любить. А им самим «в облом так заморачиваться». Соревнуются, кто кому нужнее, шантажируют этим и зло высмеивают «слабую» сторону, которая пока дорожит этим враждебным союзом. Несносные люди гордятся, что они могут обходиться без близких и даже растить детей без тех, с кем они их сделали. Им не нужны другие люди – такие же, как они сами по закону притяжения подобного: «Это ей надо, чтобы я на ней женился, а мне-то оно зачем!». Но и она уже поняла, что без этого зануды жить гораздо легче. Ей просто квартира нужна и деньги, а к ним вдруг какой-то облезлый дядька прилагается. Который ещё и предьявы кидает, что за жена такая ему досталась: никто не обучил её благородным манерам, рукоделию, кулинарии, экономике, музыке, танцам, уважению к мужу и свекрови. А кто ж её обучит подобному политесу, если она выросла в такой же хамской обстановке, как и он сам? Конечно, благородные дамы занимались музыкой, но не стирали, танцевали, но не занимались уборкой, имели благородные манеры, но детей отдавали гувернёрам на воспитание, а сами их видели по часу в день между балами. Плюс ко всему они нигде не работали в отличие от современных женщин. Выдать замуж такую жемчужину было не просто, по сути каждую продавали тому, кто был готов купить этот роскошный предмет интерьера. Остальные девяносто девять процентов баб пахали так, как современным экскаваторам не снилось, и при этом были полностью бесправными. И инфантильные вздохи современной рохли из разряда «ах, как благородны и правильны были люди раньше» выдают, что говорящий никак не может взять в толк, что жизнь постоянно меняется. Времена нынче не те, чтобы мечтать о бабе в кринолине. Ты сам-то как будешь на её фоне выглядеть в проверченных носках и растянутых трениках? Видок такой, что можно бы глупее, да уж некуда. Люто ненавидят самых близких и не замечают, что являются полным отражением друг друга. Женщина считает, что

семья должна держаться на мужчине, а мужчина уверен, что женщина обязана всё взять на себя, потому что ему некогда: телевизор надо смотреть, и чтоб никто не мешал. Хочет жить в семье, но один, сам по себе. Так бегают от обязательств до сорока лет, а потом начинают ныть, как хочется детишков, чтобы забрались на коленки: «Расскажи про свою жизнь героическую, папка». А ему и сказать нечего, что там в его серой жизни было? Пьянка да телик, дразги с мамой на кухне, разборки с женой – больше подвигов нет. Угрожают жизнь на такую ерунду, а потом ноют, что «не встретила понимающая женщина», хотя их угрюмое мычание не каждый логопед поймёт.

Почему нельзя ругать своих? Нет, не потому что это признак плохого воспитания, некрасиво и всё такое прочее. А потому что, описывая близких тебе людей, ты больше рассказываешь о себе. Сама фраза «я (такой замечательный и правильный) связался с дерьмом» сама за себя говорит: к дерьму тянется только навозная муха. Потому что рабство давно отменено, никто не принуждает ложиться в койку с нелюбимым человеком против воли, как рабовладелец под угрозой кнута скрещивал пьяных рабов с девками, чтобы народили ему рабов ещё больше. И вот образованный, условно культурный и якобы свободный житель двадцать первого века замечает за собой, что совершенно добровольно ведёт себя как тот раб: создаёт отношения исключительно с теми, от кого воротит, хотя никто не заставляет. Но он делает это *сам* снова и снова в состоянии острого алкогольного опьянения, потому что до какого-то голубого ужаса боится лиц противоположного пола. Он не выбирает себе жизнь, а отбывает её, как наказание, где придётся и с кем подвернётся. Выигрыш при таком раскладе бывает, конечно, но редко, как в лотерее. Везёт одному из миллиона, да и такое счастье только по телевизору бывает. А тут ещё дитё народилось, назад не запихнёшь, поэтому надо и дальше изображать из себя честного человека, выдумывать что-то о любви, или какие там отговорки у продвинутых челов в таких случаях используется. Чувств нет вообще, чувства подменены разговорами о них: «Я ж эту дрянь всё ж таки любил», и это «лубыл» звучит как «убил».

– Я ж всё ради детишков, чтобы у дитёв папка был какой-никакой! А с этой мегерой ваще из-за жилья спутался, хотя её саму в гробу видел, если б не свой угол у неё был. Я же как честный человек у бывшей тётки живу, с её новым зятем бухаю два через два, когда она в смену.

Если позволить раскручивать им тему дальше, то выяснится, что и родили они не для себя, а единственно «ради хосударству так расстарались – это же ему надо, а мы как-нибудь так». Теперь они будут грузить страну такой жертвой со своей стороны до скончания века. Или хотя бы до получения пособия.

Одна история словно повторяет другую с небольшими вариациями. Одна сторона выставляет себя благородной, пострадавшей, когда по недоразумению спуталась с недостойным отребьем, которое только к ним и липнет. Этот «благородный» со стороны выглядит глубоко закомплексованным существом, которое лопочет, что ему не нужны отношения, он выше этого, поэтому никаких отношений и не получается по известной всем схеме «протерли – получите». Как говорится, бойся своих желаний: иногда они сбываются. Условное «отребье» никак не тянет на статус мирового зла, каким его выставляет «благородная пострадавшая»: такие же обыкновенные недотёпы, притянувшиеся к другим недотёпам по всем законам физики. В основе подобных ситуаций пьянство, эгоизм и тупое нежелание взрослеть. А ещё нищета населения, не столько материальная, сколько моральная, неспособность любить. По части секса проблем нет, зато наблюдается колоссальный страх перед человеческой любовью: «Если я полюблю, мной станут манипулировать, я стану уязвим. Меня засмеют, если я стану нежным и заботливым к этим недостойным тварям, что мне подвернулись для устройства личной жизни. Это меня должны любить, а не я! Если я буду любить, то не будут любить меня». Бороться с этими приступами гордыни и фобией к простым челове-

ческим чувствам трудно, в какой-то степени невозможно, поэтому одна сторона предпочитает позориться на весь свет, другая – поржать и порадоваться, что ещё хорошо смотрится, оказывается, в сравнении с этими дикарями. Телевидение подобными передачами пытается доказать стране, что она населена одичавшими существами, которым не нужно образование, жильё и работа с достойной оплатой, а только дешёвая водка и трах абы с кем, лишь бы кто родился в результате. Ещё нужны пособия – они же родили как-никак! Их плодовитость вообще бьёт всякие рекорды. Люди, не желающие становиться скотами, начинают думать, что они не вправе требовать у страны нормальных условий жизни. Людям не по себе, что их налоги идут на компенсации и материнские капиталы такой публике.

Удивительное дело, но у подобных сюжетов много поклонников. Потому что на их фоне чувствуешь себя не просто человеком, а неким идеальным существом. Даже если сидишь в рваных рейтузах и ковыряешь в носу, периодически издавая дурацкие звуки «гы-гы» в адрес очередной лохушки, которая попала на главный канал телевидения крупнейшей страны мира, чтобы всем поведать, как «Ашот меня домогался, а Толик ему навешал, потом меня изнасиловал, когда самогонка закончилась, Ашот его порезал и ушёл с моей мамкой спать, а отчим на меня полез». Дальше идут подробности, которые могут быть интересны только узким специалистам судебной психиатрии. Грубые борцы за повышение рождаемости прерывают этот бесконечный рассказ простым вопросом: Родила? – Ага! – Зачёт, отпускаем тебе за это грех твой. – И мамка родила! – Ну, за это вообще похвальную грамоту дать надо. Плюс бесплатный тест ДНК.

Если посвятить передачу школьнику из Калининграда, который изобрел ветрогенератор, работающий без ветра, то зрителю придётся хотя бы вытащить палец из носа. Уже какой-то дискомфорт, стресс даже, что некий школьник умнее тебя, не боится выглядеть человеком, пытается думать и изобретать, хочет учиться и работать на благо общества. Фи-и, не грузите нас таким сложным материалом, лучше маруську очередную найдите, чтоб поржать, какие дуры в этой стране живут! Родила она хотя бы?

Удивляют ведущие таких передач. Вот кому по-настоящему тяжело! Иногда думаешь, а вдруг в студии отключат электричество – что они будут делать? Они хотя бы знают, откуда оно берётся? Холёные современные парни с университетом и аспирантурой за плечами, некоторые много лет стажировались за границей. Культурные и хорошо образованные, владеющие языками и солидным счётом в банке, путешествующие по миру и знающие самых разных интересных людей. Что они могут посоветовать этим маруськам, чему научить? Им бы вытягивать население на свой уровень, искать работающие методики, которые помогут зрителю развиваться и делать жизнь интереснее и лучше. Просто подсказать какие-то способы, как вылезти из дерьма. Вместо этого они доказывают, что жить в дерьме и быть скотом – это нормально, не переживайте, хотя любой скотине до такого скотства ещё далеко. Как им не тошно этим заниматься? Это же не постановочное шоу, какие им предшествовали на рубеже веков «для разгона», а реальная деградация и саморазрушение людей, которые спешат похвастать этим. Даже на скотобойне работников периодически меняют, чтобы не разрушать нервы травмирующими сценами, а эти годами ведут передачи, участников которых можно сразу отправлять к наркологу, в психиатрию или на нары. Они так нелепо смотрятся в окружении этих затрёпанных марусь, которых опять кто-то оплодотворил по пьянке, или она нашла своего блудливого папашу-алкоголика через тридцать лет, а он теперь вселился к доче с беременной юной сожительницей и требует алименты. Они похожи на красивый дорогой автомобиль на фоне раскисшей просёлочной дороги, где увязла развалившаяся телега, а ещё дальше – покосившийся сарай с упавшей дверью. Тут ведущим должен быть человек в халате. Может, даже в защитном техническом халате, чтоб не испачкаться помощами, которые народ так охотно льёт на себя.

Почему Листьев, который ввёл на российском телевидении сам жанр таких передач, умел находить для них интересные сюжеты, приглашал людей, которым было что сказать публике? Именно сказать, как только люди могут, а не рыгать матом. Как он это делал? Неужели сейчас никто так не может? Или это заказ какой: специально показывать по телевидению только хабалок и гопников с претензией на звание крутых секси и мачо, чтобы народ-дурак о себе много не мнил, пил водку и размножался дальше в коммуналках и аварийных бараках? Найдите, мол, дегенератов с нарушениями гендерной идентичности, которые насилизуют собственных детей, спят с кровными родственниками, спят вообще с чем угодно, спят по жизни – не просыпаются. У них основная задача: спать хоть с кем-нибудь. Мозг спит или вообще отсутствует за ненадобностью, потому что им не пользуются, не осознают себя, не понимают, кто они и зачем тут. Только докажите публике-дуре, что это – нормально.

Нельзя сказать, что СМИ так поливают только провинцию – столичные обитатели выглядят не лучшим образом. Набирают каких-нибудь спившихся и сошедших с ума от денег и славы артистов, музыкантов, спортсменов и начинается классика жанра: «Нам всем должно быть стыдно – гений же гибнет!». Один своих баб метелит, другой вообще на всех кидается, третий в бомжи подался, пропив две квартиры, студия гудит: «Это они от переизбытку таланта этак жиганятся». Всё под ту же балалайку. Такое впечатление, что иные пить, нюхать, колоться и глотать начинают, чтобы банально прославиться.

Промелькнул творческий вечер артиста Владимира Коренева, который в молодости сыграл Икhtiандра в знаменитой экранизации «Человека-амфибии». Популярность у него была бешенная, какая нынче многим и не снилась, но он не спился, не опустился, как иные «чрезмерно одарённые». Смотреть на него можно бесконечно, слушать интересно, о чём бы он ни говорил. Утончённый и умный рассказчик, прекрасный педагог, просто очень красивый человек, который всю жизнь прожил с одной женой и не считает это помехой творчеству. Язык не поворачивается назвать его пенсионером, настолько хорош собой. Но таких людей практически не показывают. Вот растерзанную спившуюся рванину, в которой с трудом можно узнать некогда популярного актёра или певца, всегда пожалуйста, поставки этого дерьма на телеэкраны налажены без перебоев. Считается, что именно это интересно публике. Кем считается? Публику-то никто не спрашивает, кто-то за неё сам решает, что ей *должно быть* интересно. Считается, что интересным может быть только наркоман, пьяница, обладатель всевозможных психополовых отклонений. Если докопаться, кем это устанавливается, то окажется, что такими же пьяницами. Видимо, сами наркоманы и алкоголики такие передачи делают. Убедить нормального человека, что в пьяном скотстве и перманентной половой доступности есть что-то интересное, невозможно.

Наркологи говорят, что при определённых стадиях алкоголизма и наркомании возникает побочный психический эффект, когда гибнущий от дурмана человек начинает казаться себе каким-то шибко интересным и оригинальным. При этом он может ползать в луже собственной рвоты и мочи, люди видят какое-то кислое опустившееся существо с потным лицом и глазами дохлой рыбы, но он сам воспринимает эту ситуацию совсем по-другому. Он видит в себе недопонятого философа, несостоявшегося гения, которого окружают паразиты и бездари. Они то и дело гнобят его, потому что не способны постичь убогим умишкой, с каким выдающимся человеком им выпало жить в одну эпоху. Ему кажется, что он именно в таком состоянии вырабатывает и создаёт самые оригинальные идеи и делает выдающиеся открытия. Не для себя пьёт – для науки и искусства, оказывается! Если во всём мире понимают, что это всего лишь первые сигналы гибнущего мозга, то только не в России. Один американский исследователь пьянства напивался, чтобы выяснить механизм этого явления. В какой-то момент ему показалось, что на него снизошло просветление, и он открыл тайну мироздания, код жизни, формулу Вселенной! Будучи учёным, он её сразу записал. Когда протрезвел, хохотал до слёз: «тайна жизни» звучала приблизительно как «сколько нос ни ковыряй,

а козьяков там меньше не становится» или «сколько ни плюйся, а слюна всё есть и есть». А у нас такой «белочке» отводят прайм-тайм, чтобы всем миром слушать откровения спившихся и опустившихся «звёзд», как они поколотили очередную сожительницу, что та отказалась от секса втроём, или избили стулом бармена, потому что тот не узнал, какой гениальный пропоец ввалился к ним в заведение. Действительно, такого говна туда ещё не залетало.

Работа кипит: образованные креативные телевизионщики, призванные повышать культурный уровень населения, раскапывают дно жизни, роют так кропотливо, как сапёры, чуть ли не с дозиметром ищут распад, разрушение природы человеческой. И находят-таки! Потому что кто ищет, тот найдёт. Даже то, чего нет. Едут в какой-то колхоз, находят там трансвестита Васю, везут на телевидение. Миловидный парень рядится в женское платье и мечтает сменить пол, да вот денег нет на операцию, как это повсеместно на Руси водится. Публика в изумлении: «Зачем же такой молоденький хочет менять пол, даже не познав всех прелестей мужской жизни?». А какие там «прелести»? Наливай да пей. В колхозе все мужики пьют по-чёрному, а он не хочет быть на них похожим – уж очень омерзительно выглядят. Не нашёл в этой биомассе достойный образец для подражания, такой вот простой расклад. Парень, честно говоря, выглядит как девушка. Даже лучше тех неухоженных и оплывших девушек, что приехали с ним из колхоза и умоляют студию отговорить Васю резать писю: «Мы бы от него ещё родить могли, он ведь такой хорошенький! А то у нас мужики до облика крокодилов допили, что не поймёшь, на кого ребёночек будет похож». Сторонники радикальных мер ругают Васю, стыдят его (или всё-таки её), требуют, чтобы прекратил валять дурака, надел штаны и шёл в армию. Борцы за рождаемость идут на сделку: предлагают, чтобы сначала понаделал детей местным кошёлкам, а потом уж режь себе, что хошь.

Из зала сокрушаются: «Лучше бы пил и был бы как все. Это на гнилом Западе феминистки и метросексуалы всякие, а у нас мужики пока на мужиков похожи, так что пользуйтесь. Не беда, что страшней крокодилов, зато пивка хряпнул, водочки тяпнул и на бабу залез, рождаемость повысил, как мужик настоящий». Жаль, биолог срезал эту хрипатую сентенцию: если мужик лезет на бабу только спьяну, это как-то странно, мягко говоря. А грубо выражаясь, это не совсем мужик, если у него сексуальное влечение включается только под градусом. Нормальных людей секс опьяняет без дополнительного допинга, а вот пьют они для подавления стресса. И если мужчина испытывает настолько сильный стресс перед контактом с противоположным полом, что каждый раз надирается, то ему лучше вообще никуда там не лазать: большой потери для общества не будет. Видимо, в результате алкогольного зачатия и рождаются подобные дети, которые потом долго не могут разобраться, кого в них больше от мальчика или девочки. Да и кто решил, что настоящий мужик – это непременно прокуренный матерщинник, пьяница и похабник, который допил до состояния, что крокодил симпатичней? В природе самцы в брачный период наоборот становятся ярче самок, чтобы те их заметили. Вообще, половая безграмотность населения проглядывает в каждой реплике. Например, как главный герой передачи пришёл к решению, что ему следует стать женщиной? Он объясняет это так: «Потому что я с детства не хотел играть в машинки, а меня тянуло краситься и носить откровенные наряды». Но, простите, наши деды тоже не играли в машинки: у них просто не было таких игрушек. Если маленькая девочка вместо детских игр больше интересуется косметикой и зоной декольте, это тоже не совсем нормально, идёт какой-то сбой. А тут мальчик просто копирует манеры тех взрослых, которые его окружают, и это преимущественно неустроенные в личном плане женщины. Им ничего не светит в пьющем и вымирающем обществе, но реклама их убедила сильно краситься, чтобы замаять нешуточную проблему и срубить бабла на продаже макияжа хотя бы с остатков населения, ходить нагишом и всячески подчёркивать свою не востребовавшуюся, а потому крайне агрессивную сексуальность. Очень многие в нашей стране серьёзно верят, что женщине это поможет стать счастливой и любимой. А у неё рождаются сыновья, которые копируют

мать, как единственно яркое пятно на фоне бесцветных, безликих, безвольных алкашей, что приползают домой на карачках и считают себя при этом эталоном «настоящего мужика». Менять пол на основании такого очевидного перекоса в воспитании, решиться на тяжёлую и рискованную операцию можно лишь от крайнего отчаяния, что не удивительно в подобных условиях. Человек как биологический вид существует миллионы лет, а цивилизация, когда появилась косметика, спирт, автомобиль, каблуки, как «типично» мужские или женские атрибуты, существует всего несколько веков. Как-то человечество без них обходилось и вполне успешно продолжало жить. Зато многие современные страдалцы больше прячутся за ними, налегают на их усиление, чтоб чего такого не подумали. Хотя нормальным людям в здоровом обществе не надо прилагать никаких дополнительных мер, чтобы их любили или хотя бы различали по половой принадлежности.

Мельком показали посёлок, где прошли Васины детство и юность. Такое впечатление, что над ним пронёсся смерч: дороги с вывернутыми трубами и колдобинами, покосившиеся крыши, здания с отвалившейся штукатуркой и аварийными балконами. Большая удача, если где видна дверь в подъезд, которая пока держится на петлях. Внутри домов потолки осыпаются, стены в вечных потёках со свисающими лохмотьями обоев, полы из горбылей, которые уходят из-под ног, как клавиши пианино при нажатии. В какое окно ни посмотришь, а вид непременно на помойку или сарай. Ничего нового. Разруха. Пьянство. Бедность. Брезгливые снобы думают, что люди живут в таких условиях по причине личной распущенности и лени. Побелили бы потолки, обои поклеили, как предложил кто-то из гостей в студии, глядишь, и дурью страдать некогда будет. Сразу видно счастливого человека, который никогда не жил в аварийных зданиях, поэтому не знает, что там бесполезно замазывать пятна на потолках, переклеивать и подклеивать обои. Они будут снова и снова отходить, отваливаться через неделю после ремонта, потому что нарушена система вентиляции и обогрева помещения. Стены «гуляют», где-то расходятся швы, идут процессы гниения перекрытий, растут участки, поражённые сыростью и разрушением. Такие дома словно больны онкологией, медленно, но верно умирают. Иногда, вместе с жильцами, которые тоже разрушаются и перестают понимать, кто они и зачем.

Обитатели таких домов будто сами тяжело больны. Трудно представить себе в этих стенах человека бодрого, здорового, живого, целеустремлённого. Мелькают спившиеся мужские лица с отсутствующим взглядом, сутулые фигуры, словно уставшие держать на себе разрушающиеся своды атланты, шаркающая походка, как у стариков. Яростные лица женщин, которых достал невыносимый быт и вечно бухой сильный пол. А если трезвый, то дико недоумевающий, почему этим никто не восхищается. На лицах женщин отпечатана мысль: «Дёрнул же чёрт родиться бабой в таком клозете! И чего это мужики повадились пол менять? Чего хорошего быть бабой, хоть бы кто объяснил». Устало тащат огромные котомки с картошкой и дешёвой крупой. Лишь Вася на каблуках бодро скачет куда-то по колдобинам: ему помогает жить мечта стать женщиной. Хотя живёт в среде, где даже природные женщины не ходят на каблуках. Дороги не пригодны не только для автомобилей, но и для женских каблучков.

Власть селит людей в аварийные бараки и переполненные коммуналки не из вредности. Другого жилья в самом деле нет. Его нет как такового. Его никто не проектировал, не строил, когда надо было это делать. Жилое строительство можно сравнить с возделыванием сада, где надо *постоянно* вести работы, срезать отмирающие ветки, сажать новые культуры, выпалывать и выкорчёвывать отжившие свой век растения. Ничто не служит людям вечно, любое здание рано или поздно приходит в упадок, его надо заменять новым, уже построенным.

От состояния жилого фонда напрямую зависит развитие населённого пункта. Если у него нет своих учебных заведений, то вся надежда на приезжих специалистов. Но они убе-

гают, когда их селят в здание, которое выглядит, словно после бомбёжки. И называть нынешнюю молодёжь избалованной просто смешно. Вы извините, но советская молодёжь была избалованней, получается. Потому что их никто в аварийные здания не селил, когда они приезжали в глубинку работать инженерами, агрономами, врачами и учителями. Им давали нормальное жильё, отвечающее нормам того века. Они так до сих пор там и живут. Но уже вместе с постаревшими детьми и повзрослевшими внуками. И их старенькие квартирки нормам нового века уже не отвечают. Комнаты обставлены как казармы, где только кровати, иногда в три яруса. Это не дом, а ночлежка какая-то, где можно только спать, чтобы после пробуждения сразу бежать на работу. Если кто-то из жильцов в таких халупах пьянствует и дебоширит, страдания остальных увеличиваются в разы. Не удивительно, что многие и на вторую работу устраиваются, и на третью.

* * *

Но Ульяне жильцов дали замечательных, оба после института, приехали работать в посёлок при станции. Он – инженер депо, его жена устроилась музыкальным руководителем в единственный детский сад, уцелевший на всю округу. Привезли с собой электронное пианино, играли на нём по вечерам чудесные мелодии вроде «Rose» Джеймса Хорнера. Даже куры стали охотней несись, а Бурёнка, когда наступала пауза, мычала из сарая: ещё! Учили играть Ульяну: чудо-пианино само высвечивало клавишу, на которую надо нажимать, так что через пару занятий она неуверенно выжимала первые ноты «Ode an die Freude» и «Conte partiго». Ну и ну! Рассказать кому – не поверят, до чего дошёл прогресс. Муж, был бы жив, даже не знаешь, как и отреагировал бы. Наверняка, поколотил бы, а то и развёлся бы с «этаким вертихвосткой».

У неё возникло странное чувство, что к ней родные дети приехали, хотя они были младше её лет на двенадцать, но она ощущала себя старше их на три десятка. Они были совершенно городские, но какие-то свои. Бывает же такое, что посторонние люди настолько совпадают. Не по характеру или уровню образования, а по состоянию души, что ли. Или это одиночество с ней так шутило, что уже любой живой душе рада? Она слышала истории, когда одинокие бабы привязываются вот так к чужим людям до болезненности, что потом приходится отрывать с кожей, поэтому всё же держала дистанцию, не лезла на их территорию.

В Администрации обещали доплачивать за проживание молодой семьи, что обещанием так и осталось, но Ульяна не расстроилась. Куда ей одной столько продуктов? Всё равно излишки продаст, а деньги куда? На приданое детям, которых нет? Инженер и хотел заплатить, но ему вообще первые три месяца зарплату не давали. Как с таких детей деньги брать? Им ведь ещё обустраиваться, столько всего нужно. Ей было грустно: она понимала, что они скоро уедут, не задержатся здесь. Летом ещё куда ни шло в деревне жить, а начнётся распутица по осени, и уедут.

Однажды к постояльцам пожаловали друзья, два парня и девушка, сдержанно захихикали, когда узнали, что их знакомые живут у доярки, завели беседу на заумную тему: один из них ещё учился и писал курсовую по истории. Решил поддеть Ульяну своей образованностью, спросил, знает ли она, кто такие Мономах и Палеолог. Она ответила просто, замешивая тесто:

– Если дословно перевести, то *моно* означает «один», а *мах* – «бороться», махаться: где-то в мифологии была титаномания, битва титанов. Следовательно, Мономах – это единоборец. А Палеолог совсем просто: *палео* – это «древний», как Палеозой, а *логос* означает «слово». Да что ты так в лице переменялся? Пододвиньте ему стул, а то он сейчас упадёт. У меня вон в шкафчике учебники стоят с училища, где мы подробно изучали пред-

ков коровы, вообще всякой домашней живности, что они из себя представляли в древности, откуда пошли. Справочники есть по болезням крупного рогатого скота, там все названия на латыни прописаны, так что ничего удивительного. С коровой ведь как с ребёнком, три года учиться надо за ней ухаживать, чтоб она у тебя не померла в первый же день. Потом ещё практика несколько лет.

Молодёжь с того момента перестала умничать и хихикать, а перешла на свои обычные разговоры. Почему-то нравилось их кормить. Так бы и готовила им, лишь бы не уезжали. Уплетают всё с таким удовольствием, как могут только дети, которые ещё растут. Конечно, если каждый день пешком мотаться к станции и обратно, то аппетит нагуляешь зверский.

Они очень много общались. Ульяна даже не думала, что с молодёжью, которую нынче принято считать испорченной и циничной, так интересно поговорить. Нравилось слушать их, потому что они умудрялись говорить чисто, без мата и модного нынче блатного жаргона. Когда был жив муж, она мало с кем общалась, потому что он сразу шипел: «У-у, сплетницы проклятые!». Сам с ней почти не разговаривал, сразу ставил на место, чтоб не лезла в серьёзные мужские разговоры с друзьями, которые преимущественно трепались на тему, какие все бабы бяки, а мужики на их фоне – просто загляденье. Нахваливали самих себя и недоумевали, почему больше никто этого не замечает. Или пересказывали друг другу, что видели по телевизору. Заметив Ульяну, начинали подтрунивать, сыпать какую-нибудь пошлятину, пребывая в полной уверенности, что любая женщина просто счастлива от подобных «знаков внимания». Говорили с ней, как с дурой, и млели, что ей от этого не по себе, видимо, понимая такую реакцию совсем иначе. Муж свирепел и запускал в Ульяну стаканом. Один раз погнался, чтоб проучить эту «подлую бабью натуру», но она спряталась в сарае у коровы-заступницы. Он совсем рассвирепел, обложил сарай сеном и поджёг. Его пьяные собутыльники заржали ещё громче, только один перемахнул через забор, позвал участкового и соседей, которые кинулись тушить огонь. А корова выбила рогами дверь и погналась за мужем Ульяны. Он проворно запрыгнул на руки к жене, корова остановилась перед ними как вкопанная. И тронуть не смеет, потому что перед ней хозяйка, которая держит на руках источник всех проблем в доме. Корове сложно понять, как людям удаётся жить с теми, кто для жизни совсем не подходит. Да ещё держать на руках тех, кто тебя настолько ненавидит. В животном мире такое невозможно, там подобную агрессию сразу распознают как признак полной непригодности, а странные люди додумались на этом выстраивать отношения.

Муж с тех пор коровы побаивался и называл «проклятым бабским отродьем». Из обитателей дома только кота не презирал, иногда даже гладил: «Уважаю, мужик», а в кошку, что жила раньше, швырялся объедками: «Жри, сука». Ульяна от такой ненависти терялась и по молодости даже пыталась разубедить его, что женщины не такие уж плохие, пока её не спросил внутренний голос: «А надо ли?». От участкового она тогда тоже наслушалась:

– Ёперный театр, как же вы мне надоели! Когда вы начнёте жить по-человечески? У Новицких опять бытовуха, Глебовы по пьянке уже третьего ребёнка в пруду утопили, Роцин у Кораблёвых с крыши рубероид снял и пропил, а Смолин пожилую мать прибил. Главное, только отсидел за убийство тёщи, что многие очень понимают и даже уважают, но маму-то зачем? И всё почему? А потому что бабы место своё забыли, доводят бедных мужиков до ручки! Во всём мире сейчас столько беспорядков, терактов, революций и прочих безобразий, а всё по вине баб, которые утратили всяческое представление о своей почётной миссии, что им доверили. В районном отделении сержанту выговор влепили за превышение полномочий, он домой пришёл, жену поколотил, а она взяла да обиделась – ишь, цаца какая! Она человек, что ль, чтоб обижаться? Это я обидеться могу, что мало не покажется, а тут всяка тля к себе уважение требует. Да ещё вещи собрала и уехала, скатертью дорога. Сержант в запой ушёл, а потом взял дробовик и пошёл по начальству шмальнул. Что ж хорошего? Вот тебе не

стыдно на собственного мужа, на главу семьи, можно сказать, поклёп возводить, милицию натравливать?

– Я не натравливала! – испугалась Ульяна подобных обвинений, потому что сама чуть не сгорела, а потом ещё спасала супруга от разъярённой коровы. – То есть не возводила... Это кто-то из его друзей Вас вызвал или соседи...

– Путаемся в показаниях, гражданочка, путаемся! Опять же оправдываемся, значит, чувствуем за собой вину, а это уже признак правонарушения. Подумаешь, мужик решил душу отвести, бабу поучить! Включила бы дуру, как умная женщина, он бы поглумился, своё получил, почувствовал бы себя пупом земли, а большего счастья нашему брату не надобно. Больно нежные все стали! Родилась бабой, так отрабатывай: на что ты ещё нужна. Нам, мужикам, думаешь легко свой статус носить? Попробуй на наше место, тогда узнашь. Я вам, курицам, просто завидую: ни забот, ни хлопот!

– Пол себе смени, – перебила дерзкая Светлана. – Нынче это плёвое дело, как пломба на зуб: тяп-ляп и готова ещё одна красавица на радость трактористам. Прямо, что за мужик такой крутой пошёл, что бабам завидует?

– Ты погруби мне, погруби. На работе вот так издёргают, домой ввалишься, жене по уху двинешь, зато потом любовь такая, что она рождает каждый год, как подорванная, а это уже Отечеству польза, как по телику говорят, не баловство какое. Потом извинишься обязательно, когда поостынешь, опять же подарок какой всучишь, очередную сковородку или овощерезку, а ваше алчное племя до подарков само не своё – знаю я вашу породу подлую! Всем удобно и хорошо: на начальство никто не бросается, на улицах не дерётся, детей не бьёт. Что ж хорошего, когда мужик на собственных детей по приходу со службы вынужден кидаться? И начальству хорошо, и подчинённым, и заключённым...

– Лишь одной бабе плохо, – опять срезала Светка. – Только эту бэ никто не спрашивает.

– А бабе никогда не угодишь, ей всегда плохо, когда мужику хорошо, потому что она – сволочь и эгоистка. Только о себе думает и не понимает своей миссии и природного предназначения по сусалам получать. У неё от этого дети рождаются, между прочим, а дети – это наше всё. Для чего ещё баба нужна? Придумали глупость, что для какой-то там любви, только народ разлагают. Сами во всём виноваты, сами!

Больше Ульяна милицию никогда не вызывала, а сразу выводила корову из сарая и пряталась за неё. Пьяный муж мигом трезвел, встретившись мутным взглядом с выпуклыми чёрными глазами рогатой домоправительницы, которая начинала рыть копытом, словно говорила: «А ведь я тебе не баба-дура твоя, я реально порву и жалеть не стану». Муж понимал, что ломать из себя крутого перед такой глыбой бессмысленно – это только люди могут подобным спектаклям верить. Силы были неравны, поэтому он разочарованно отступал и верещал пропадающим от ярости и дрожащим от страха голосом: «Люди добры, гляньте, как жена своего хозяина крупным рогатым скотом травит! Сговорились, суки!». Обижался и уходил, пропадал на несколько дней, Ульяна его потом находила, иногда в каком-нибудь районном притоне и везла бездыханного домой. Она чувствовала за него ответственность, словно неразумного ребёнка нянчить доверили, и ей было страшно, что в притоне его точно убьют – публика там не чета их интеллигентной корове, церемониться не станет. Да так многие бабы жили, а то и сами начинали пить, только с ними уже никто не возился, не спасал, не вёз из кабака домой, утешая и выпрашивая прощение неизвестно за что. А куда деваться? Живёшь, как в темнице, из которой не вырваться: и не нравится, а надо. Бытует мнение, что все так живут. Врут, поди: кто там знает про всех-то? Наверняка, где-то есть жизнь нормальная, красивая даже – должна быть.

И вот после стольких лет ненависти в доме сложилась совсем другая атмосфера. Никто не пьёт, не буянит, не высмеивает её за то, что она – баба, как будто она сама выбрала бабой родиться. Новые жильцы воспринимали её как равноценного собеседника. Для неё это было

настолько необычно, что она поначалу больше молчала и слушала сама. Это в кино герои совершают подвиги и горят на вымышленной работе, крутят романы и бегают за предметом любви, который ещё быстрее убегает, а реальные люди обожают поговорить обо всём на свете. Особенно, когда не отвлекает тот же телевизор.

Лето прошло как в сказке, хотя было холодновато, словно России по погоде тоже объявили санкции. Появились анекдоты вроде: «Шёл второй месяц лета. Снега нет – уже хорошо». Или «Гидрометцентр сообщил, что россияне скоро смогут передохнуть от дождя. Правда, не указал, на какой слог делать ударение». Но они всё равно бегали купаться на речку за пригорок, потом пили чай прямо на улице, для чего инженер установил во дворе разборную беседку с плёнкой от дождя. Когда на смену летней мокроте пришла осенняя морось, молодость приуныла. Нормальной дороги нет, автобусы никакие не ходят, а чапать по грязи современной молодёжи в кроссовках или на каблучках – это никуда не годится.

– Почему у вас к деревне нормальной дороги нет? – расстроено спрашивал молодой инженер, глядя за вечерним чаем в окно на нескончаемый октябрьский дождь. – Уж все привыкли к жалобам на плохие дороги, но тут вообще никаких нет! Как пунктирная линия из лесных тропинок и кусков грунтовки. Я бы мог подержанные «Жигули» купить и жену после работы забирать. Вас бы отвёз, куда скажите, хоть на рынок в район. Но они по тропинке не проедут, по месиву из грязи вдоль кромки поля, где даже трактора вязнут. Никогда не думал, что между двух столиц такое возможно. Говорят, в Африке уже такого нет! Наверняка, наши любители оказывать помощь братским народам им дороги строили. А здесь заболеет кто, и как в больницу везти?

– В амбулатории на станции фельдшер хороший, она зимой с санками ходит.

– А летом с тележкой. Как же, слышан. С ума сойти: больных на тележке по грязи возить! И фельдшеру под восемьдесят – она сама помереть может на такой работе. Упадут оба в грязь: и больной, и врач. А в новостях кризисом в Греции «пугают». Говорят, уже три выпускника медучилища на эту должность соглашались, но сбежали. Потому что современных врачей не учат по грязи тяжелобольных людей таскать. Ещё и жилья не дают, а с местными зарплатами невозможен ни кредит, ни депозит.

– Чего ты к Ульяне Андреевне пристал с государственными вопросами? Это же не в её компетенции, – сказала ему жена, наигрывая мелодию «As Baile», которая так шла дождю.

– Ты бы лучше сыграла что-нибудь летнее!

– Разве только «Summer moved on», – засмеялась она и стала припоминать «Queen of Rain».

– Здесь хотели дорогу делать, когда я ещё маленькая была, – ответила на нападки Ульяна.

– Вот-вот, по тридцать лет дороги обещают, мосты, квартиры, а потом решают, что дешевле дожидаться естественного вымирания населения. Вы не подумайте, что я придираюсь. Просто нас заманили сюда обещанием настоящей взрослой жизни с жильём и заработком, а на деле такой же обман, как и всюду. Мы с женой расписались, а жить негде. Она в коммуналке у тётки, я жил с родителями, где ещё семья брата – семь человек в двушке. Не разменяться, не разъехаться. Знакомые все драпают. Соседи уехали в Швецию на постоянное жительство, синтезатор вот нам уступили подешёвке. Мы тоже хотели за бугор свалить, но сначала решили пожить в родной стране. Вдруг получится. Пока не очень получается.

– Здесь тоже многие уезжают, а я привыкла. Мама и отец тут похоронены – кто будет за их могилой ухаживать? Люди как поняли, что дороги не будет, так и побежали, пока и тропинка не заросла. А полвека назад совхоз процветал, у начальства планы были наполеоновские. Здание МТС и фермы из бетона – строительные материалы на вертолёте спускали, представьте себе! Я тогда ещё не родилась, но мне родители рассказывали, какую тут стройку века залудили, хотели создать образцовый посёлок. В Перестройку передумали, ска-

зали, что нерентабельно, невыгодно. Сельское хозяйство вышло из моды, пришла эпоха офисов, как в последнем выпуске местной газеты тогда написали. Здесь даже газета своя была!

– Как сельское хозяйство может быть нерентабельным или немодным? Да и офисы не являются самостоятельными предприятиями: это только малая часть компании, они за счёт продажи каких-то ресурсов кормятся. Газ добывают в Сибири, а офисы, которые рулят его потоками, сверкают гранями стекла и металлопластика в самых дорогих мегаполисах мира. Накроется добыча, и не на что будет эти красивые шкатулки содержать. Предприятия не являются выгодными или платёжеспособными сами по себе – их таковыми делает управление, которое теперь никакое. Поэтому только и слышишь: цементный завод закрыли – нерентабельно, керамическую фабрику ликвидировали – нерентабельно, мебельный комбинат свернули – нерентабельно. Больницы, детские сады, целые населённые пункты отрывают от финансирования – тоже нерентабельно. Почему ни одно министерство не закрыли, ни одну городскую думу не разогнали? Нерентабельно же содержать такие дорогие, к тому же не работающие структуры. Почему по ним же не ударить их излюбленным «нерентабельно»? Вот от кого прибыли никакой, одни убытки! Как это производство цемента может быть невыгодным? Перепрофилируй его на пенобетон и прочие ценные строительные материалы – ведь в мире столько всего придумано, чтобы строить быстро и качественно. Только у нас всё нерентабельно. Повсюду сидят чиновники-инфантилы, которые только мечтают, как было бы хорошо всё закрыть и ликвидировать, лишь бы их никто не тревожил. Видят свою задачу не в налаживании нормальной жизни в вверенном им городе или регионе, а чтобы себя надёжно оградить от этой ужасной реальности в виде бедности, бездорожья, пьянства и безысходности. И не понимают претензий к себе: «Ведь *нам* так комфортно – чего же *вам* не нравится?». Если кто говорит, что сельское хозяйство невыгодно государству, его надо в сумасшедший дом отправлять, а у нас таких в руководство выдвигают. Они всё нерентабельным сделают, включая ещё живых людей. В мире растёт население, всем нужна еда, строительство, мебель. Мы все одежду какую-то носим, на стульях пока сидим, не на голой земле, слава труду – это всё кто-то должен производить. Любое производство во всём мире чрезвычайно ценится и всячески приветствуется, а у нас всё сворачивают, словно цыплёнку шею. Как это производство продуктов питания, которые нужны ВСЕМ, может быть невыгодным? Страна идиотов! Вот в прессе пишут, что в России дефицит высококачественной пшеницы для производства хлеба, его качество всё хуже, потому что используется фальсификат зерна, растёт процент добавок для «улучшения вкуса» и хлебных смесей, что само за себя говорит. «В текущем году Россия собрала рекордный урожай пшеницы, но наблюдается перекося в сторону фуражного зерна», предназначенного на корм скоту, которого в стране давно нет. Ликвидировали по причине всё той же нерентабельности. Спрашивается, почему нельзя сеять продовольственную пшеницу третьего класса, которая является основной зерновой культурой для массового производства хлеба? Пять лет назад половина урожая приходилась именно на неё, а теперь в два раза меньше, причём значительная часть уходит на экспорт, где продаётся ниже своей себестоимости, чтобы лидировать на мировом рынке. Только в России такое может быть, что при высоком урожае зерна его нет. Такая же ситуация с нефтью: несмотря на большие объёмы её добычи, цены на горючее растут, как и растёт процент некачественного топлива. При такой добыче нефти по идее вся страна должна быть асфальтом покрыта, чего и близко нет. Клочок дороги с нормальным покрытием как от сердца отрывают, её создание в отчётах обходится бюджету в миллиарды. Не может асфальт стоить миллиарды, если страна добывает столько нефти!

– В нашем совхозе тоже до сих пор турнепс сажают, как подорванные, кормовую свёклу для коров, которых тут раньше было на три стада, а теперь от поголовья десятая часть уцелела. Каждый год собирают тонны турнепса, он потом гниёт на складе, или вообще с полей не убирают. Некому. Рабочим не платят, к осени все разбегаются. Иногда в землю запахи-

вают, чтобы убытки скрыть. Наших мужей как-то заставили целое поле у леса запахать, заплатили тем же турнепсом, моя Бурёнка до весны его хрупала.

– Это бесхозяйственность и вредительство, за которые в Китае расстреляли бы, а при Сталине отправили бы на Крайний Север новые сорта редиски выводить. Почему не сажать столовую свёклу или сахарную, почему не выяснить, что нужно рынку, найти потребителей, наладить сбыт?

– Приказа свыше не было.

– Там наверху давно забыли, что ваш совхоз вообще существует, а вы всё какой-то приказ ждёте.

– Не мы ждём, а дирекция. Мы-то давно ничего не ждём.

– Ну, вот Вы лично хозяйство ведёте, так? Я не видел, чтобы здесь в деревне у жителей ненужный урожай валялся под ногами, отходы гнили под дождями, всё куда-то употребляется, всё можно рассчитать.

– Можно. Растительные отходы я животным скармливаю. Избыток молочных продуктов можно отдать в семьи, где дети есть, старики, которые уже не могут сами огородом или живностью заниматься. На рынок всегда можно свезти, там у нас свой человек за прилавком стоит. Да и рассчитать не сложно, сколько чего сажать, как и где хранить.

– То есть простые бабы умеют вести хозяйство без убытков, когда ничего не пропадает. А подобная способность выживать без внешней поддержки есть признак высокой культуры и развития. Почему тогда у нас обожают полоскать тему, что все бабы – дуры, а руководители с институтом за плечами не умеют элементарно дела вести на уровне села, города, района, региона?

– Потому что я хозяйка в своём доме. Если своя корова заболит, то и у хозяйки душа болит: родное ж существо. Всё сделаешь, чтобы выходить. А руководителю приходит приказ резать стадо великолепных молочных коров, которые вообще не для мяса выращены, а именно для молока. И режут. Потому что руководитель не хозяин, а наёмный работник. В институте он зубрил, когда восстание ткачей произошло, или как выглядит формула бензола какого-нибудь, а быть хозяином там не учат.

– Но ведь есть хозяин самой отрасли, кого она обогащает. Кто-то конкретный владеет железной дорогой или металлургической промышленностью.

– По-моему, сейчас никто ничем не владеет. Не умеют сейчас ничем владеть, начиная с себя. Спесивых самодуров много, которые управляют в стиле «что хочу, то и ворочу». Пьяниц много, которым вообще ничего не надо, лишь бы налили, а хозяев сейчас нет. Есть откровенные делеги, но этим бы только разорить всё, да в Европу смыться.

– Делеги хотя бы считать хорошо умеют, а так сидит в руководящем кресле шишок спившийся или какая-нибудь тётка кряжистая, размалёванная, словно её сейчас придут за это замуж брать. Уровень развития у них такой, что была бы банька с шашлычком, а остальное «наш народ» сдюжит. Мне говорят, что я таким же стану через десять лет, сопьюсь и «утрачу иллюзии», а я не хочу. Глупость под соусом значительности. Как дослужатся до получения дачного участка, где можно поставить баньку с мангалом – всё, на этом они и сами останавливаются, и сферу своей деятельности дальше не развивают. А зачем – они уже всё получили! Для них это предел мечтаний: банька, пьянка, охота с рыбалкой.

– Ну и что, я тоже на рыбалку хожу. У нас многие бабы ходят. Мужиков-то опасно посылать: те обязательно напьются, утопят кого-нибудь, лодку порвут, снасти потеряют. Какой-нибудь подвиг, а совершат, не удержатся.

– Такие больше выпендриваются, когда что-то делают, а женщина для реальной жизни незаметно добывает ценный продукт, чтобы мужское самолюбие не задеть. Вы на рыбалку ходите по прямому назначению, чтобы рыбу тихо ловить – рыба не любит шума. А эта публика катит туда в стиле «жизнь удалась», чтоб каждый зверь лесной был в курсе. Ноют,

что им некогда заниматься собственной жизнью и страной, а если просканировать режим такого бестолкового хмыря, то выяснится, что он кочует с одной пьянки на другую: с охоты на рыбалку, с шашлычка в баньку, с корпоратива на симпозиум. Только скучный тухлый примитив мог додуматься из таких прозаичных вещей, как приём пищи, добыча продуктов питания и личная гигиена, соорудить целые ритуалы и соревноваться, кто больше времени и средств на них угрохает. У меня ещё дед плевался, что современные киногерои только грузят, как они устали сидеть, в комп уставившись, а после неё заняты исключительно рыбалкой и банькой с пивком: типа, настоящий мужик только этим ограничивается. Их поколение не практиковало подобные примитивные радости, поэтому столько и построили. В древние времена жратве и бане поклонялись из-за их недоступности для большинства и медленного развития общества, а современный культурный человек осуществляет их быстро и незаметно, следит за чистотой тела для себя, во всяком случае не грузит этим окружающих, принимает пищу в спокойной обстановке. Дебилы это делают напоказ и толпой, очень недоумевают, что кто-то просто в душе дома моется за пятнадцать минут, тогда как у них все выходные на такое великое дело ухлопаны. Крестьяне позапрошлого века деликатней себя в бане вели, а эти телесами трясут там и сям, пока весь город не узнает, в каком месте у них на заднице чирей. Только и слышишь, как из Мэрии после выходных на гемодиализ в областной центр за казённый счёт катаются кровь чистить, настолько засрали организм алкоголем на шашлычках после баньки, где перегрелись и угорели, а потом ещё в ресторане отжигали, где печень окончательно посадили. Господи, и такие распаренные хари – у власти! Что они могут там нарулить? Только бюджетные средства на строительство очередной баньки спустить и нанять шлюх себе в бассейн, чтобы потом можно было оправдываться, что все беды из-за баб. Им охотно подражают нищие плебеи, и у них неплохо получается, потому что забава сама по себе дешёвая, почти пещерная. Вот хорошее образование плебею получить или квартиру – это затруднительно, а устроить попойку на рыбалке – любой осилит на пять с плюсом. Нормальную семью создать тоже лень и скучно, да и жить негде, поэтому приходится доказывать, как весело до первых симптомов старческого слабоумия кутить по чужим углам с размалёванной швалью, у которой никогда не портится настроение, как велит реклама, даже если толпой её опускают. Сколько я начальников видел, с кем ни говорил, а каждый уверен, что у нас страна процветает, потому что у него есть дачка, банька, любовница по пятницам, по субботам шашлычок с визгливыми собутыльниками и пьяными подчинёнными, чтобы какую-нибудь кладовщицу в подсобке зажать, перегаром на неё рыгнуть и считать себя неотразимым. В воскресенье они в церковь бредут, естественно, каяться за свою бесцельную жизнь. Многие обязательно на две семьи живут, словно это требование в должностной инструкции прописано. Баб на дух не переносят, травят о них исключительно скабрзные и похабные байки, но заводят себе на стороне безотказную давалку, которой просто некуда деваться, потому что выбор у неё: алкаши да пьяницы, к тому же нищие. А тут подвалил такой же недоразвитый алкаш, но хотя бы на приличную закуску деньги имеются. Женщину свели до уровня половой тряпки и потешаются, кто больше этих тряпок отымел. У меня рабочий в бригаде есть, он живёт с тремя детьми и больными родителями в коммуналке, в одной комнатёнке. Естественно, не высыпается в таком гвалте, устроил аварию в цеху. Я пошёл к начальнику требовать улучшений жилищных условий для него, потому что рабочий, который не имеет возможность нормально отдохнуть – угроза для производства. На меня смотрят, как на придурка: «Чо ты как не родной! Нормально наш народ живёт – уж мы-то *наш* народ знаем, он у *нас* скромный и непривередливый». Я сказал, что народ никакой не ваш, и он не живёт, а выживает из последних сил. Шеф развизжался: «Ты щенок ещё, меня учить! Я детей от трёх браков рашу, чтоб ты знал, даже из чужого помёта». О детях как о щенках любимой суки говорит – помещик из каждого так и лезет. Откуда в этих «наёмных рабочих», как Вы их называете, в этих вчерашних затюканных совках столько барина?

– Мой дед говорил, барина больше всего в холопе, если ему дать власть.

– Правильно и говорил, в точку. Он уверен, раз трём бабам рога наставил, теперь может вообще ничего не делать, работой своей не заниматься. Который год штампуют передачи про одного известного депутата, который потом губернатором стал, как он ударно «налево ходил». Что по работе сделал, чего достиг, где рост показателей, каково развитие региона – ни слова, только «про это». Словно его во власть двинули единственно для огула тёлочек, как бычка племенного. Теперь все кабинетные пьянчужки на него равняются, соревнуются даже. Я пошёл в Горсовет, а там закрыто: майские праздники как раз были – все ушли на фронт. Мы-то работаем, а высшее сословие теперь на майские по десять дней гуляет, пока в ГУВД «обезьянник» не переполнится и в морге свободных мест не останется. Удалось раздобыть адрес главы жилищного отдела, нашёл его на даче, а там попойка общегородская: банька, бассейн, шашлычки, блатной шансон орёт, ряженные в вышитых косоворотках исполняют гоп-со-смыком, солист в красного комиссара вырядился, дескать, исконно русская культура такой и должна быть. Сейчас это повальное стремление доказывать: всё, что безвкусно и некрасиво, то и русское. День Победы, тут же Пасха, День Армии с Масленицей в одну кучу свалили – тяжело на это смотреть. Таких праздников ждёшь как удара, лишь бы пережить. Нетрезвые тётки шестидесятого размера с глупыми одутловатыми лицами в гимнастёрках времён Войны, что помоложе – в мини-юбках цвета хаки, в камуфляжных обтягивающих маечках с глубоким декольте, сверху какой-то стилизованный мундирчик с эполетами небрежно накинут, секси-милитари, блин. После шествий и шашлыков разомлели, полезли купаться, у одной к ляжке лифчика георгиевская ленточка привязана, спасибо, что не к стрингам. У другой голова ею повязана, как ободок, чтобы волосы в лицо не лезли. Я им говорю: «Девушки, как вам не стыдно такой глупостью заниматься?», они хохочут: «Анжани, чо ты сердитый такой? Аль сказать чо хотел? Лучше выпей с нами водки на брудершafft за нашу Победу». У кого-то российский триколор в виде ленты повязан на запястье, как у болельщиков символика футбольных клубов, даже маникюр где-то видел такой же полосатый. Я не знаю, когда этот дурдом запретят? Дворники после праздников по ведру этих лент собирают, в пыль брошенных. Это же орденская лента, аналог награды, как планка – её гражданские лица вообще не должны носить, а она у них где только ни болтается. Сооружают из неё инсталляции в самых неожиданных местах, но это уже чистая отсебятина, а не традиции. Всё равно, что ордена и медали таскать в качестве брошки или заколки. Не удивительно, что их уже срывают, потому что реально достаёт подобное отношение. Носители ленты этому только рады, потому что появляется возможность изобразить смерть за царя и Отечество, возопив: «Умру, но не сниму». Ладно, была бы это какая многовековая и уважаемая историческая традиция, а так выдуман сей флешмоб на скорую руку проворными массовиками-затейниками наших дней по приказу сверху: «Сообразите этакую забаву ограбленному народу, чтобы он себя при подобном раскладе победителем вообразил». И получился безграмотный новодел, как в современной пропаганде сплошь и рядом приходится наблюдать, к сожалению, потому что для создания грамотной сильной пропаганды надо хорошо знать население, с которым работаешь, а современные мозговёрты актёров Баталова и Ульянова не различают, сидят в элитных поместьях под Парижем и пытаются оттуда формировать модели поведения для отечественных нищелюбов. Не удивительно, что на смену мощнейшей и грамотной советской пропаганде, которую создавали настоящие профессионалы, пришёл ляп на ляпе. Их это рано или поздно погубит, потому что так бездарно заниматься пропагандой – всё равно что реактивный самолёт пытаться вести без должной подготовки. Ляпы допустимы в искусстве, но в пропаганде их быть не должно, а она, грешная, нынче только из них и состоит, когда появляются открытки и плакаты, где советский солдат стоит на фоне английского танка времён Первой мировой. Где-то выпустили партию значков с опечаткой: «Я грожусь», словно вьетнамцам работу заказали, переплюнули знаменитое

«Росися вперде!». Кому грожусь-то? Не иначе, Уркаине. Орденоских лент превеликое множество, почему прицепились именно к георгиевской – не понятно. Она никак не связана именно с Великой Отечественной, была учреждена ещё Екатериной Второй во время очередной Русско-турецкой войны. До Революции это была самая популярная награда среди низших чинов и простых солдат в Русской армии – именно поэтому её не жалуют в Польше и на Украине. Именно поэтому в наградной системе Советской России её сразу переименовали в гвардейскую, чтобы не возникало ненужных ассоциаций. Это действительно имперский символ, но не советской, а ещё царской России. Изначально эти ленты были длинными и носились через плечо или на шее, а первые советские ордена вообще не имели лент и крепились к одежде винтом. Только в сорок третьем году их стали использовать в урезанном виде исключительно для обмотки пятиугольной колодки. Теперь их используют в виде банта в петлице, как раньше носили на Первомай красную ленту или цветок гвоздики. Скорее всего, оттуда эту идею и слямзили.

– Я тоже заметила, что День Победы теперь больше Первомай напоминает.

– Это слишком бросается в глаза, чтобы не заметить. Зато сам Первомай фактически упразднён, потому что это был второй по значимости советский праздник после Великой Октябрьской революции, такой же двухдневный, потому что в первый его день надо было обязательно на демонстрации показаться, а на второй фактически отдыхали. Он назывался Днём солидарности трудящихся, а теперь трудящийся человек негласно объявлен лузером, властям его солидарность не нужна и даже опасна – скорее, желательна разобщённость. Это был важнейший праздник становления капитализма в мире, когда рабочий стал личностью, заставил капиталиста считаться с этим: «Ты должен нас уважать, потому что мы тебе не быдло, а способствуем твоему обогащению и развитию. Ты должен относиться к нам как к сотрудникам, предоставить хорошее образование и условия жизни, чтобы мы могли и дальше успешно работать на твоё процветание». Умный капиталист так и сделал, не дожидаясь революций, и в развитых странах рабочие не бедствуют, но в России до сих пор нет капиталистов, только помещики-самодуры и откровенные воры, которые любой капитал могут разорить, а не преумножить. И эти праздники слишком разные: Первое мая и День Победы. Между ними нет ничего общего, поэтому делать такие подмены и смещения – верх неграмотности. Из пролетариата и интеллигенции сделали презренный обслуживающий персонал для олигархов и их бестолковых детей, чем ликвидировали как класс. А у главных праздников отняли даже название, придумали какую-то глупость вроде «весны и труда», как языческий праздник пахарей, хотя по сути народ в этот день как раз начинает свои огороды копать. Весна у бездельников – время аморов, а у работяг – начало полевых работ. С ноябрьскими праздниками вообще перемудрили, из революции сделали поповскую рясу, навязывают разрозненному обзлётному обществу миф о каком-то единстве и согласии с примирением. Типа согласись и смирись с существующим беспределом и не вякай. В результате из народа-борца получилась набожная слизь, которая сама не понимает, что отмечает и куда идёт. Куда указали, туда и течёт. Новодел в чистом виде! Довольно грубый и сырой, не продуманный до конца, не доработанный. Девятое мая изначально не отмечали, это был обычный рабочий день, никаких парадов. Только в Москве вечером салют давали, а остальная страна в потёмках сидела, зализывала раны. Это был негласный день траура по миллионам погибших, далёкий от праздника, потому что не было человека, у кого бы не погибли друзья, родственники или коллеги. Он проводился очень сдержанно, а теперь из него сделали какой-то карнавал с шествиями, лентами, шарами и гирляндами. Только в шестьдесят седьмом году Брежнев открыл Могилу Неизвестного Солдата, потому что сам был фронтовиком, чего нельзя сказать о Хрущёве и уже тем более о Сталине. Хотя у обоих сыновья воевали, старшие даже погибли: служили наравне со всеми, а не по кабинетам прятались. Дрались за страну как черти, чего не скажешь о сынках и зятках нынешней поли-

тической элиты, которые если не в Швейцарии и Англии отсиживаются, то в офисах транснациональных корпораций. И вот Брежнев решил сделать подарок однополчанам, многие из которых были ещё в силах. Страна по сути до сих пор пляшет под настроением царя-батюшки, ничего не меняется. Что он скажет, то и будут праздновать. Тогда были живы многие ветераны, кто в тридцать-сорок лет попал на фронт и сумел там выжить, потому что армия была пройдена до войны. А довоенная Красная армия сильно отличалась от послевоенной Советской: там реально учили воевать, потому что были живы кадровые боевые офицеры, ветераны Первой мировой и Гражданской, выпускники ещё императорской военной академии Генштаба, которых пока не репрессировали. Там даже дедовщины не было, такая культура царила, туда не брали зеков, наркоманов и прочих неблагонадёжных. Это были настоящие фронтовики, а не как сейчас тягают стариков, родившихся в сорок первом или даже в сорок пятом: «Расскажите, дедушка, как вы нашу страну отстояли». Что там младенец может помнить? Да и не слушает уже никто, что они там говорят, как по заученному.

– Мне иногда кажется, – призналась Ульяна, – если бы сейчас реальные ветераны войны ожили, они бы нас убили.

– Конечно, если бы увидели пьяную молодёжь повсюду, беспризорников, молодых мамаш, которые катят коляску с ребёнком и при этом курят и матерятся. Увидели бы, что мы до сих пор живём не при коммунизме, а ухнули вообще непонятно в какую эпоху, сидим в аварийных халупах, ходим по аварийным дорогам, половина населения нигде не работает, у многих нет нормального образования. Фронтовики – народ боевой, настоящие рубаки, а тогда им было лет по шестьдесят. Современные ветераны, которым под сто, уже не могут постоять за себя. Им сунут в детскую ладошку по гвоздичке, усадят на трибуну: заслужил. Надо было для них что-то делать, когда они ещё молодыми были, а не дёргать теперь больных и старых. При Сталине День Победы вообще не отмечали, потому что советское правительство понимало, что победой это можно назвать весьма условно, когда страна вышла из бойни с такими потерями. В Кремле разумно решили, что лучше не теребить тяжёлые раны, а то население навалит по шапке за такую «победу», когда многомиллиардные убытки и десятки миллионов погибших. Генсек настолько увлёкся истреблением оппозиции в конце тридцатых годов, что в расход были пущены лучшие кадры армии, талантливые военачальники. Некому было солдат в атаку вести, никто не знал, как это делать правильно, оттого такие потери. Ставили студентика какого-нибудь, наспех обученного, куда бежать и что кричать, а он всё забывал при первом же обстреле, терял сознание от ужаса, солдаты сами как-то перебивались вообще без командиров – это во многих мемуарах отражено. Когда теперь скулят, что «они погибли ради нас» – это кощунство, за которое надо бить в морду, потому что на войне не должно быть таких потерь, если воюет богатейшая страна мира, у которой должно быть лучшее военное оснащение и хорошо обученные командиры. Это может нравиться только обманутым слоям населения, которые ничего хорошего в жизни не видели, но зато якобы ради них кто-то погибнуть не побрезговал. Как героиням глупых романов, ради которых такие же туповатые ухажёры вершат подвиги и гибнут, лишь бы не жениться на проблемной бабе. А нормальному человеку не нужно, чтобы за него погибали. Более того, он сам никогда не допустит, чтобы люди пострадали за него. Придумали сказочку, что это они ради нас полегли, то есть переложили ответственность на все последующие поколения россиян за преступления Гитлера и Сталина. Послали солдата с неисправной винтовкой в пекло на верную смерть: пасиба вам, товарищ, что вы за нас престоавились! Как будто ему от этого легче. Да он нас не знал и знать не хотел! У него свои планы были на собственную жизнь, чтобы умирать за поколение хиппи и готов. И без того опущенному населению с колоссальным комплексом неполноценности ещё дополнительный комплекс вины подкинули: вы уже в том виноваты, что за вас такие замечательные люди погибли, поэтому не вякайте, если мы вас малость общиплем – с вас не убудет. Кого на такой пропаганде можно воспитать? Только

новых пьяниц и самоубийц, которые будут уныло погибать от чувства досады, что *за них* кто-то героически погибал, а им так и не дали никого на фронте замочить, душу отвести.

– А сейчас население ради кого погибается ударными темпами?

– Тоже через полвека какие-нибудь сучки придумают легенду, что ради них. Дети олигархов будут венки возлагать: «Низкий вам поклон, ведь благодаря вам мы смогли сохранить себя, как вид». Перед Войной в Союзе численность населения была почти двести миллионов человек, до сих пор не могут сосчитать всех погибших, но где-то от тридцати до сорока миллионов. Было уничтожено пятнадцать или даже двадцать процентов населения, это очень много – так не воевали даже дикари в глубокой древности, а мы гордимся такими жертвами. Потому что нравится быть жертвой, нравится жалость и прочее жевание соплей. Когда в войну погибает только один процент мирного населения – это уже катастрофа. Были уничтожены многие населённые пункты, которые так и не восстановили – их нечем было заселить, да и денег на восстановление не хватало. Были взорваны многие крупные промышленные и железнодорожные объекты перед отступлением, потом их пришлось строить заново, а это миллиардные расходы. После распада Советского Союза парады на Красной площади не проводились до пятидесятилетия Победы, Горбачёв и Ельцин относились к этому дню прохладно, потому что о какой победе орать, когда государство на глазах разваливается, а народ-победитель живёт хуже, чем в странах бывшей гитлеровской коалиции. Путин тоже не сразу этот праздник в разработку взял, где-то на третьем сроке стал грузить, что у него папа воевал, поэтому все должны почтить память героев. Путин очень изменился за последние десять лет, он совсем другим был в начале века, каким-то прогрессивным, что ли, современным, очень оперативным, в меру скептическим и закрытым – этакий типичный ленинградец. Да и нельзя ему открытым быть, если с ИГИЛ воюет. Его всё время пытаются о семье и внуках, искренне недоумевают, почему он никак не афиширует личную жизнь, когда у других всё выставлено напоказ, и никак в толк не возьмут, что там на родственников самая настоящая охота ведётся, наверняка, шахиды в очередь стоят. Он очень результативно начинал, как политик: сумел войну на Кавказе остановить, хотя никто не верил, что это вообще возможно. Обещал с бедностью покончить. Не получилось. Новый административный аппарат слишком прожорливым оказался, словно из голодающих набрали, что до сих пор не нажраться. Пришлось что-то другое внедрять: зато мы фашиста побили. Потом набожность эта, которая ему чудовищно не идёт, вразрез просто со всем обликом, когда тут же из него лезет хулиган, шуточки про геев и «трудные дни» у женщин. Хотя у нас в цеху бабы даже не знают, что это: на работу являются как штык в любой день, умрут, но выйдут и всё сделают. Зато у мужиков через одного – менструация. То апосля вчерашнего головка бо-бо, то День Радио отмечали, потому что у тёщи-покойницы двоюродный племянник в ракетных войсках служил. Как одно с другим увязывают – не каждая блондинка догадается. А вообще Путин похож на лиса, хитрого и ловкого. В нашей культуре хитрость почему-то считается плохим качеством, но это исконно русская черта характера, потому что без неё не выжить в заданных условиях. Ельцин был настоящий такой медведь с широкими жёстами, никуда не спешил, а тотем Путина – вёрткая быстрая лиса, которая обведёт вокруг хвоста более крупного, но простоватого волка – символ исламского мира. И вдруг воцерковление какое-то, тяжеловесная царственность, словно боярская столица вытесняет из него культурную. Или имиджмейкер резко сменился и сделал ставку на его православное происхождение, как противопоставление «басурманской» вере, хотя надо не с верой бороться, а с мракобесием. И вот результат – увязли в Сирии. Потому что с религиозным фанатизмом можно до бесконечности бодаться лоб в лоб, противопоставлять себя ему, демонстрировать, что ты не менее фанатичен и предан своим богам. Этак сам превратишься в них. А фанатиков лучше всего бить оружием, которого у них нет: образованием и прогрессом. И не на таран идти, а дружелюбно похлопывая по плечу. Тем же современным западным искусством можно при-

ложить – бьёт на поражение лучше всякой атомной бомбы плюс намного дешевле. Например, наша страна от низкопробных американских фильмов, передач и их российских аналогов очень быстро деградировала, и если кто не замечает этого, то в силу той же деградации. Никакой стрельбы и насилия – они только на телеэкране, дальше зритель всё сделает сам. А тут обе стороны упёрлись рогом в веру и буксуют.

– На таком посту не захочешь – уверуешь.

– Ай, бросьте! Другое дело, если бы он делал это только для себя, без свидетелей, но на таком посту ничего не делают просто так. Там каждый шаг согласован со спичрайтерами и имиджмейкерами: на подводной лодке прокатиться или на мотоцикле проехаться. Как Пугачёва поёт, «всё могут короли», но вот пойти, куда хочется, и делать, что нравится, не может ни один король. Говорят, ему вообще все тексты выступлений какая-то баба пишет, возможно отсюда у него столько подколов на тему различия полов. А что они сделали из Девятого мая, очень настораживает, словно это их последний козырь и крыть больше нечем. Иные чиновники выжимают из него по полной, целые отчёты выкладывают в соцсетях, как с жёнами посетили места боевой славы и свежие захоронения погибших, которых находят каждый год в лесах. Жена главы крупной госкорпорации сфотографировалась на фоне могил. Господи, собственную бабу на военное кладбище привёл, как будто столичникам больше пойти некуда! Да и баба у него не простая, а внучка танкиста-героя, оказывается. Можно подумать, что он на ней только за это женился. Двадцать второго июня всем Кремлём венки возлагали, под дождём вымокли, а зачем? Сами придумали этот церемониал, сами мокнут, сами могли бы и отменить в связи с непогодой. Там в могиле уже убитые лежат. Может, лучше подумать о пока ещё живых? Кто-то проявил чудеса стойкости, вымок до нитки, но выстоял, другой зевал и ёжился, третий за дорогой костюм переживал – народ всё подметил, сделал выводы. У стойких сразу рейтинги выросли, у зевавших упали, словно населению от них ничего больше не надо. Здешние бабы в поле под холодным ливнем и в октябре по несколько часов работают, хотя за свой каторжный труд в сотни раз меньше получают, чем наша политическая элита. За их оклады можно и помокнуть под тёплым июньским дождиком, и много ещё чего изобразить, да только надо ли? Бессмертный Полк превратили в акцию поддержки президента, какие-то старые девы с его портретом идут, тащат во всю ширь улицы ленту в человеческий рост.

– Георгиевскую?

– Естественно. Они других не знают. А на ленте написано: «Путин – наш духовный лидер». Вообще у бедолаг смещение куда-то в область эзотерики идёт, вот до чего алкаши проклятые бедных женщин довели. Президент-то хоть в курсе, что у него такие поклонницы? Даже жалко его как-то. Я бы испугался, если бы с моим портретом такие тётки ходили. Бредут опухшие дядьки с плакатом «Можем повторить». Не сразу понимаешь, что это они про ту страшную Войну, а не накатить по новой собираются. Именно такую бойню с десятками миллионов жертв и сотнями сожжённых сёл и городов они хотят повторить? Они уверены, что им хватит и без того вымирающего населения в разорённых реформами регионах для подобных забав? Совсем маленьких детей ведут в гимнастёрках, они несут флажки «Спасибо деду за Победу», хотя их дедам от силы лет пятьдесят. Оставьте вы дедам дедово! Создайте хоть что-нибудь своё, чтобы вашим внукам было за что вам спасибо сказать, когда вас уже не будет. А то мы примазались к подвигу наших дедов, но нашим-то внукам не с чем будет вот так ходить на демонстрацию, потому что ничего мы им не оставили после себя: ни побед, ни подвигов, ни достижений. Спору нет: историей интересоваться надо, но как наукой, а из неё сделали поле для прошлых битв в настоящем. История должна давать пищу для размышлений о той или иной эпохе, а из неё сделали истерию: немцы – мерзавцы и лохи, а мы – герои, мы их победили. Каждый считает, что знает историю лучше других, трясёт оппонентов за грудки, все пытаются перекричать друг друга и переиграть уже проиг-

ранние сражения. Идёт нездоровый интерес к войне и мясорубке, который уже зашкаливает. Это не патриотизм, а какая-то карикатура на него. С таким же успехом можно в пожарника переодеться и объяснять подобные странности в поведении любовью к Родине. Подражать военным, всё равно, что подражать работникам железной дороги, птицефабрики или ещё какой сферы занятости. Мне отец рассказывал, как в десятом классе шутки ради одел форму старшего брата, который в десанте отслужил, и пошёл по городу гулять. Его остановил патруль, спросили военный билет, он признался, что форма не его. Отвели в отделение милиции, там он на всю оставшуюся жизнь в предвариловке насиделся, где настоящие зеки, у которых всё по понятиям. И одно из главных понятий: если выдаёшь себя за кого-то, то изволь соответствовать. У них же нельзя выдавать себя за крутого, делового или ещё какого ффраера, если ты им не являешься, а тут недоросль в форме сержанта нехилых войск, прямо скажем. И вот его, такого крутого, отвели в детскую комнату милиции, где долго объясняли, что к форме и воинским знакам отличия следует относиться с уважением. Одевать на себя военную форму, не являясь военным, — это неуважение к мундиру, потому что это не карнавальный костюм. Кажется, тогда даже статья была за использование армейских атрибутов в развлекательных целях, форму можно было купить только в специализированных магазинах при наличии соответствующих документов. А теперь каких только ряженных нет! Всегда были детские костюмчики в морском стиле с бескозыркой и гюйсом, но видно, что это не настоящее обмундирование, а тут реальные гимнастёрки пошиты с погонами, с лычками, насколько заняться нечем. Одеваются с ног до головы в форму уже не существующей Красной Армии и мычат: «Мы победили!». Психиатрией пахнет, если на чистоту говорить. Они бы пьянство своё победили для начала и одичание, а потом орали бы о победе. Не выглядят так победившие, больше на побеждённых смахивают, на типичных терпил, которых свои же опустили, а не чужеземный враг. Устаёшь от быдла, которое мычит своё фирменное «мы» сразу за весь народ. Только и слышишь повсюду это мы-мы-мы, от своего лица вообще не говорят — его там нет. Есть только толпа своих «мы» и стан врагов «вы», обязательно во множественном числе.

— Может, у людей приступ национального единства обостряется?

— Какое единство? Только ещё больше дробятся на «мы-вы», «те-э-ти», «они за нас». Что такое нация в их понимании? Национальный характер — это навязанная модель поведения через пропаганду, которую создают по заказу властей, чтобы опять что-то с народа поиметь, а люди сами решают, соответствовать или нет. Хвалебные эпитеты, которыми население то и дело награждают, сами за себя говорят: дескать, наш народ САМЫЙ *героический, терпеливый, неприхотливый, выносливый*. Нетрудно догадаться, какая жизнь народу уготована с подобными качествами. Почему никогда не скажут, что наш народ богатый, грамотный, уверенный, требовательный? А зачем им такой народ? Научили дураков мычать, они и стараются, словно зачёт кому-то сдают, самомнение так и прёт: «Мы за справедливость, такими уж нас создал сам Господь, ничего не попишешь. Наше призвание — наводить порядок во всём мире, кроме собственной страны, и помогать, даже если не просят. Мы освободили Грецию и Болгарию, мы спасли от истребления грузин и армян, мы создали казахов и украинцев, а они этого даже не заметили и нам спасибо не сказали, неблагодарные! Мы добрые для кого угодно, но только не для своих, потому что мы — самая странная нация на этой планете. Мы обязаны быть странными — так ещё Тютчев приказал». Им чего ни прикажут — они выполняют, не извольте сумлеваться, как завещал папа Карло. Только не хотят замечать, что мы серьёзно отстаём от развитых стран в образовании и медицине, в продолжительности жизни и оснащённости жилых районов нормальной инфраструктурой хотя бы на уровне прошлого века. За исключением всего двух городов на всю страну, двух столиц, как головы орла на гербе. Людей нахально убедили, что «настоящий русский человек» *не должен* обращать внимания на такие мелочи. Спрашивается, как он собирается наводить поряд-

док в мире, если собственную жизнь считает мелочью и в родной стране не может привести в порядок хотя бы дороги? Ему только и остаётся, как грозиться с заднего стекла разбитых ржавых «Жигулей» наклейкой, как «русские всем покажут», или давать ценные советы вроде «повернись к Западу задом». Зачем? Чтобы Западу было удобней своё получить? У меня одноклассник бизнес сделал на этих наклейках, расходится на ура, особенно тема «Пока у нас есть самогон – пускай трепещет Пентагон». Жаль, об этом никогда не узнают в Пентагоне. Зато об этом хорошо знает родная власть, что народу ничего не надо кроме дешёвого пойла. Даже ружьё можно не выдавать: наш солдат из пальца стреляет. Кто придумывает эти глупые и грубые лозунги? Простые люди, служивые и работяги? Это придумывают всё те же неугомонные массовики-затейники из офисов пропаганды и спускают нищему населению под видом его же оригинальных мыслей. Население искусственно опускают на уровень гопоты и доказывают, что именно таким *должен* быть «настоящий русский человек», а иначе он проплаченная тем же Пентагоном сволочь. Вы заметили, что в стране не стало нормального доброго юмора, искромётного и остроумного? Всюду царит юмор гопников и только им понятный. Даже по телевизору юмор исключительно для гопников и хабалок. По сути вся страна под них заточена, чтобы была возможность хряпнуть водки, потешить самолюбие «мы супер, а все остальные – говно», набить морду собутыльникам, как прототипу главного врага, а потом пить мировую и целоваться с ними в засос. Страна сходит с ума! Президент наградил вдову Первого орденом великомученицы. В связи с чем? Он бы этот орден выдал простым бабам, которые умудрились выжить в годы правления её мужа, как моя мать в девяностые годы сумела вырастить нас с братом, когда отец без работы остался. А в кремлёвских-то семьях кто там чем мучился? И все эти акции не объединяют, а только ещё больше разобщают патологически недружный и враждебный к своим народ, каким его сделали за последние годы с помощью водки и грабежа.

– У нас в деревне в этом плане хорошо: можно вообще ничего не отмечать, начальство в душу не лезет, чтобы все «на праздник вышли». А у пропойцев и так каждый день гулянка.

– В городах умные люди на выходные тоже стараются подработку найти, потому что на зарплату не прожить, которую к тому же не платят. В майские праздники все на огородах, потому что зарплата по городу двенадцать тысяч рублей, без своей картошки не обойтись. И я считаю, что это честней и правильней, чем ходить по улицам с портретами воевавших предков, как Геша Козодоев по мелководу в «Бриллиантовой руке» идёт с фанатичным лицом адепта. Одно дело так по красивому городу пройти, где виден контраст прошлого и настоящего: жизнь удалась! За такую красивую и комфортную жизнь был смысл воевать, а тут видок, словно до сих пор боевые действия ведутся. Всё в аварийном состоянии, клочки асфальта на дорогах, пьяные рожи повсюду. Спотыкаются по кочкам с таким видом, будто подвиг вершат – самое нужное на данный момент. Никаких своих достижений в реальной жизни нет, но верят, что кого-то там победили, какое-то влияние на события вековой давности имеют, хотя с беспределом сегодняшних дней ничего поделать не могут. Всё идёт в ход, только бы люди не занимались своей сегодняшней жизнью, не вникали и не замечали её. До смешного доходит: уже совсем зелёная молодёжь, которой нет и тридцати, гордо заявляет, что их деды погибли на фронте. Простой расчёт подсказывает, что это были не их деды. Как же тогда родились их родители? Или они родились до Войны в тридцатые, а своих детей родили после Перестройки в шестьдесят лет? В результате пьяного блуда и упадка нравственности больше трети детей рождается вне брака, где не только дедов, а отцов-то никогда не видели, словно те на войне с зелёным змием погибли – им с чьим портретом ходить прикажете? Они ведь комплексуют на фоне такого внезапного изобилия героических предков. Там половина с фальшивыми портретами идёт наверняка. Я замечаю, что многим стыдно, что у них никто не воевал, или они не знают своих корней дальше бабушки, которая как на грех после Войны родилась. Выдумывают о себе всякую глупость, виновато бормочут, как

у соседа по коммуналке двоюродный брат прадеда перевозил детишек по Дороге Жизни, а у пятиуродной тётки по линии отца матери в эвакуации от цинги выпали все зубы и волосы. Казалось бы, не коснулась война твоего рода, так и радуйся, а им – стыдно. Надо хоть как-то примазаться к подвигу, придумать его на худой конец. Люди гордятся тем, что их истязали и истребляли, но это же очень плохо, когда человек притягивает к себе насилие и сволочное обращение. Особенно неприятно смотреть в этом плане на нашу элиту с её политической спекуляцией на чувствах людей, на памяти и боли, когда без того проблем хватает. Выжимают слезу из народа грубыми методами в стиле «серпом по яйцам». Кто-то на больных детишках так спекулирует, кто-то на пенсионерах выезжает или с ветеранами напоказ обнимается. Неискренне это всё и некрасиво. А потом публикуют в Фейсбуке, как «продолжили наслаждаться длительными майскими каникулами» в Швейцарии или «отрывались до победного» на Мальдивах. И на День Победы лучше всего видно, насколько велика пропасть между разными слоями населения в нашей стране, никакого равенства и единства нет и в помине. Известная певица сокрушается, что не смогла прилететь из Италии, чтобы встретить священный день с народом, спеть ему «Синий платочек» в стиле секси-кантри, подучить патриотизму. Это не патриотизм, а именно *патриотизм* какая-то. Простой люд от элиты тоже не отстаёт, иные до двенадцатого мая на работу выползти не могут: фашиста гоняют по округе в лице собственных собутыльников и галлюцинаций. Не поверите, но уже объяснительные так и пишут: «Ачотакова! Какжыдь, дык день нашей Победы же, такскать! Ты чо, начальник, не въезжаешь, што ля, совсем берега попутал?». От своего лица скажи, чего лично ты достиг, а не выдумывай за целые поколения в стиле «они – мы»: «Они погибли, чтобы МЫ жили»! Более убогого и тупого мещанства придумать невозможно, но многие придурки именно так понимают ту страшную войну, которая якобы единственно ради них свершилась. Они соизволят милостиво принять принесенную ради них жертву в десятки миллионов человеческих жизней. Прямо так и погибали люди пачками ради нас: глупых, пьяных, некрасивых, слабых, ничего не достигших кроме уровня в World of Warcraft. Да они в страшном сне не представляли, что мы сотворим с их страной. Таким больным самомнением могут обладать только алкоголики и те, кто их «спасает», публика с заплывшими свинными глазками, прикрывающаяся портретами героев. Наши деды не примазывались к подвигам своих предков, они собственной эпохой занимались, а не в чужие лезли, как сейчас их внуки повадились, лишь бы личную деградацию не замечать. Дед моего прадеда участвовал ещё в русско-японской войне, но прадед никогда бы не додумался ходить с его портретом в день её окончания пятого сентября, и грузить всех борьбой за Маньчжурию. Он после Великой Отечественной не орал у вино-водочного отдела, как доблестно воевал, за что ему теперь все пожизненно должны. Он работал, построил в нашем городе электростанцию и мануфактурную фабрику, от которой сейчас руины остались. Недавно в ней провели постановочное сражение к годовщине Сталинградской битвы, якобы это Дом Павлова. И что больше всего удивляет: никто не замечает, откуда такие руины посреди мирной жизни. Люди словно ослепли или утратили важнейшие мыслительные способности по сопоставлению фактов. Почему рядом разрушен дом, который до сих пор жилой? Его не просто расселить не могут, но даже на снос денег в бюджете нет. Кто развалил фабрику, сколько рабочих мест тут было, куда ушли люди, что здесь работали? Или они уже вымерли? Кто разваливает предприятия, опускает экономику регионов, лишает людей возможности зарабатывать и нормально жить – это и есть враги. Но их называют великими реформаторами и выдающимися финансистами. Они понесли хоть какое-то наказание за развал, какой устроили? Нет. Тогда кому мы орём: «За Родину»? За какую Родину?

– Говорят, что народу надо о войне напоминать, чтобы она не повторилась.

– А кто это говорит? Кто они такие, чтобы «народу напоминать»? Может, у них решение на право заниматься подобным видом деятельности получено? Это пошлость и

признак безделья, что из патриотизма сделали профессию с контролирующими органами, которые обязали всех и каждого отчитываться, кто как Родину любит. Скоро доносить начнут, что кто-то это делает не по уставу. Такой канцелярский подход к подобным сокровенным вещам в высшей степени безнравственен. И эти безнравственные опущенные людишки смеют доказывать, что они борются за нравственность? Возомнили себя какими-то пастырями, духовными наставниками над безмозглыми овцами, которых они будут учить любви к родному краю. Они сами-то умеют любить? Не скажешь по их лицемерным и перекошенным от ненависти рожам. Чем они занимаются? Постоянно напоминают населению о давно прошедшей войне, чтобы оно не замечало сегодняшних преступлений против себя. Людям нужна работа с хорошей зарплатой и защита от отечественной преступности, а уж там они сами решат, что им праздновать и сколько отдыхать, но манипулятором как раз это не даёт покоя. Для них хуже нет, когда человек *сам* решает, каким богам молиться или вообще атеистом быть, сколько детей рожать и когда. Им надо всех стадом гнать в те ценности, которые выгодны заказчику. Популярный артист, которому лет тридцать от роду, с обложки журнала сетует: «Мы просто обязаны рассказывать детям о войне». А ты её видел? Ага, в каком-нибудь тактическом шутере типа Red Orchestra или Medal of Honor. Или собирается современные фильмы ко Дню Победы со своим участием пересказывать? Спасибо, не надо. Когда современные качки и клубные девушки играют сталинскую эпоху, а то и дореволюционную – это нечто. Играют тургеневских барышень после пятого аборта и четвёртого развода, некоторые даже со следами ботокса. Мы другие, нравится нам это или нет, у нас лица другие, инфантильность, сытость и позёрство никаким гримом не замажешь, да ещё слабость прикрыта протеиновыми бицепсами по американской системе спортивного питания. Почему зритель до сих пор верит Бернесу и Крючкову? Потому что они играли своё поколение. Своё! А нам про своё поколение и сказать-то нечего, кроме глупейших сказок о банкирах и фотомоделях, списанных с чужой жизни. Современные СМИ куда только ни заходят, лишь бы не анализировать настоящее. Ещё мой отец смеялся, когда очередную «историческую правду» о разгоне Верховного Совета смотрел: «Нам рассказывают про Октябрьский путч молоденькие журналисты, которые тогда только родились, а мы его своими глазами видели. Расскажи про сегодняшний день!». Но они боятся сегодняшнего дня, как огня, или им по губам дадут, только заикнись о нём. Войну в кино увидели и теперь решили всех душить рассказами о кайфе таком, соловьями заливаются. И убивает, что это говорят актёры и журналисты – люди, которые знают, что человеческое поведение основано на подражании. Есть гипотеза, что Софья Ковалевская стала великим математиком, потому что стены её детской комнаты были совершенно случайно оклеены из-за нехватки обоев лекциями профессора Остроградского о дифференциальном и интегральном исчислении. Всё просто: хочешь вырастить математика – окружай его математикой. Если воспитываешь музыканта – окружай его прекрасными мелодиями, сам интересуйся музыкой, учись играть или петь. Ребёнку ничего не останется, как копировать то, что его окружает. Но безграмотные люди, которые ничего не понимают в устройстве своей нервной системы, обожают всё усложнять и идти к цели какими-то кривыми путями. Хотят вырастить культурного хорошего человека и... орут друг на друга матом, приползают домой в пьяном виде, скандалят и хамят. Потом изумляются, почему у них, таких замечательных и правильных, дети получились невежами и невежками. Они с какого-то перепоя решили, что детям надо показывать в кино мясорубку, и тогда из них получатся... патриоты. Как зубодробительные сюжеты могут научить зрителя любить свою страну? Что вырастет из ребёнка, который посреди мирной жизни в кино видит одну сплошную войну? Он будет создавать эту войну в собственной жизни на каждом шагу за неимением других примеров поведения. Её создатели оправдываются, что это же кино, где всё понарошку, так вы определитесь: понарошку была смерть миллионов или она всё-таки была? Они даже не знают элементарных законов психологии, потому что человеческая пси-

хика не знает таких категорий, как понарошку, а всё воспринимает всерьёз, особенно сцены насилия, которые «записываются» прямо в подсознание, а именно оно управляет всей нашей жизнью. Грубо говоря, у психики нет чувства юмора, она любую информацию принимает за чистую монету и будет оперировать полученным материалом в дальнейшем. Нет никакой разницы: на вымышленные истязания человек смотрит или реальные, а уже то странно, что ему это нравится. Если маленькому ребёнку показать сцены насилия, он испугается и заплачет, потому что это нормальная реакция пока ещё здоровой психики, но современная культура её разрушает, когда недоросли жрут попкорн и равнодушно взирают, как на экране фонтанами хлещет кровь, да ещё комментарии дают и ржут. У них нарушена вся система эмоций, они ничего не чувствуют, не способны сопереживать и даже гордятся этим. Наша безграмотная пропаганда доказывает, что воспитывает патриотов, а на улице упал дедушка-ветеран и умер, потому что никто не подошёл. Наверно решили, что это он понарошку. Человек так устроен, нравится это кому-то или нет. Если ему постоянно показывать танцы – он начнёт сам танцевать. Если постоянно показывать, как люди истязают друг друга, оправдываясь, что они за правое дело бьются, то зритель начнёт лягаться в домашнем кругу, станет фантазировать, что это и есть его зона боевых действий, где он всем просто обязан показать кузькину мать. Сейчас повсюду эту бессмысленную агрессию и настороженность можно наблюдать, когда люди «включают крутого мужика», где он не нужен, и проявляют поразительную беспечность, где как раз требуется собранность и ответственность. Они не знают другой модели отношений, кроме войны и конфликта. Это же круто! А мирные ровные отношения – фу, скукота, бяка-кака какая. Мирная жизнь – удел бабья, а настоящий мужчина просто-таки обязан загнуться в бою как можно раньше.

– По заказу Пенсионного Фонда, что ли?

– Заметьте, так оно и происходит. Информация делает своё дело, потому что именно она – оружие нового века. Всё больше художников, которые словно бы разучились создавать сюжеты, где герои занимаются чем-то другим помимо тупого самоутверждения и демонстрации, как их все люто обидели. Жалко актёров, которым приходится годами играть надоевших суперменов, скроив морду кирпичом. Его, бедняжку, постоянно предают друзья и любимые – ну надо же хоть на чём-то войну развязать. Эти разрушительные повадки из фильмов «для настоящих мужуков» перекинулись уже на плаксивые мелодрамы, где показан такой же конфликт, война в интимной жизни, предательство, как измена Родине и разглашение военной тайны. Полфильма гадят друг другу, а другие полфильма своё же говно разгребают, словно сценаристу героев совсем нечем занять. А как иначе сюжет выстраивать без конфликту-то? Не умеют. Не брались бы, коли не умеют, но берутся, да ещё как! И это очень сильно влияет на состояние общества. Формируется характер конфликтного человека в бесконфликтной ситуации, который атакует собственных родителей и одноклассников, нападает на коллег по работе, превышает необходимую самооборону в общении с собственной женой. Даже многие женщины переняли повадки солдафонов, говорят, как в казарме, отдают команды похлеще лютого сержанта. Грубость и хамство им кажется признаком силы, хотя всё с точностью до наоборот. Визгливые вспыльчивые психопаты – это всегда крайне слабые ненадёжные люди, которые ведут себя как на поле боя в личных отношениях, дружеских, профессиональных – в любых.

– Да, народ нынче нервным стал.

– Нельзя не заметить, что везде какие-то бешенные конфликты на пустом месте. На дорогах дерутся бейсбольными битами, открывают огонь на поражение, потому что какому-то крутому не уступил дорогу другой лихой. Мы ехали из района на автобусе, на федеральной трассе дуэль: две фуры на полном ходу бьют друг друга боками, летят искры, одна другую спихнула с трассы, кабина перевернулась и взорвалась, вторая врезалась в дерево и тоже загорелась. На поле танки полыхали – прям, как на фронте! Ради чего? Оказалось,

что одному не понравилось, как другой заходил на поворот. Откуда столько полудурков? Их надо бы расстреливать на месте, потому что это уже конченные твари. Я никогда не видел, чтобы так вели себя старики-фронтовики, которые много лет водят свои старенькие «Волги» и «Москвичи». Они были на фронте, то есть имеют полное право пожаловаться на расшатанные нервишки, но они этого не делают, как ни странно, даже в преклонном возрасте умудряются держать себя в руках, чего не скажешь о молодых истеричках за рулём. Они устали воевать на войне, они ненавидели насилие. От войны ведь очень устаёшь. От настоящей войны, а не игрушечной, которую можно поставить на time out и пойти чайку попить. А реальная война выматывает на десять жизней вперёд, да и тайм-аут ей неведом. Говорят, что «народ довели», а по-моему достаточно телик включить и хотя бы пять минут послушать, какие оттуда льются звуки: взрывы, стрельба, вопли, политические перепалки, грызня в ток-шоу, интонация визгливой торговли даже у ведущих центральных каналов. Зритель и слушатель это всё послушно копирует, потому что непослушный вообще не станет подобное дерьмо смотреть и слушать. Такая информация рассчитана именно на некритичного пассивного потребителя. Интернет-пользователи считают себя более продвинутым классом в этом плане, но там то же самое: лай в блогах и мат на форумах. Никто никого не слушает, даже не собирается, потому что общение люди стали понимать, как возможность возвыситься себя путём унижения собеседника, пока он тебя в этом не опередил. Русская нищета поливает украинскую нищету и такую же вымирающую Прибалтику, типа мы чем-то лучше. Что они делают, о чём грызутся эти трусливые анонимы под хлесткими псевдонимами Отец Народов и Сандаль Кедров? Ведь живут абсолютно одинаково, что чувствуется по уровню развития. Им бы спокойно обсудить и поделиться друг с другом, как выбраться из нужды и долгов, пока жизнь полностью не загублена на этот лай в адрес таких же облапошенных, но ярость не позволяет. Стыдно, что посчитают слабаком и предателем, а слабаки именно этого больше всего на свете боятся. Готовы себя предать, начинают занимать позицию сверху, чтобы оттуда плевать на оппонентов, которыми становится любой, кто посмел не совпасть во взглядах. Обсуждают новый фильм Серебренникова, который «повадился чой-то поливать нас грязью», а дальше идёт такая перепалка, что любую перестрелку заглушит. Люди вообще себя со стороны не видят, возмущаются, почему герои постоянно орут, и не замечают, как сами орут друг на друга в обсуждениях. Считают себя правильными, но и персонажи фильма тоже считают себя правильными. Доказывают, что Звягинцев показывает не Россию, а свой депрессивный мир, но в матерных комментариях переплюнут его героев по озлобленности и мрачности. Просто узнали в них себя, как в зеркале, и ужаснулись: «Господи, неужели это мы – утончённые и интеллигентные? Что с нами случилось?». Думали, что выглядят как беспечные и успешные герои рекламных роликов «ноу проблемс», а увидели враждебно настроенных друг к другу хронических неудачников. Потому что скрывая проблему, ты её не решишь. Человек смотрит в зеркало, чтобы поправить что-то в своём облике, а они пугаются, плюются и убегают, а то и разбивают зеркало: «Враньё всё, покажи нас крутыми!». Ага, только попкроном не поперхнись от боевиков и ситкомов по комиксам. Ноют, что их, таких позитивных, подобные фильмы ввергают в депрессию и безнадёгу, хотя они настоящим оптимистам не страшны. Они не понимают природы оптимизма – это как раз высокий иммунитет к потрясениям, а их легко одним щелчком сбить в уныние, потому что они всю жизнь изображают крутизну и радость, которых нет. Полстраны составляют матери-одиночки и инфантильные алкаши, а они не хотят видеть «такую чернуху»: чем гаже – тем правдивее. Выгляни в окно, посмотри на серые тюремные блоки спальных кварталов, разбитые дороги, вытоптанный газон, летающий по ветру мусор, а потом обвиняй режиссёра, что он так серо и уныло показывает жизнь и народ, который «ваще не знает, потому как всё больше по Каннам ошивается, фуфлыжник». Кстати, Звягинцев показывает не народ, а преимущественно мещан, средний класс, универсальный сценарий из жизни современной

буржуазии. Возможно, он не знает народ, но он на него и не претендует, обнажает проблемы вселенской нелюбви и непонимания, когда человек разумный сознательно не хочет кого-то понимать и любить. Все друг другом только пользуются, манипулируют и хвастаются, кому удалось облапошить и поиметь больше своих жён, мужей, сожителей и прочих «родных». Самых родных людей на свете. И вот жертва этих ожесточённых боевых действий против своих в какой-то момент с ужасом осознаёт, что за всю жизнь никогда никого не любила. Потому что некого любить, когда все вокруг друг друга ненавидят, особенно самых близких: мужа – жён, родители – детей, старики – молодёжь. Потому что все уверены, что их должны любить, им должны любовь, а они сами могут только пердеть и рыгать с дивана в ответ. Потому что любовь перестала быть ценностью – лучше диван купить, а к нему телевизор с холодильником. Любить кого-то могут только спяну, чтобы очнуться в чужой постели, которая ничем не лучше супружеской, а потом плестись в ЗАГС «как честный человек» с *этой*, которая ничем не лучше той, что уже прошла через это. Режиссёр мог бы назвать своих героев Джон и Мэри или Катрин и Ханс, но он русский и даёт им русские имена, хотя ситуации, которые он показывают, актуальны для любой нации. А ура-патриоты беснуются: «Так обосрать русских ещё никому не удавалось!», не замечая сути. Если они увидят такой же сюжет из жизни китайцев или африканцев, то самодовольно хмыкнут: «У этих нехристей всё ни как у людей». К чему метать бисер перед свиньями, когда публика-дура «хотит», чтобы было весело и смешно про любовь-морковь с обязательной свадьбой в конце? Чтобы ржачка была и прикольно, а тут создатели посмели не учесть, чего вашей светлости хочется. Искусство понимают в стиле «чего изволите?». Так и пишут: «Пошто клеветуют? В нашем захолустье такого нету!». Эти одноклеточные уверены, что любой фильм именно про них снят, поэтому несоответствия сразу на свой счёт принимают.

– Странно, что так пугаются «депрессивных» работ Звягинцева, – подхватила его жена, – когда их раз-два и обчёлся, а так экран завален оптимизмом в духе голливудского хеппи-энда на фоне российского лубка, где всё в мармеладе и шоколадом полито. Этак можно Тургенева с Чеховым запретить: они оклеветали золотой век русского дворянства. Толстой тоже руку приложил в описании тяжёлого положения простого народа, который смел бедствовать при канонизированном теперь царе-батюшке. А Достоевский какую подворотню описывал? И он не деревню описывал, а столицу, обедневших дворян и разночинцев, слабых потомков патриархальной Руси, которые так и не смогли благополучно «въехать» в капитализм по причине устаревшего воспитания, которое не работает в новых условиях или даёт совершенно обратный эффект. Говорят, что сейчас нет писателей такого уровня, как Толстой и Достоевский, но я видела один блог, там доказывают, что писательство само по себе устарело, потому что нынче мало кто читает, и современные Толстые ушли на телевидение, потому что его смотрят миллионы. Приемниками русских классиков называют современные ток-шоу, которые рассказывают о той же Катюше Масловой и Анне Карениной, да и Раскольникову с братьями Карамазовыми там место найдётся. И заметьте, сколько поклонников у данного формата, который приносит его создателям хорошие деньги. Однако, никто не кричит, что они «Родиной торгуют и поливают грязью собственный народ». Есть и противники, но популярность значительно выше. Почему? Почему Звягинцеву нельзя, а Малахову можно показывать этот распад, словно у него выкуплена лицензия на оборот человеческих помоев в твёрдую валюту? Один известный артист сравнил российские ток-шоу с туалетной бумагой, которая всегда будет пользоваться большим спросом, чем рукописи Достоевского. Но ему возразили, что это и есть Достоевский наших дней. Что делает Малахов? Да ничего особенного по принципу «всё гениальное – просто». Берёт отстой, который и искать не надо, и показывает его, как оно есть: дети тоталитарного строя, которые неудачно «перестроились», по-своему поняли демократию, как тотальный блуд и пьянку, и совершенно добровольно свели себя на уровень зоологической жизни, бесконечно выясняют

деструктивные отношения и спят со всеми подряд. Они всем понятны, потому что говорят на языке большинства. Да, грубо, страшно, жестоко, но это – правда, ни капли вымысла, что и возразить-то нечего. По каждому сюжету создатели могут дать координаты реальных участников, указать дом и улицу, где всё происходило. А если какой-нибудь режиссёр попробует снять на основе этого очередную чернуху, то получается уже как бы навет: «Не мог нас поприличней изобразить, иуда, немного приукрасить?». Хотя какой смысл подкрашивать зелёные яблоки, если они всё равно кислые? Да и красные могут оказаться невкусными и гнилыми. Говорят, первые передачи Малахова были постановочными, статисты разыгрывали перед зрителями имитацию скандала, измены, предательства, пока зритель не привык к этой грязи, как к норме, и стал сам поставлять подобные сюжеты в избытке. Это задумывалось, как калька с шоу Опри Уинфри, которое входит в список пятидесяти величайших шоу американского телевидения, но получился клон передачи Джерри Спрингера...

– Который занял «почётное» первое место в списке «Пятидесяти худших телешоу всех времён». Это произошло именно в тот год, когда в России появилась «Большая стирка» – устаревший продукт американской культуры, которая к тому времени от него отказывалась, а наши по традиции подхватили. И до сих пор спорят, реальных людей там показывают или сама передача сделала их такими, потому что огромный процент населения согласился походить на заданные образцы, только б показали по телевизору. Ещё на «Поле чудес» было замечено, как большинство участников ликует, что можно из ящика послать привет родной деревне, откуда они приехали за пылесосом: посмотрите на меня, подтвердите, что это не сон. Сидят пожизненно на периферии, никто о них не знает, а тут шанс ославиться на всю страну, пусть даже в таком сомнительном качестве. Попасть на советское телевидение было невозможно, если ты не собрал больше всех хлопка, не получил Нобелевскую по физике или в космос не слетал. Тяжеловато, прямо скажем. А нынче туда прямая дорога беспутным пьяницам, которые пропили своего ребёнка, а то и сами съели – стопудово покажут и не один раз.

– Ну и что? Такие люди всегда были. Почему-то в советское время выходили фильмы, как «Полёты во сне и наяву», где советский человек показан не по-советски, как не подобает строителю социализма, но никто особо не морщился, а нынче сразу чьи-то чувства задели, кому-то на убеждения наступили. На сотню однотипных приторных мелодрам выходит один неудобный фильм, создатели которого со зрителями не церемонятся, но гораздо больше сладких сказок на позитиве, где бедную замарашку подбирает успешный красавец-бизнесмен, она у него кланит всякую пошлятину вроде автомобиля, усыпанного стразами, он покупает ей особняк, делает из неё фотомодель, ставит во главе своей фирмы и даже собирается жениться. Потом выясняется, что он уже женат, но как-то подзабыл об этом – с хозяевами жизни в кино это сплошь и рядом случается. Его законная жена вообще живёт в подобию Строгановского дворца. Короче, этот «рядовой бизнесмен» весь фильм снабжает великолепной недвижимостью всевозможную рвань, в которую влюбляется с первого взгляда, настолько не загружен по работе. И это показывают россиянам, которым и через триста лет не вылезти из аварийных клетушек, что они делят с братьями, сёстрами, двоюродными тётками и просто посторонними подселенцами, которые «тут тоже прописаны, потому право имеют». Понятно, что показана такая же «клевета на нашу действительность», но красивая. В современных фильмах о так называемой любви мир делится не на мужчин и женщин, а на богатых и бедных. Кто заплатил, тот «любовь» и получил. У героев на уме только бесконечный флирт и измены, которые пытаются загладить очередным автомобилем со стразами, но так не может продолжаться вечно: банкир-гуляка нарвётся на очередную Золушку, которая его окрутит в два счёта, а потом будет терпеть его шашни, но зачем-то сохранит такую семью, где всем друг на друга плевать. Эти истории настолько приторные и мерзостно-сладкие, что невольно хочется добавить ложку соли. И нисколько не удивляет, когда появля-

ются авторы, которые разрушают чьи-то гламурные сны под звон капли их протекающего на кухне ржавого смесителя. Понятно, что в искусстве очень тяжело показать настоящего человека, потому что художник ограничен размером холста или кадра, сценаристу надо за полтора часа или на сотне страниц рассказать всё о героях, вот они и получаются ненатуральными, слишком концентрированными, что ли. Негативный персонаж обязательно показан суперзлодеем, хотя у обычного человека просто желчи не хватит, чтобы таким быть. Положительный получается добрым и глупым до тошноты, словно чай пьёшь, который пересластили. Но тут герои настолько искусственные, надуманные, не раскрытые: такие же моральные уроды, только упакованные, за что зритель готов им всё простить. Потому что уставший нищий зритель поклоняется только внешним атрибутам успеха в виде ладной фигурки на фоне дорогих автомобилей и фешенебельных апартаментов.

— Зрителю досадно, что оптимизм массовой культуры с особняками и банкирами ему не потянуть по деньгам, поэтому все претензии к артхаусу: пошто так мрачно, когда и без вашего кино впору повеситься? Люди боятся, что их совратят куда-то не туда, и не понимают, что подражать совсем не обязательно: достаточно увидеть. Они никак в толк не возьмут, что единой России не существует, чтобы её можно было показать и никого не задеть, на больную мозоль не наступить. Одна Россия входит в списки богатейших людей планеты, а другая по уровню доходов отстаёт от стран Африки, которой ещё и помогает. Россия слишком разная и её вариантов очень много, чтобы угадать, какая же она. Конечно, элите не нравится, что население нищее. Так делайте что-нибудь, чтобы ситуацию поменять, а не ждите, пока народ за вилы возьмется, потому что терять уже нечего, не считая повышения зарплаты на ещё один прожиточный минимум к очередному скачку цен. Но никто ничего не хочет делать. Все хотят только ржать и получать позитив, хотя нормальный человек сначала его создаёт, а потом радуется результатам. Но сейчас в моде призывы: «Давайте имитировать радость, которой нет – авось, она реально придёт». Именно она и приходит: радость, которой нет. Кто-то клепаёт сказки о замарашках, которые просто обречены попасть в постель к богатому спасителю из пут нищеты. И людям нравится! Сложно понять, на чьё место они себя ставят, но требуют ещё имитации счастья. Которого нет. А тут выходит Мастер, который показывает, к чему эти имитации приводят в реальности. К нежеланным детям, абортam, бракам по залёту, проколам по пьянке и классическим треугольникам ненависти, потому что никакой любви там нет и быть не может. Бьёт настолько в цель, что зритель уже до премьеры грозит не смотреть этот «фильм про быдло и для быдла». Но если быдло смотрит Звягинцева или Быкова – это уже никак не может быть быдлом. Сейчас это основная тема нашей национальной грызни: вы – быдло, а мы нет. И не знают даже, что это.

— Я где-то читала, что так называли крестьян в Восточной Европе, вроде нашего «деревенщина» или «кылхозник», – сказала Ульяна.

— Это польское слово от глагола «быть», чем-то похоже на слово «глыба», нечто массивное и устойчивое – люди бытия или быта, слишком приземлённые, потому что некогда в облаках витать: землю надо пахать. Крестьянин живёт процессами земли, отслеживает их в настоящем, делает только то, что должно делать на данный момент. Его трудно сбить с пульса природы, у которой всё в своё время, что не может не раздражать помещика. Крестьянин его кормит, поэтому помещик вообразил себя существом высшего порядка, ковыряя в зубах и икая обедом, что прислуга приготовила, которую он обсуждает и высмеивает, какая она неразвитая, в отличие от своего наивного господина. Он получил возможность не думать о хлебе насущном и предаваться праздным беседам о том, в чём не смылит. А о чём говорить с «этим быдлом», которое интересуется только то, что имеет место *быть* здесь и сейчас? Естественно, книги и газеты создавали не крестьяне, а выходцы из высшего сословия, поэтому они перенесли образ быдла в информационное пространство. Но какой с нас человек бытия, крепко стоящий на земле, скучный для праздной публики? Мы сами стали этой

праздной публикой, оторваны от земли и крайне неустойчивы, слишком хотим нравиться и быть интересными, поэтому зачисления в класс быдла уж никак не достойны. Нам как раз приземлённости не хватает, так что звание быдла ещё заслужить надо. Позже быдлом называли просто скот, но людям давно пора называть себя своим именем, а не приписывать человеческое скотство прочей флоре и фауне. Развратных и опустившихся людей принято называть скотами, зверьём, нелюдями, но скоты так себя не ведут: у них для этого слишком сильны инстинкты не только продолжения рода, но и защиты потомства, самосохранения, выживания, с чем у современных людей особенно большие проблемы. И сколько бы человек ни юлил, а всё постоянно схлопывается на исходной точке: людей можно обзывать только людьми, потому что любые их поступки – типично человеческое поведение. Но современные русские люди, пожалуй, больше всего боятся обвинений в причастности к быдлу. Приложи кого этим словом – уж плакать готовы: «Лучше сразу по матушке, но зачем же так-то». Уж согласны на букву «бэ» называться, но только не быдлом. Если увидят какой фильм, где нет крутых тёлочек и качков, деловых ментов и ушлой мафии, а есть только проблемные нытики, им сразу кажется, что это про них: «Нас опять обосрали». Сидят на диване дома, но ведут себя, как на войне, что хуже всего. Не считают её злом, потому что не видели войны реальной, а воспринимают только на уровне компьютерной игры, которую всегда можно выключить, когда надоест. Полно придурков, которые хотят на войну, мечтают о ней. И они-таки её развяжут, вот увидите. Конечно, умные люди понимают, что в случае войны между ядерными державами никто не выиграет, да и просто не выживет, но энцефалопаты бьют копытом в строю: «Ну когда же ты нас поведёшь в бой!». И этих бездельников с каждым днём всё больше и больше. Они не понимают, что настоящую войну невозможно выключить нажатием кнопки «close», когда наскучит в неё играть и захочется «к девушкам» на порносайт по принципу настоящих асов: первым делом самолёты, ну, а девушки – подождут. Не поможет и кнопка «power». Подобное тиражирование войны воспитывает не патриотов и даже не военных, которые действительно умеют воевать и грамотно выполнять поставленную задачу в интересах обороны государства, а откровенных недоумков, которым только бы побегать, задницу свою растрясать от застоя, пострелять по другим придуркам. Что они могут создать, кому помочь, если нацелены только на разрушение и насилие? И если они попадут на реальную войну, их сразу там укокошат, что в нашей некрофилической культуре считается высшим достижением. Потому что они ничего не умеют делать. Только жрать попкорн и равнодушно глазеть, как на экране мучают и убивают людей. Многие уже не стесняются признаться, что им нравится стрелять по людям, пока только красками.

– Ой, этими красками у нас тут в позапрошлый год весь берёзовый бор изуродовали, хоть деревья отмывай!

– В том-то и дело, что они больше мажут мимо и гадят природу, хотя целятся именно в людей. Им нравится стрелять в людей, и они не скрывают этого. Даже оправдываются, что им это помогает снять пресловутый стресс, который они умудряются получить всюду, даже в условиях полного безделья на всём готовом. Они доказывают, что это лучше, чем реально убивать, то есть настолько близки к этому, что в пору уголовную статью вводить за признание в подобных наклонностях. Как может нравиться стрелять в другого человека? Это ненормально, когда человека бодрит стрельба в живое существо, если он не голодный и ему никто не угрожает. Почему древний человек охотился? Потому что жил в условиях крайней опасности, у него не было под боком продуктового магазина, он был вынужден одеваться в шкуры убитых зверей. Но современный сытый и упакованный бездельник атакует тех, кто слабее его. На охоту ездят целой урлой и палят по белкам и зайцам, да ещё навязывают окружающим точку зрения, что это – признак настоящего воина и защитника. Хотя все видят бесцельных инфантилов, которые от скуки калечат диких уток и даже не собирают их, а оставляют умирать ранеными. Потому что им не нужна добыча – они и

так на «охоту» привезли полный багажник жратвы и выпивки. Им нравится убивать, через истязания других «снимать стресс», которого у них нет и в помине. Они вообще не знают, что такое горе и голод. Стресс бывает у людей чувствующих и мыслящих, а у таких самодовольных ослов бывает только похмелье и геморрой. Древний человек в сравнении с этими уродами выглядит не дикарём, а цивилизованным гражданином. Они заявляют, что ты не можешь осуждать их барскую забаву, если жрёшь мясо, то есть сам причастен к убийству животных. Глупей этого можно придумать объяснение: если ты носишь одежду, то должен сам её шить, а если пользуешься телефоном, то обязан сам его сконструировать для себя. Одни беззащитное зверьё мочат, другие из маркеров друг в друга палят, а реальная война начнётся – и ничего не работает. Никто не сообразит, что надо делать «апося учерашняго». Будут с дымовой гранатой бегать, из игрушечного пистолета по врагу стрелять. Разучивают бой из репертуара Первой мировой и хвалятся, что получили навык поведения в реальном бою, подготовились к новой войне. Они думают, что мир до сих пор воюет на уровне битвы при Ипре, а мир давно в двадцать первом веке живёт. И готовиться к очередной войне на примере старой нет смысла, потому что каждая новая война имеет свой почерк. В Хиросиме одним взрывом было убито сразу свыше семидесяти тысяч человек, ещё столько же умерло от лучевой болезни, ожогов и ранений. Потом в Нагасаки приблизительно такие же потери. Одним махом отправили на тот свет больше сотни тысяч. Столетняя война в Европе таких жертв не знала, за двадцать лет Северной войны меньше погибших. Вот как воюет современный мир. Мы молимся на оружие и не понимаем, что это пещерный взгляд на жизнь, потому что только в пещерные времена палка или камень в крепких руках гарантировали защиту, а в современном мире придумано много других способов по уничтожению противника и развалу государств. У Советского Союза была одна из самых сильных армий мира, однако это не спасло его от уничтожения без единого выстрела. Когда едешь в электричке, то видишь, что уже несколько лет растёт количество опустевших деревень и посёлков, где ещё недавно кипела жизнь. Стоят брошенные дома: не только частные, но и многоквартирные, вымирают жилые кварталы при ликвидированных предприятиях, где работал целый город. Кто их разорил? Немцы, американцы, ИГИЛ? Это делают свои родные власти, которые не хотят, да и не умеют грамотно управлять вверенным им регионом. То есть население не обязательно бомбить и обстреливать, его можно «отжать» экономическими методами, перестать платить, ликвидировать рабочие места, ничего не делать для улучшения условий жизни людей, не строить новое жильё и не ремонтировать дороги по полвека, а поступившие деньги из бюджета расходовать по своему усмотрению. И вуаля – население вымирает, разбегается и спивается. Можно дать рекламу для ускорения этого процесса, типа настоящий мужик просто обязан пить горькую по-чёрному, типа это чисто по-мужски, это красиво, чёрт возьми! Говорят, что реклама и пропаганда давно обогнали атомную бомбу по числу убитых и раненых. Как говорится, Петя научился снимать с предохранителя и даже отстреливаться, но пал жертвой аморального образа жизни. В городе, где я жил с родителями до окончания школы, каждую неделю кто-то травился суррогатным алкоголем, каждую неделю кого-то хоронили. Травились целыми свадьбами, выжившие потом травились на поминках. В год умирало что-то около пятидесяти человек, за десять лет наберётся с полтысячи – пять процентов населения города. Это очень много для такого небольшого населённого пункта, на примере которого можно судить о ситуации в целой стране. Если профессиональному военному сказать, что врагу удалось за десять лет уничтожить пять процентов населения, он подтвердит, что это очень результативная война. У военных всё чётко, они говорят на языке цифр: какой квадрат надо уничтожить, какой квартал полностью зачистить, какой процент противника убить, чтобы полностью сломить сопротивление. Военные – очень прагматичные люди, а не супермены, как их в кино для диванных мальчиков показывают. И они понимают, что не смогут защитить население от пьянства и нищеты, от финансовых махинаций и морального

разложения, от безграмотного управления и откровенного вредительства. Именно поэтому они скептически смотрят на любые победы, потому что у нас в каждой войне такие потери, какие на языке военной статистики значатся, как тяжёлое поражение, катастрофа.

– В чём же эта катастрофа выражается?

– В том, что мы живём не по природе. Жизнь должна развиваться, а нас призывают жить, как наши прадеды. И только потому, что они воевали. Но наши предки этого не хотели, они для этого ещё не были оторваны от земли настолько, чтобы не знать, что любая жизнь должна развиваться, крепнуть и улучшаться. А иначе какой был смысл воевать за неё? Как в «Недоросле» у Фонвизина: «Последуй природе – никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям – никогда богат не будешь». Потому что природа всегда только за развитие, за постоянный рост, а ленивые люди чего только ни придумают, лишь бы не заниматься собственной жизнью. По природе это ненормально, когда старуха, отработавшая полвека на заводе за убитых и спившихся мужиков, чапает по грязи на колодец за водой, как и триста лет назад – в мире давно водопровод для этого придуман. Людей сначала по уровню жизни спустили на сто лет назад, а теперь они умом туда скатились, нарушив все законы развития. Напялили на себя гимнастёрки советской армии, которой уже нет, и думают, что огромную пользу Отечеству тем самым принесли. Они никогда ею не станут – им надо научиться быть собой. «В погоне за прошлым можно пропустить настоящее», как был где-то слоган к фильму. Спору нет, героическая была эпоха, но она – не наша. Наша эпоха вон за окном: вымирающие посёлки, исчезнувшие деревни, разрушенная экономика, феодалы вместо капиталистов, пьянство вместо демократии. Мы должны с горечью признать, что давно не бороздим просторы космоса, а опустились до самых глубин дна. И не надо говорить от имени прадедов, потому что мы не знаем, как бы они на это отреагировали. Наверняка, они мечтали, что их потомки вылезут из коммуналки и барака хотя бы к концу двадцатого века, а мы до сих пор там сидим. Они призывали нас ни в коем случае больше не воевать, предотвращать войну любыми способами, потому что она вышибает жизнь на несколько поколений и отбрасывает уровень развития на века назад. А мы боготворим войну, некоторые недоумки о ней открыто мечтают. Здоровенные дядьки играют в войнушку на фоне разрушенных мощных промышленных блоков, преимущественно скучающие горожане. В провинции мужики в большинстве служили и знают, что такое реальная армия, насколько она далека от этих глупых ассоциаций и кабинетных фантазий, а эти каждый сезон Вконтакте фотоотчёт выкладывает, как они «славно били немца» на фоне разрушенной современной России, где люди работают, но остаются бедными. Это всё признаки нарушения не только природы, но и экономики. У нас не только население, но и власть экономически неграмотная. Правнучка Хрущева из Нью-Йорка пишет, что благодаря хрущёвкам советские граждане получили право на частную жизнь, где не надо делить кухню и санузел на тридцать человек, где никто не подслушивает их разговоры. Сразу чувствуется, что они сами никогда не жили в хрущёвках, чтобы говорить о какой-то частной жизни. Они не знают, что это обыкновенная общага, где невозможно чихнуть, чтобы об этом не узнали в соседнем подъезде. Это тяжело, когда страной управляют люди, настолько далёкие от неё. Они распикивают население в сомнительные постройки, в каких никогда не станут жить сами. Они назначают минимальную оплату труда, даже не выяснив, на сколько минут им этих денег хватило бы лично. Втихаря повышают цены и платежи на сто процентов, а потом орут со всех каналов и газет о повышении зарплат до десяти процентов. И безграмотные обманутые люди ликуют. Им хоть плюнь, хоть сунь – они всему рады, оптимисты клинические. Неслучайно теперь повсюду насаждается радикальный позитив, когда нападкам подвергается любой, кто смеет не радоваться жизни с общим стадом облапошенных, которые ещё и верещат: «Что ж вы только плохое видите?». Но их гипертрофированная способность откапывать хорошее даже там, где его нет – диагноз куда более опасный. Современные техноло-

гии позволяют любую жопу показать привлекательно, как на месте приборостроительного завода открылось... кафе-мороженое. Вот радость-то для страны! Обязательно дадут картинку в духе восторженной шизофрении, обязательно с детишками для пущего умиления, как ребёночек перепачкался эскимо. Пропаганда нынче несовершеннолетних эксплуатирует так, что и производителям детского порно не снилось. Я здесь видел тёток, которые недоумевают, чего оппозиция клеветает на страну, когда у них «благодаря санкциям» зарплаты выросли в полтора раза: было десять тысяч рэ, стало пятнадцать.

— Да, немного добавили с начала года. Правда, пока ни разу не выплатили.

— Но получается, что вы за это Евросоюз и страны Большой семёрки должны благодарить. А вы задумывались, что будете делать, когда санкции отменят? Ведь их рано или поздно отменят, потому что они никому не выгодны, а выгода нынче определяет политику. Все эти эмбарго и прочие репрессалии только тормозят экономику обеих сторон в данном противостоянии. К тому же, им так и не удалось поменять политическую ситуацию, для чего они были введены. Европа уже испытала негативное влияние как от собственных ограничений, так и от ответных действий России. Это только алкаши у сельмага вопят, что отказываются закусывать вражеской шпротой, предавать Родину за импортные окорочка, иначе всем кирдык. Им бесполезно объяснять, что не надо так бояться заморских окорочков — они уже убиты. Если вы покупаете японский магнитофон, это не значит, что продаётесь японцам, да ещё и Родину продаёте. Просто в родном государстве их не производят или делают хуже некуда. Но по любому между странами должен происходить обмен товарами — это древний купеческий процесс, и не надо в этом сразу высматривать «барбамбия кергуду» кому-то. И это не нормально, когда чиновники начинают развивать государство только в условиях экономической блокады, когда их «вынудили» на это проклятые империалисты с Запада, перекрыв ввоз продуктов, поэтому пришлось наспех восстанавливать родные заброшенные молокозаводы и мясокомбинаты. Это страшно и опасно для экономики, когда ею рулят такие люди. Только представьте, что было бы без санкций. Они бы так и не зашевелились! Не видать вам тогда повышения зарплаты в полтора раза. И что это за «повышение», когда экономисты подсчитали, что современной российской семье из трёх человек муж-жена-ребёнок в месяц надо как минимум восемьдесят шесть тысяч рублей? Как минимум! Пугает, что иные крупные госчиновники храбрятся, глава администрации Президента даже призвал США сохранять антироссийские санкции, поскольку это якобы подталкивает российское производство к развитию по принципу «не было бы счастья, да несчастье помогло», и называет рост бюджета за счёт долгожданной реанимации отечественного производства «колоссальным прогрессом». А что им мешало развивать его до конфликта на Украине? Конечно, чиновнику такого уровня, что есть санкции, что их нет — ему по любому «капает» из всех его активов. Именно поэтому чиновникам такого уровня подобные вещи нельзя озвучивать, но они это делают, пользуясь тем, что население экономически неграмотное, поэтому любому росту оклада радуется, как ребёнок. Пропаганда поддерживает это ребячество в народе, напускную неприхотливость и простоту, потому что власть такая же безграмотная, она не умеет управлять: ей нужен народ-дурак, который так удобно дурить. Который будет ликовать, что «оборонка попёрла» и наконец-то ожил родной завод, который до этого тридцать лет простаивал, сдавая цеха под склады того же санкционного ныне продукта. Который не станет обращать внимание, что из десяти цехов заработал только один, а рабочих мест только тридцать, хотя в славные советские времена завод обеспечивал работой на смежных предприятиях несколько тысяч человек, включая подшефные поликлиники и детские сады, две школы и техникум. Какое счастье: тридцать человек получили работу! Против трёх тысяч, что работали на предприятии при Советах. Люди и этому рады, как рад висящий на дыбе, что ему дыбу колесованием заменили. Но это не управление государством. Фактически власть сознаётся, что её можно расшевелить только радикальными внешними мерами, чтобы она

вспомнила, что там есть народ какой-то, так почему бы его не загрузить кой-какой работённой, коли возникла небольшая заминка в отлаженных схемах сбыта. Но жизнь-то у людей не улучшается, не меняется, не растёт. Как были нищими, так и остались. Одна женщина написала в обсуждении к выступлению Кудрина: «У нас вообще всё замечательно. Удручают только толпы мигрантов. Но раз они сюда лезут, значит у нас не так и плохо!». Правильно, для выходцев из кишлаков здесь в самый раз, а мы зажрались: не хотим жить, как наши прадеды, не хотим воевать с несчастными украинскими налогоплательщиками, где их грабит такой же безграмотный управленец, который может наращивать только спесь, а не профессионализм. Мы не хотим воевать в третьем тысячелетии на уровне армии Македонского. Это они в Домострое застряли, хотя многие даже его не потянут, потому что он держался на умном хозяйственном мужике, а не на спившихся и наивных задохликах. Любишь Родину – иди дороги строй, обустраивай и украшай горячо любимую страну, как любящие родители ребёнка наряжают и балуют, а не уродуй белые берёзы пищевым красителем и не мочись тут же под кусты, где и так до тебя выше бровей нагажено. Любишь военное дело – иди в армию. Я на сборах пару раз побывал – мне на всю жизнь хватило. Чем настоящая армия хороша, что мозги быстро на место ставит в плане героизма и патриотических корчей.

– Как же надо воспитывать население, чтобы войны больше не было?

– Население не надо воспитывать. Это странное явление, когда население содержит тех, кто его ещё и воспитывать собирается. Войны всё равно будут, потому что агрессия и несправедливость – в природе людей. Биологи утверждают, что не хищные звери, а именно человек является самым агрессивным и жестоким хищником на планете. Он приносит такие разрушения и жертвы, что волки с тиграми нервно курят в сторонке. И мусолить историю для профилактики войны бесполезно, потому как давно известно, что история никого ничему не учит, особенно в нашей стране. Предотвращение войны – это полностью работа политиков, дипломатов, профессиональных военных, в современном мире ещё финансисты немалую роль играют в отмывке денег через торговлю оружием. А население грузят войной и спихивают ответственность за неё, потому что традиционно не тяготеют заниматься своей работой. Как удалось преодолеть Карибский кризис? Потому что колоссальная дипломатическая работа была проделана, политики взяли себя в руки, сели, отдышались и поговорили. Не побоялись пойти на уступки и выглядеть слабыми, а на это могут решиться только по-настоящему сильные люди. Это очень трудно на самом деле: подавить в себе царька и начать думать о людях, которые содержат тебя своим трудом, далёким от комфортных кабинетных условий. И войны развязывает не население, а политики. Им и думать, как с войной покончить. Они не спрашивают народ, удобна ли ему очередная бойня, потому что кому-то показалось, что где-то на нас опять не так посмотрели. И ни один рядовой гражданин с войны никакой выгоды не получает, только ущерб, чего не скажешь о власти имущих. Русская деревня, к примеру, всегда поставляла солдат и провиант фронту, но ни одна от этого не стала жить лучше и процветать, а совсем наоборот. Зато война на Кавказе некоторых чиновников шутя сделала миллиардерами. Поэтому, если народ не дурак, он не должен выполнять за политиков их работу, которой они традиционно не тяготеют заниматься, поэтому часть ответственности то и дело спихивают на электорат, который, понимаешь ли, не хочет за Родину-мать кровь проливать или делает это без должного рвения. Государство откатилось по уровню доходов на душу населения на сто лет назад, да ещё пытается дрессировать население, чтобы гордились этим. Власть вместо дела опять разжопилась с кем только можно, противопоставила себя всему миру в духе привычной богоизбранности, и науськивает несчастный народ: готовься, дурак, к войне – это же тебе надобно. Зато задружились с самыми бандитскими странами, с которыми не каждый в одном лифте поедет. Нашли друзей – нечего сказать. Если сейчас война начнётся, то такие посёлки будут сметать одним прицельным ударом ракеты, хоть куда беги. Хоть топором отмахивайся, хоть из гаубицы отстреливайся. И фильмы о войне не помогут

новую войну предотвратить, потому что в войну охотней всего втягиваются народы, которых приучили ходить строем. Если народ полюбил марши, его можно очень далеко увести. Надо периодически сбивать шаг, чтобы этого не произошло. Есть в строевой дисциплине такое понятие, чтобы мост не рухнул или даже целое здание, мимо которого маршируют. Гитлер именно так сагитировал умных и прагматичных немцев «захватить полмира». Сначала выдрессировал их ходить строем через мистические факельные шествия и пышные парады по любому поводу, внушил, как это круто и красиво, а потом погнал бодрым маршем в гиблые русские леса, где их полегло немерено. Немцы до сих пор не могут вылезти из демографической ямы, в которую их загнал фашизм, даже рост рождаемости через агитацию накануне войны не помог. Говорят, это первый этнос на планете, который перестал численно расти. Население Германии увеличивается за счёт мигрантов, а этнических немцев всё меньше. Они уже не те, не способны сопротивляться нашествию чужих народов, их страна фактически оккупирована арабами и славянами. Надо бы вышвырнуть, а они не могут: память о той страшной войне заставляет быть терпимым и политкорректным даже к откровенным врагам. А фильмы о войне, особенно современные, никого не делают лучше. Хотя бы потому, что ни один вид искусства не способен отобразить реальную войну. Понаделаны исторические фильмы о войне, фантастические блокбастеры о битве с пришельцами, вымышленные киношные войска из крутых парней ведут такие же вымышленные крутые войны с каким-то расплывчатым мировым злом или вообще без всякой цели, лишь бы холёную мускулатуру размять.

– Разве это плохо?

– А что это даёт? По законам распространения информации появляются подражатели заданному образцу, которые придумывают войну на ровном месте, не знают, чем себя занять и где применить, на что себя потратить. В итоге, полное духовное опустошение. Или того хуже, как в Москве тихий офисный мальчик шестерых коллег по работе расстрелял, «аптечный стрелок» так называемый. Потом «белгородский стрелок» о себе заявил на всю страну, а до них ещё один в супермаркете так резвился, душу отводил. Их немало, просто эти случаи самые резонансные, о других неврастениках не сообщают, чтобы население не бросилось подражать. Но с недавних пор подобные сообщения то и дело проскакивают. Вот, пожалуйста, в местной газете сообщают: «Ранее несудимый и никогда не служивший в армии сорокапятилетний житель Москвы расправился с группой лиц, которые не поверили, что он десантник, и пробовали перевести разговор в шутку. В ходе застолья на даче под Тверью между гостями произошел словесный конфликт, после чего подозреваемый уехал домой, однако через некоторое время вернулся с ружьем и произвёл несколько выстрелов, в результате чего погибло девять человек. По заявлению соседей, это всё приличные люди, включая самого стрелявшего, приехали на отдых в дачный посёлок с хорошей репутацией, где не наблюдается опустившихся деклассированных элементов». То есть домашняя мирная публика, которая на досуге преимущественно смотрит телевизор, а там перманентно кого-то мочат, режут, давят, душат, отжимают или ещё как-то опускают. Ловят диверсантов и много стреляют во имя великой цели в виде освобождения очередного братского народа от самого себя или распутывания сложнейших преступлений против всего человечества. Всё глобально и масштабно, как и положено молокососам, которые любой заусениц до уровня мировой проблемы раздуют. В результате, кого за жопу ни схвати, а непременно на крутого гэрэушника или морпеха нарвёшься. Какую опухшую пьянь ни снимут с самолёта за дебош, а он гнёт пальцы веером и божится в причастности к спецслужбам. Такое пузатое уродство ни каждая отважная баба замуж возьмёт, а оно доказывает, что его *туда* взяли. Почему их так плющит именно на эту тему? Почему никто не комплексует, что никогда не работал шахтёром, например, или бухгалтером? Просто эти ущербные товарищи боятся выпасть из обоймы героев, среди которых сплошь разведчики, омовцы, суперсолдаты и прочие вояки-заби-

яки, а других примеров мужского поведения нет. Вы извините, но так вообще-то воспитывают террористов. Ребёнку, как только он начинает понимать язык, так и говорят: «Ты должен постоянно воевать – это самое достойное занятие для настоящего мужчины на благо семьи, страны, так сам Бог велел, партия приказала» и так далее. В результате какое-то говно в магазине не уважили, пива без очереди не дали, он вернулся с обрезом и восстановил справедливость, как её своими воспалёнными мозгами понимает. Он же вам ни кто-нибудь, а Воин Меча и Солдат Галактики, понимать надо! Только что на третий уровень вышел – целую неделю колбасился, пока мамка на работе. Об этой публике мало что можно сказать, известно только, что они обожают фильмы про войнушку, фактически существуют в них, и любят играть в компьютерные стрелялки. Не отягощённые жизненными проблемами, живут даже в зрелые годы с родителями, но это не мешает им выдумывать о себе легенды, какие они великие воины и борцы за справедливость. У американцев такая детвора начала ещё раньше постреливать, таскать оружие в школу для расправы над одноклассниками и учителями, которые посмели не заметить, какой крутой командос и герой засекреченных локальных войн рядом в носу ковыряет и очередной «неуд» получает. Конфликтные неуживчивые твари, которые сами не знают, чего хотят. Хотят величия, но не умеют его достичь, поэтому ничего не остаётся, как палить по людям с досады. Они даже не умеют грамотно конфликтовать, выбирать правильную стратегию поведения, потому что любой конфликт имеет определённую цель, предмет спора, который в результате продуктивного диалога завершается компромиссом и взаимовыгодным сотрудничеством. Конфликты всегда были и будут – это нормальный рабочий процесс, но его участники стремятся достичь в нём благополучного исхода, а тут идёт именно бой на поражение без каких-либо объяснений. Поэтому американцы подобную «патриотическую» продукцию стали сплавлять в неблагополучные регионы планеты с пометкой «для умственно отсталых». То есть, если что, мы вас предупредили. А наши деятели теперь клепают с них свои «шедевры», лишь бы самим материал не искать. Знаете, я вырос в городе, где такая уличная преступность, что по вечерам люди, чтобы дойти домой с работы, вынуждены объединяться в группы, отбиваться палками и даже отстреливаться от отмороzków, которые нападают без всякой цели. Они могут ударить случайного прохожего арматурой по голове, потому что у него не оказалось прикурить, и ржать, когда он будет умирать у них на глазах в конвульсиях, потому что ему нанесли смертельную черепно-мозговую травму. Когда до них всё-таки допрёт, что они убили человека, начинают бурно негодовать, потому что накануне посмотрели фильм о крутых пехотинцах, где один чувак другому стул об голову сломал: «И ничо! А этот вдруг скопытился – вот странный какой, весь сюжет нам испортил». Они считают себя такими же крутыми, хотя на деле очень глупые и слабые, даже не умеют элементарно драться, не знают, что человека нельзя бить по голове или шее, и зовут на помощь маму, когда их приходят арестовывать. Я всё думал, почему так: откуда появилось столько уродов с разрушенной психикой посреди мирной жизни? А потом до меня дошло, что их воспитали современные СМИ, где перестали показывать нормальных живых людей, а только выдуманных чьим-то наркотическим воображением костоломов, но с претензией, что они ломают врага об колено ради какой-то высокой и светлой идеи. Вы видели, как играл Папанов в «Живых и мёртвых» или Никулин «Двадцать дней без войны»?

– Я видела «Они сражались за Родину». Никулина и Бондарчука там не сразу узнала.

– Ведь это были не просто гениальные актёры, а бывшие фронтовики, только об этом почти никто не знал. Оказались полезны как на войне, так и в мирной жизни больших высот достигли – вот что их отличает от современных комнатных фантазёров. Умели не только воевать, но и жить, обустраивать мир для нормальной жизни в нём. Многие артисты того поколения прошли войну от и до, но они об этом не орали, как мы теперь от их имени орём, что кого-то там победили. Они видели оглушающий ужас войны, поэтому играют её удивительно тихо, потому что этот ужас всё равно не перекричать, да и «кричащего плохо

слышно». Они всем своим видом несут пронзительную мысль, что войны быть не должно, что это такая катастрофа, которую нельзя допускать ни при каких условиях. Но современные киногерои только войной живут. Вытащи их оттуда – им и сказать о своём персонаже нечего, мигом превратятся в бесполезную тень, сразу видна их пустота. Я давно понял одно нехитрое правило: чем больше пустота, тем большую значительность она на себя нагнетает. Каждым своим жестом и эффектной позой стремятся показать, как это круто – воевать, а мирная жизнь – она для слабаков, стыдят этим зрителя и грузят подвигами: типа, благодаря нам живёте, засранцы, как мы тут в кетчупе ползаем. Хотя порядочный человек никогда не станет обвинять другие поколения, что они живут благодаря его стараниям, потому что любое поколение вышло из предыдущего, опирается на него. Обвинять людей за это – фактически оспаривать законы природы, которая врежет так, что мало не покажется. Мы все живём благодаря тому, что нас мать родила, каждого кто-то выкормил, на ноги поставил. По-другому никогда не будет, никто не появляется из ниоткуда и только своими силами. И я теряюсь, когда теперь вылезают тридцатилетние «учителя жизни» и орут в лицо, что они ради нас, сволочей, погибали, а нам теперь лень очередной патриотический шедевр отсмотреть, где два часа рвут гусеницами человеческое мясо. Я не пойму, что они курили? Как им удаётся расчленёнку увязать с патриотизмом, да ещё самим примазаться к событиям семидесятилетней давности? Развелось всякой пьяни, которая объясняет вечно кривую рожу тем, что где-то, мол, воевала она, где-то без неё не обошлись. Хотя весь призыв в кладовке у бабушки в деревне отсиделся. А сказки о своей несуществующей службе сочиняет потому, что в башку вбито: если ты не воевал – ты не человек. Это чувствуется слишком остро, чтоб не замечать такого разительного контраста. Посмотрите, как отличаются лица реальных участников той страшной Войны и заносчивые обиженные рожи всех этих офисных «стрелков» и уличных «мстителей» с непомерным самомнением и значительностью на пустом месте. Кажется, что они целыми днями только тем заняты, как репетируют этот «типично мужественный прикус» перед зеркалом, кроют из своих слабых безвольных подбородков квадратную челюсть, настолько болезненным самолюбованием страдают. Наверняка заучивают какие-нибудь напыщенные реплики из современных отечественных боевиков о Великой Отечественной: «Я не люблю убивать, но если понадобится, рука моя не дрогнет». Так говорили ковбои в американских фильмах пятидесятилетней давности, а на реальной войне никто подобные глупости не озвучивает. Там канонада такая, что собственного крика не слышно. Да и слушать никто не станет. Некогда: пули слишком быстро летают. Показаны не советские солдаты, а голливудские ковбои и рейнджеры – парни, у которых только одна цель: произвести впечатление. Нынче наши актёры в таком стиле и ментов играют, и бандитов, и Красную Армию, и Белую, и героев Второй мировой, и даже любовную мелодраму. Но кто решил, что зрителю нравятся эти вечно гмыроватые дядьки, которым можно на шею табличку вешать «крутой мужик», чтобы об этом вообще догадались? Они умеют только разрушать жизнь, себя и собственную семью, словно иначе никак нельзя, чтобы имидж реального мачо задался. А население копирует, потому что ничего другого нет в наличии. Какие-то общественники обратились к президенту, чтобы издавалось больше книг и фильмов о войне, хотя куда уж больше. И это бабам так мозги завили, что у них уже не работает чисто женское отвращение к войне и убийствам. Таких конфликтных агрессивных людей, какими мы все стали, надо бы учить налаживать хоть какие-то отношения, а они требуют новые порции насилия. Лично я хочу хотя бы в кино увидеть мирную жизнь, какая она должна быть, с адекватными героями, которые хотят жить, имеют страсть и волю к жизни, а не к смерти, потому что каким-то бесноватым это кажется красивым. Показывают передачи, где холёные сучки ругают российского офицера, что он не покончил жизнь самоубийством, попав в плен. Дескать, так делают все настоящие самураи – они в кине из Гонконга видели. И это женщины такое говорят! Они вообще пересекались с настоящими самураями,

жили с ними, чтоб восхищаться, как человек сам вспарывает себе кишки? А если это будет твой отец или брат? Хотя эти повёрнутые и собственного сына на смерть пошлют. Такими психопатками только немок удалось сделать накануне Второй мировой доктору пропаганды Геббельсу. Искажена природа людей – как мужчин, так и женщин. Со многими становится невозможно общаться, они ведут войну с несуществующим противником. У нас в депо есть работники, у которых ИНН до сих пор не получен, настолько обсуждением ситуации в Сирии заняты. Приказали всем получить, так один парень два дня бился в истерике, словно к нему грозный враг пришёл. Казалось бы, съезди да получи, но он вместо этого набросился с мониторкой на мастера, подрался с начальником цеха, а потом в длительный запой ушёл.

– Миссия невыполнима.

– Стандартная реакция рохли, подсаженного на героизм. Все считают себя лихими и деловыми, классными и потрясными, а на деле невыполнимыми становятся самые заурядные дела и обязательства. В туалет такой Йоганн Вайс доморощенный вышел и уже войну учинил: с унитазом сцепился, который, видишь ли, «как-то не так» сливает воду. Взялся выучить несчастный унитаз, как это надо делать на собственном примере. Население надо постепенно выводить из этого тяжелейшего состояния войны на пустом месте, а не штамповать неряшливые копии голливудских боевиков и советских военных кинолент. В результате мы и воевать толком не умеем, и ни одна парковая скамейка у нас больше полугода не живёт, чтобы не быть сломанной или ещё как-то изнасилованной такими горе-героями. Воевать с чётко обозначенным противником на фронте намного легче, чем отбивать информационные атаки и бороться с разложением населения. И налаживать мирную жизнь гораздо труднее, чем маршировать в заданном направлении – это сами военные признают. Не киношные, а кадровые, которых в нашей стране много, но не из патриотических чувств, а потому что другой работы нет. Когда их списывают на гражданку, для них потрясение, что надо в магазин ходить, деньги какие-то за продукты платить, квартиру искать, новую профессию осваивать. Они чувствуют себя крайне неуверенно вопреки киношным образам крутого вояки, который вернулся из Вьетнама, Афганистана или ещё какого Багдастана и легко решил проблемы земляков, наказал всех плохих ворюг и деляг, вернул честным и скромным работягам их колхозное поле, которое проклятые буржуи облюбовали под гольф-клуб. Один против всех. Такие люди действительно могут противопоставлять себя гражданским, им трудно вписаться в мирную жизнь, потому что всё главное для них осталось в армии, они привыкли быть в строю, а здесь нет строя, каждый отвечает только за себя. Военный человек в нашей стране особенно уязвим и потерян: иногда приходится не от него защиты ждать, а самого от «мирной» жизни защищать, в которой никто не отдаёт приказов – живи, как знаешь. А он не знает, куда деть себя и полученные навыки. Наше кино не любит это «позорное нытьё» отображать, а тупо громоздит подвиги, которые недалёкому зрителю потом негде применить в реальной жизни, или они его приводят на скамью подсудимых. Вот что получается от подобного «патриотического воспитания». Конечно, патриотизм нужен, но у нас его нет и никогда не было. Где люди любят свою страну, она не выглядит, как помойка или декорация для пейнтбола. Рабочие от депо сделали у сквера Победы памятник-блиндаж, когда деревья вдоль железнодорожного полотна валили, периодически проводят субботники, и я фигею, откуда там постоянно фрагменты рвоты! Другого места не найти, чтобы наблевать? В кусты не отползти, как сражённому вражеской пулей герою? Про бутылки и говорить нечего: их там накидано, как гранат, словно это не блиндаж, а склад стеклотары. Естественно, некоторые георгиевской ленточкой перевязаны, как галстук на горлышко. Всё это говорит, что патриотизм у нас только на словах, а на деле – лужи алкогольной мочи. Цинизм непрошибаемый! И войну не имеет смысла помнить или забывать, потому что это не память, а шок, шрам, травма. Захочешь забыть, а не получится. Память нужна, чтобы помнить, что к восьми утра надо успеть на работу, а война – это незаживающая рана, врезка в организм нации,

которая подверглась чудовищному насилию. Ведь потери были такими, как у безоружных индейцев, которых расстреливали из пушек европейские колонизаторы. Какая-то скифская война, когда воюют палками, затягивают неприятеля вглубь страны, пока он тут не очумеет от холода и грязи, и сам не побежит домой. Нация подверглась чудовищному истреблению, а ей говорят: «Помни об этом всегда, но именно так, как мы скажем и покажем». Психотерапевты никогда не говорят жертвам насилия: забудь об этом. Они знают, что человек ничего не забывает, а насилие записывается в подсознание навсегда, надо учиться как-то с этим жить дальше, а не пугать здоровые слои населения, которых пока не опустили. Моя прабабушка строила самолёты, но никогда этим не хвасталась. Их поколение даже не догадывалось, что своей причастностью в войне можно хвалиться, потому что психически они были здоровее и устойчивее, чем мы. Она говорила, что именно самолёты спасли её семью, потому что удалось уехать с заводом в тыл, где они четыре года работали без выходных и отпусков, некоторые работницы умирали от усталости и нервного истощения прямо у станков, как на передовой. А её сестра не уехала и осталась в блокадном Ленинграде, где у неё умерли все дети, осталась одна дочь, у которой потом не было детей, потому что голодное детство не дало женскому организму правильно сформироваться. Оказывается, многие дети того поколения стали бездетными, потому что они не получали нормального питания во время роста. Это и есть память войны, геноцид, незаживающая рана в организме нации, когда одних уничтожают, а другие, насмотревшись на смерть, уже не могут или не хотят продолжать род людской. Война сказывается на жизни следующих поколений спустя десятилетия даже против нашей воли. Нынешняя демографическая проблема в России – это последствия войн и революций двадцатого века, когда не родились десятки миллионов детей от убитых на баррикадах, в окопах и концлагерях. А следующая волна геноцида сказалась, когда уже в мирное время не родились дети от тех не родившихся граждан, чьи потенциальные родители были убиты молодыми.

– Говорят, что современные русские женщины в этом виноваты. У меня, например, тоже нет детей, так меня затюкали расспросами, почему не рождаешь. Даже не спрашивают, есть ли от кого рожать, словно дети у бабы сами по себе появляются.

– Ой, моей жене в пятнадцать лет первый раз сказали, что она «уже слишком старая» для таких дел. Типа, зачем ты учишься «как дура», что показательно. Оказывается, «умные» девушки теперь не учатся, а рожают от невесть кого в седьмом классе, отрезав себе тем самым доступ к получению хотя бы среднего образования, а потом их за это олигарх замуж возьмёт. Как «в кинe». Тупо верят, что именно так и будет. В результате сидят со своими пьющими мамашами и сами потихоньку спиваются, а олигарх чего-то не торопится за таким сокровищем: она же родила, можно сказать, подвиг свершила. Теперь и из этого подвиг сделали. У опущенных всюду подвиг, даже из посещения уборной могут его соорудить, что не на головы соседям нужду справили. Но приклеивается к ним не олигарх, а очередной недоумок, потому что такие девушки как раз под них и задуманы, чтобы на их фоне любой безработный алкаш себя неотразимым чувствовал. Не надо развиваться, учиться, работать, равняться можно только на тех, кто бухает и таскается ещё больше. Такие охотней всего ведутся на клич, что мы – победили. Современные россияне берут на себя слишком много. Своей эпохой заниматься не хотим, зато много орём, как «немца разбили» или «французам дали», да они не взяли. Хотя в своём нынешнем состоянии даже родную коррупцию одолеть не можем, с бездорожьём покончить не в силах, из нищеты не вылезти даже тем, кто работает. А современные русские бабы должны отвечать за то, что власти истребляли население весь предыдущий век и позволяли это делать внешнему противнику. Нам надо сегодняшним днём больше заниматься, а не лезть в чужие страны и временные пласты. В Москве уже невозможно снимать фильмы из эпохи Булгакова или Оттепели, столько всего понастроено, а за её пределами веками ничего не создаётся. В любую деревню приезжай и снимай

хоть Допетровскую Русь – ничего не меняется! И вот вместо дела устраивают историческую реконструкцию, которую придумали зажиточные европейцы, как забаву для скучающих горожан, что всю неделю томились в офисах, хотя нашей стране нужна реконструкция реальная. Безработным ротозеям показывают, как обороняли Дом Павлова, а реальный лейтенант Павлов после войны работал здесь недалеко под Новгородом, на Валдае, и дожил до начала восьмидесятых. Почему об этом не расскажут? Почему никто не замечает, что многие герои той ужасной войны дожили до глубокой старости и продолжали работать, не ленились учиться, не утратили совесть, ум и память? А мы загигаем в тридцать лет от водки и наркотиков, не хотим учиться, не можем работать уже в юности. Ах, какие мы молодцы, что наши деды и прадеды спасли страну, которую мы просрали! Они нам жизнь подарили, которую мы не считаем подарком, валяясь по притонам со шприцом в вене. Сытые подростки капризно делятся в соцсетях, кто и как покончит самоубийством, потому что «всё достало». Мы не умеем упорно идти к цели и верить в свою мечту – у нас нет этой мечты. Именно своей, только чужие. Пропиваем эту бесценную жизнь под вопли «за *нашу* Победу!» и не понимаем, что победившей страны уже не существует. Мы не смогли её отстоять. Видимо, потому так и присосались к чужому подвигу. Государство не может защитить себя от миллиардных хищений со стороны тех, кто поставлен следить за его развитием. И если бы мой прадед-ветеран встал из гроба и увидел меня в День Победы на фоне развалин, что остались от результатов труда их поколения, да ещё с его портретом на палочке, он бы мне звездулей надавал: «Что вы сделали с *нашей* страной, сукины дети! И где она вообще?». Мы страну проиграли – в этом каждый должен себе честно сознаться. Это чувствуется по запойным праздникам на декаду, потому что пьянку не остановить, когда она начинается. Нормальному человеку для праздника достаточно одного вечера. Алкоголикам требуется именно несколько дней, чтобы «выйти из штопора». Теперь празднуют не только день окончания какой-нибудь войны или битвы, но и её начало, а за всю историю их столько накопилось, что практически каждый день можно что-то отмечать. Вторая мировая война первого сентября началась, второго закончилась. Давайте вообще ничего не делать, а только венки возлагать. Напоминать ограбленному населению, что им ещё повезло, оказывается, если сравнивать с артобстрелом жизнь в аварийном бараке при низкой покупательской способности с окладом в полтора МРОТа. Чего вцепились именно в Великую Отечественную войну? Почему не взять любую русско-турецкую – их дюжина наберётся. Северная война чем не нравится или с Наполеоном – давайте тоже отмечать начало и окончание, все важные битвы. Это создаёт чудовищные неудобства для тех, кто пока ещё работает, когда смежные производства остановлены. На майские в депо груз пришёл, а документы на них не получить: почта не работает. Надо перевод сделать с квитанцией для отчётности: все банки закрыты, бухгалтерия гуляет неделю, начальство – десять дней. Страна остановлена. Поехал в район, там гастарбайтеры строят торговый комплекс, как муравьи по лесам бегают, кладут плитку у вокзала. А местное население только венки возлагает. Опухшие рожи, многие квасят по-чёрному с Первомай. Значительность в осанке такая, словно без них под Полтавой не обошлось.

– Дела конкретного нет у людей, вот и сносит на чужие достижения.

– Как это нет дела, если на центральной улице здания в аварийном состоянии через одно? Про окраину и говорить нечего. Вот к чему приводит нездоровая заикленность на прошлом при полном игнорировании настоящего. Шествие в честь Победы переходило мост через реку при подходе к братскому захоронению, а он местами проваливается. Кто-то туфли в воду уронил, кого-то из дыры пришлось извлекать, куда ушёл по пояс. Пролёты давно пора менять, а не шляться по опасным объектам с портретом бабушки-зенитчицы. Но это трудно, это уметь надо, а орать «мы победили» и бодаться с воздержавшимися от такой пошлости куда как легче и приятней. Конечно, начальство не против, чтобы люди работали, но только бесплатно, «в фонд помощи братским народам». Скоро деньги будем собирать всем миром,

как больным детишкам через телемарафон на лечение по несколько миллионов собирают, чтобы отремонтировать свои непригодные для жизни города и посёлки. Я не за то ратую, чтобы все стали скучными трудоголиками и бегали, глаза выпучив, изображая бурную деятельность на пустом месте, но какие могут быть праздники, когда страна как после тяжелейшей войны? Дома стоят покосившиеся, опоры накренившиеся, дороги провалившиеся, повсюду столько грязи, словно её специально завезли. При такой разрухе надо без выходных вкалывать, а они ходят с фотографиями дедов, глава Администрации аж пять штук несёт, как хоругви. Где столько дедов нагрёб? Это у жертв сексуальной революции с десятков отчимо-м и по дюжине дедушек с бабушками, а у нормальных-то людей всего два деда. С ума сойти, настолько нездоровая у людей страсть к позе, к самолюбанию, какие бывают только у хронических жертв, которых годами грабят и за дураков держат. У таких униженных и спившихся обывателей всегда болезненное самомнение, до величия сами не свои, а тут им приписали событие века, якобы они выиграли крупнейшую войну в истории человечества. Я понимаю, что эти праздники иначе задумывались, но в исполнении нашей обиженной гордыни получается какое-то уродство. А может, именно под неё всё и рассчитано? Власти безработицу маскируют праздниками по декаде, чтобы не замечать, что многие производства фактически остановлены. Если праздничный день выпадает на середину недели, его объединяют с пятницей, сдвигают туда-сюда, за каким-то хреном делают по четыре выходных. В этом году здесь в депо двое рабочих упилось на двадцать третье февраля, одного убили в пьяной драке. Тоже придумали «день мальчиков» и «день девочек», из серьёзных политических событий сделали тусовку с обменом предметами личной гигиены, которые нормальные люди себе сами покупают и уж точно никогда не дарят. Моя мать смеялась, как им на работе ещё в девяностые к Восьмому марта подарили по кусочку распиленного туалетного мыла, которое тогда исчезло из продажи. Не дари вообще ничего, чем до такой пошлости опускаться! Нашим цеховым тёткам в мазутных спецовках начальство всучило по тщедушной хризантеме, раз в год напомнило, что они – женщины, оказывается. У одной глаз фингалом отсвечивает ещё со Дня защитника Отечества – сожитель подбил, как вражеский самолёт. У другой зубы выбиты: со взрослым сыном воюет.

– Да уж, кто б защитил от таких «защитников»...

– Парадокс ситуации в том, что Восьмое марта как раз посвящено решению проблем, чтобы женщины так не жили.

– Сейчас многие мужчины доказывают, что женщины их самих бьют.

– Правильно, когда разрешено бить женщину, то начинают бить вообще всех: родители бьют детей, взрослые дети колотят пожилых родителей. Люди нынче не те, что двести лет назад, они учатся держать оборону, если им угрожать насилием и расправой. Они уже не верят, что мужчина – царь и Бог, особенно, когда он редко вертикальное положение принимает. Нормальному мужику не нужно, чтобы его считали господином, ему это неинтересно, а полудуркам и пьяницам хочется, да не может стать господином. Для этого надо работать над собой, а они могут только телик смотреть и тупо квасить. Дети сейчас не станут послушно почитать отца и мать, если те бухают и грызутся меж собой, кто приличней с будуна выглядит и больше ребёночка любит. Они вырастут и врежут обоим, соблюдая равенство полов. В школах теперь такие драки – ветераны ОМОНа содрогаются. А мужик, который сравнивает свою жизнь с женской, соревнуется с ней, кому из них двоих трудней – это не мужик. Это некое промежуточное состояние, не дошедший до кондиции полуфабрикат, который плаксивая мамаша в одиночку воспитала, пылинки сдувала, от всех проблем ограждала, в результате получился мужичка, но до мужчины не вызрел. Всю жизнь с бабами бодается, кто круче. Я таких знаю. Им чего ни скажешь, они сразу себя на место женщины ставят: «А она сама бьёт будь здоров, она сама нехило пьёт, она вообще сильнее меня, а я маленький такой и бедненький». Женщины для них – мера амбиций и веры в себя. Хотя бы

в чём её переплюнуть – уже подвиг. Но женщина не должна так жить, как она с ними живёт. Потому что забитые спившиеся тётки, которые гордятся, что им ничего не надо, могут одной сковородкой полжизни пользоваться и пару платьев носить, лишь бы кто оплодотворил до пенсии, тормозят экономику. Потому что качество жизни женщины и её уровень развития напрямую влияет на развитие ребёнка. Если мать не сумела реализовать себя в профессии и личной жизни, она будет беспрестанно вторгаться в дела детей, навязывать свои взгляды, которые не всегда подходят новому поколению. Не случайно столько тщеславных домохозяек с нездоровыми амбициями, которые яростно пропихивают детей в те учебные заведения, которые не закончили сами. Хотят сразу с горшка сделать из них звёзд и гениев, потому что сами застряли на уровне безликой домашней прислуги, но их ребёнок просто обязан быть вундеркиндом – эти взрослые неудачники других не делают. Неугомонные матери-одиночки пытаются выдать дочь за свой идеал мужчины, который сами так и не встретили, бесцеремонно лезут в жизнь детей, ничего не достигнув в своей. Если женщина не умеет зарабатывать или искусственно культивирует беспомощность, чтобы любому было проще её купить, то мужик тоже перестаёт развиваться. У него отпадает необходимость вырабатывать в себе привлекательные качества, чтобы добиться её расположения, заинтересовать собой. Он не умеет ухаживать, только деньгами сорит и требует за это восхищения, уважения и прочих утех больного самолюбия. Она в свою очередь ухаживаниями считает его платёжеспособность, невзирая на поганый характер, готова всё простить, лишь бы в дорогой ресторан сводил и наврал, что она самая лучшая – излюбленный комплимент для заурядных и неуверенных в себе дур. Если она держится за союз с мужчиной только ради денег, это проституция, даже если мужику так проще найти себе хоть какую-то бабу, потому что кроме денег он не располагает ни внешними качествами, ни воспитанием, ни умом. Вот чему посвящён этот день борьбы женщин за свои права. Это праздник именно трудящихся женщин, а не каких-то тусклых клуш, которые ждут в подарок очередную кухонную утварь или колготки. Как ни странно, но у нас Восьмого марта трансформировался в праздник домохозяйки, дабы запихнуть бабу на её «историческое место» и похвалить, как хорошо она готовит, штопает, стирает, убирает, терпит побои, не выносит сор из избы – получи за это мимозу и новую кастрюлю. И этот день нигде так не отмечают, как «широко гуляют» в России, особенно сами мужики. Зато русских баб мало того, что заставили вкалывать наравне с ними в промышленности, не освободив от быта, вместо мужей им пьяницы на шею сели, но их ещё и бьют смертным боем, приговаривая, что это от любви и им же на пользу – учёные какие-то доказали. Они от депутатов по десять лет не могут добиться детских площадок, ремонта подъездов, подписи собирают, пока у них дети не вырастут. Это где ещё такое есть, чтобы чиновник десять лет обещал избирателям детскую площадку, двадцать лет грозился мост отремонтировать, но так ничего и не сделал? В другой стране он бы и года с подобным отношением к делу не продержался, а у нас десятилетиями сидят, как приговорённые к пожизненному в комфортных условиях. Здешний депутат уже пять лет кроет тем фактом, что он якобы гимназию отремонтировал.

– Ещё он помойку из центра города вывез, которая за пять лет в свалку превратилась.

– На себе вывозил? Из СИЗО набрали южан, кто на мелкой краже попался или визовый режим нарушил, гастарбайтеры так называемые – идеальные работники с точки зрения дикого российского работодателя, которому не нужны грамотные кадры с перспективой профессионального роста, а лишь бы зарплату не платить. Ни у кого нет ни специальности, ни образования, могут выполнять только примитивный физический труд, машину щебня лопатами разбросать, где скажут. Они размазали шпаклёвку по старой штукатурке, краской кое-где прошлись – депутат и поныне этот «ремонт» в своих предвыборных программах упоминает. Я так понял, что большее ему не по силам. А родители, чьи дети в этой гимназии учатся, до сих пор последствия ликвидируют, потому что через месяц отвалилась и краска, и

шпаклёвка, и штукатурка, и вообще всё, включая трафареты с партийной символикой депутата, типа «здесь орудовал Вася». На Восьмое марта решил приехать, начальство бежит всё в мыле, в наш цех звонят: «Девочек посмазливей в заслон поставь с хлебом-солью – он *это* любит, когда вот так по-нашенски, по-русски». Откуда они взяли, что кланяться в ножки каждому бездельнику, наделённому полномочиями – это русская традиция? Это традиция рабов и проституток. Прямо, помещик едет крепостных проведать, чтоб не забыли, кому всем обязаны, а то не видать им ремонта моста, как своих ушей, и в этой пятилетке. Кто он такой, чего сделал, что перед ним все приседают? Катается со свитой за бюджетный счёт из Болгарии в Болгарию, ничего не решает. С местным начальством в баньку на шашлычок сходил, похабные анекдоты потравил, девкам подмигнул, баб поздравил «с ихним осьмым мартом», объяснил, как им повезло мужиками не уродиться, и отчалил, словно и не было его. Восьмое марта – это чисто западный политический не праздник даже, а день защиты прав человека для той категории населения, которую у нас до сих пор человеком считать не принято даже на высшем уровне, хотя это такие же налогоплательщики, как и мужики. В нашем исполнении из западных праздников только Новый год красиво прижился, а остальные настолько испохабили, что основной смысл безвозвратно утрачен. Получился стандартный День пьяного гопника, как и все прочие «праздники» по любому поводу и на каждый случай.

– Странно, как так получилось, что восьмое марта – это двадцать третье февраля по старому стилю юлианского календаря, – заметила жена инженера.

– Да, интересное совпадение, – согласился он. – Хотя двадцать третье стопроцентно отечественный праздник, годовщина создания Красной армии – Троцкий в этот день указ подписал. Не русской и не царской армии, а именно Красной в противовес Белой. С какой стати эту историческую дату переименовали в какого-то расплывчатого защитника? Защитники есть в спортивных играх и судебных процессах, а военный не защищает. Он служит и выполняет приказ командования, как на военной кафедре объясняют. Это чисто профессиональный праздник, как тот же День Энергетика или Геолога, а из него сделали «конкретно мужской», как банный день, коли у женщин есть «ихнее» Восьмое марта. Вообще, дикость: поздравлять людей по половому или возрастному признаку, когда надо уважительно относиться ко всем слоям населения, а не дробить и без того разрозненное общество. Такие мероприятия практикуют только там, где никто никого не ценит и не защищает, где людям не могут дать возможность нормально жить, вспоминают о них раз в году. Придумали какой-то День пожилого человека, День защиты детей, а кто паспорт уже получил, тот перебьётся как-нибудь. Защиты от кого? А если ребёнок учиться не хочет – его тоже будут от этого «защищать»? Потому и население такое инфантильное, взрослые дядьки ведут себя как дети до пятидесяти лет, бегают к мамам жаловаться на жизнь и жену – это поведение ребёнка. В центральном супермаркете какой-то алкаш кассиршу по голове бутылкой водки ударил, когда она отказалась его без очереди пропустить двадцать третьего февраля. Типа, он же с яйцами родился, а это уже подвиг, расступитесь все, он же на фронт пойдёт, ежели чаво! Они уверены, что их туда возьмут, без них там никак. Сам ни в какой армии не служил, с семнадцати лет на учёте в психиатрии состоит, уже в школьные годы допил до синих чертей. Какой из него защитник Отечества? Только с бабами воевать специалисты. Я, например, не проходил срочную службу и считаю, что не вправе принимать в этот день в подарок каких-то плюшевых зайек в пилотках, пошитых в Китае, и прочий бесполезный хлам из сувенирных лавок.

– А мне нравится, – улыбнулась жена. – На валентинку похоже.

– Вот-вот, из всего сделали День святого Валентина или ещё какого Йоргена, скоро сердечки из георгиевской ленточки будут дарить, лишь бы партию товара распродать. День торговли фигнёй! Работы нет, зарплату не платят, все в челноки подались, чтобы заваливать страну то ангелочками на Рождество, то год Барана грядёт: чтоб каждый купил по коло-

кольчику на шею себе и близким. Толкнут пару тысяч штук по столынику и ждут следующий красный день календаря: на такие деньги полгода жить можно. О чём говорить, если уже киндер-сюрприз приспособили под пасхальное яйцо, только фантик поменяли. Сейчас вообще все праздники можно было бы отменить, потому что давно утрачено их изначальное значение. Что религиозные, что светские или профессиональные давно превратились в коммерческие акции по распродаже залежалого товара на складах со скидкой по купонам «поздравь своего защитника» или «купи любимой уют» и прочие кошачьи песни: «Держи, дура, новую сковородку, жарь нам котлеты не мешкая, а то у нас праздник, надо водку пить – нам закуска нужна». Настоящий шопинг-психоз, когда из уставшего населения почти обманом вытягивают деньги, да ещё призывают проявить фантазию, чтобы не одарить «любимых» десятой чашкой, двадцатым брелоком или пятым шуруповёртом. Ведь у них такой богатый выбор разного другого барахла на любой вкус! Всюду какая-то «улётная утилизация», бонусы и баллы особо отличившимся, лишь бы люди побольше хлама купили, который после дарения не жалко сразу в помойное ведро выбросить. А в армии давно женщины служат, потому что другой работы нет. Это катастрофа нашей экономики, что во многих городах молодёжи ничего не светит, кроме как в армию идти или в правоохранительные органы. Ментов столько, что преступления совершать некому, разве только самим ментам. Куда идут после школы сыновья и дочери простых военных, живущие в военных городках? Служить идут, потому что другого выбора нет, как житель шахтёрского посёлка неминуемо на шахту попадает. Многие удивляются, почему последние двадцать лет героями фильмов являются исключительно следователи и военные. А потому что это – всё, что есть в наличии из рабочих мест. Конечно, сейчас неактуально показывать сталеваров, потому что отрасль не в лучшем состоянии. Людям только кажется, что они *сами* создают какие-то теории и движения, а на деле миром который уж век правит капитал, назначает удобных для себя политиков, заказывает идеологам определённый тип мышления в обществе, «модные» настроения. СМИ спускают эти настроения рабам, которые совсем не умеют мыслить самостоятельно, они заражают ими остальных. До Революции ткачами были исключительно мужики, сами названия профессий были только мужского рода, работа в государственных структурах была разрешена только мужчинам. Но из-за тяжёлых потерь на фронте и острой нехватки оружия пришлось «разрешить» работать женщинам. Когда бесноватые вожди и бездарные полководцы истребили мужчин на баррикадах и в окопах, советское правительство заказало режиссёру Александрову фильм о ткачихах, чтобы убедить женщин идти на ткацкие фабрики. Придумали феминизм, доказали, что это сами женщины таких «свобод» захотели, чтобы не только домом и детьми заниматься, но и работать на фабриках и заводах за искалеченных на фронте и спившихся мужей.

– Теперь доказывают: мужики потому и спились, что баба зарабатывать стала.

– Да ну, мужики не спиваются. Спивается некое промежуточное явление, домашние дебоширы и мнимые тихони, а нормальный мужик спиваться никогда не будет, поэтому и жалеть не о чем. Что плохого, если жена работает, учится, развивается? Это же гораздо интересней, чем бытовое разложение женщины, зато она прощает мужу-кормильцу пьянки-гулянки и прочие мелкие подлянки в силу материальной зависимости, а так зачем он ей? Казалось бы, почему ему не попробовать жить с женой в любви и согласии? Но они этого не умеют, они понимают отношения только так, чтобы пьяным туда приползть и испытывать терпение, да ещё приговаривать: «Куда ты, дура, денешься? Какой ни есть, а всё ж родня». Её это достало, она стала сама зарабатывать – ему не по себе: к такой бабе уже с друзьями-алкашами посреди ночи не завалишься, свекрови не с кем поцапаться за «сыночку-кровиночку, что этакой мегере на растерзание отдала». А по-другому они не могут, только гадить ближнему своему и наблюдать, насколько проворно родственники с таким его поганым характером управляются. Конечно, капитализм сильно пошатнул их тухлые устои, погнал бабу вка-

ливать на благо общества, а не только на семью, которая всё равно ни черта не ценит. В капитализации общества нет ничего ужасного: мир всё время меняется, жизнь развивается, один общественный строй сменяет другой, и понятия «лучше» или «хуже» им неведомы. Но у нас полно мракобесов, которые призывают всех вернуться к лаптям и телеге, нуклеарную семью обратить в патриархальную, не понимая, что процессы общественного развития необратимы, как процессы пищеварения, окисления и прочие химические реакции. Они доказывают, что сотни лет тому назад и люди лучше были, и нравы чище, словно сами там жили. Якобы народ одевался в дерюгу, а теперь все в джинсы обрядились, оттого и разврат. Типа, в лаптях и сарафанах разврат невозможен.

– Говорят, сарафан тоже долго приживался и считался «бесовской одеждой», как и всё новое.

– Классический костюм-тройку, который теперь является основным видом одежды для официальных мероприятий почти во всех странах мира, тоже так поначалу называли. У нас до сих пор красиво одетому человеку вслед шипят, чего, мол, вырядился. Римский папа давно факсом пользуется, а у нас всё от лукавого, даже электричество не везде есть, да оно нам и не нужно: проституция одна с него. Настолько невежественные люди уверены, будто проституция держится на форме женской юбки и энергоснабжении, тогда как она держится на состоянии мозгов. Как будто у лапотников не было проституток. Они появились, как только возникло человечество, потому что всегда были люди, которые хотят отношений, но не умеют их создавать и даже гордятся этим, злобно высмеивают стремление других к любви и верности. Им проще купить временное расположение к себе – именно на них и держится продажная любовь. Отношения нужно выстраивать, иногда этому надо учиться, но у них с этим большие проблемы, поэтому им легче заплатить, получить своё и опять за маму спрятаться. Или за жену. Где есть богатые женщины, они точно так же покупают мужиков – в столице целая индустрия подобных услуг процветает. Это очень проблемные представители человекообразных, от них происходят все войны, конфликты и аварии, но в силу их платёжеспособности изворотливая мораль предпочитает этого не замечать. В нищих слоях населения они тоже есть, но им ничего не остаётся, как спиваться и исходить на говно. Если такому дать денег, он сразу побежит в притон, бордель или попытается его организовать, если поблизости ничего подобного нет. Я видел пьяниц, как они приезжают в родной вымирающий колхоз с лесозаготовок с пачками денег, начинают ими всюду трясти, хамить тёткам, как теперь всех от души поимеют. Женщины от него разбегаются, если инстинкт самосохранения исправно работает или хотя бы капля самоуважения осталась, да и не нужны им деньги пачками, разве только печь топить. Они питаются полностью с огорода, коров и коз держат: ну куда им ещё такой конь бешенный? Он в недоумении идёт с друзьями эти деньги пропивать и нить, какие бабы суки, что такого мирового мужика в упор не замечают. Но бабу не проведёшь: она видит не мужика, а именно какое-то промежуточное половое состояние, которое вроде бы ищет контакт, но в то же время боится отношений, люто ненавидит и глубоко презирает ту, что решится на любовь с ним. И неважно как проститутки одеты, хоть в космический скафандр, потому что проституция держится не на том, как выглядит «товар», а на ущербной психологии общества, которое поклоняется заплатившему. Даже в кино покупатель шлюх показан привлекательно – ведь это богатый человек, он может себе позволить расслабиться, он слишком занят чем-то важным, чтобы искать какую-то там любовь, ему некогда и прочие оправдания. Потому что продажность содержится в самой общественной морали. Как борются с проституцией? Точнее, уводят эту борьбу от истинной причины данного явления. Создают полицию нравов, которая гоняется за девками с обочины: пытается воевать со следствием, не замечая причину. Всё равно, что лечить аспирином воспаление лёгких. С таким же успехом можно гоняться за каждым тараканом в доме, где гниют залежалые продукты. Надо их выкинуть, тогда исчезнут и тараканы, но как «выкинуть» обладателей

гнилой морали при деньгах, которые и заказывают саму мораль? Она направляет весь гнев праведный на современную моду, дескать, вот где корень зла: есть какие-то развратницы в колготках, мимо которых честному бедолаге не пройти, совращают его. Он и не хочет, но надо как-то статус реального самца поддерживать. На самом деле развратные женщины за своим внешним обликом почти не следят, но борцы за нравы доказывают: кабы все оделись в рубище до пят, и разврат мигом бы исчез. Хотя держится он не на мини-юбках и колготках, а на тех, кто на них западает, чьё бы тело под ними ни находилось, и готов платить. Например, одно время много говорили, что современные россиянки одеваются вызывающе, чтобы обратить на себя хоть какое-то внимание противоположного пола, которого попросту нет или он весьма в плачевном состоянии. Но женщины от этого не стали проститутками. Потому что товар есть, но нет купца, а проституция всегда держится на покупателе. Здесь бабы стоят на обочине в телогрейках и картошку продают, а полуголые дуры без штанов на морозе, как эталон продажной женщины, появляются на подступах к столице. Потому что дальше от неё ни у кого нет денег, да и здоровья нет, чтобы покупать себе такую проблему. Разве только пенсию у мамы украсть и рвануть в ближайший мегаполис, чтобы почувствовать себя настоящим хозяином жизни. Где остались мужики, там вокруг него скачут мамки-няньки, по три жены воюет за такое сокровище – от них бы отбиться. А каких-то сорок лет назад они все были обеспечены работой, получали жильё, учились на заочном от производства, вместе работали, знакомились, создавали семьи, ходили на танцы в заводской клуб, ездили в отпуск на море по путёвке, отправляли детей в пионерский лагерь. Питались в общепите, поэтому не надо было дома качать права, кто должен посуду мыть и жратву готовить, как сейчас это на радость скобарям опять вернулось. Дед мне рассказывал, что раньше в рабочих столовых кормили так, как сейчас только в самых дорогих ресторанах можно встретить. Были жёсткие государственные ГОСТы на качество продуктов, да и сельских хозяйств было больше, поэтому недостатка в свежем мясе и овощах не наблюдалось. Воровать в системе пищеблока было не выгодно и опасно, за малейшие растраты и нарушения расстреливали даже директоров крупных гастрономов. Никто не помнит, чтобы при Советах ребёнок в детском саду или лагере получил пищевое отравление, а сейчас такие новости каждый день слышишь. Теперь родителей гоняют ремонты в школах делать, деньги собирают на новый ламинат или замену дверей, молодые папаши после работы идут окна вставлять в группе детсада, куда их ребёнок ходит – раньше это было немыслимо! А теперь непонятно, куда государство деньги сливает? Советским людям денег так же не хватало, как и сейчас, но всё стоило копейки или было бесплатным.

– Жили на всём готовом, как теперь говорят.

– Ну, если не учитывать, что они вкалывали в промышленности и сельском хозяйстве, давали стране топливо, сырьё и хлеб, то да. У государства с гражданами была взаимная любовь: они его обогащали – оно позволяло им нормально жить в ногу со временем. А для чего ещё людям государство? Для славы и подвигов, чтобы свою хвастливую гордыню тешить? Теперь принято высмеивать ту жизнь, называть её мещанским счастьем, которое расписано на сто лет вперёд по шагам, но по тем временам это была роскошь, так жить. Конечно, сейчас это уже не роскошь, а норма ушедшего века, но она современным россиянам недоступна. Теперь каждый сам по себе, государство никому ничего не должно – его фактически нет. Рабочих мест всё меньше, баб натравили на мужиков, что эти лузеры работать не умеют, ничего заработать не могут. А мужиков натравили на баб, что это они, оканные, во всём виноваты, пусть лучше дома сидят, создают сильному полу иллюзию власти хотя бы в семье. Мужик должен самоутверждаться, но не в семье, а в работе, в карьере и профессии, но у него теперь всё с ног на голову поставлено. Работы нет, тем более по профессии, если она вообще у него получена, поэтому он с домочадцами крутого быка включает, лает на телевизор, который выступает главным аккумулятором народной ярости, и жалобно

блеет перед теми, кто его грабит. Ему доказывают, что он слишком много хочет, он должен жить, как его далёкие предки жили в славные времена сталинизма или даже царизма. Куда угодно посылают, лишь бы вытолкнуть человека из сегодняшнего дня. Обладателей светского советского образования спустили на уровень церковного оккультизма, повсюду какие-то гороскопы, браки по знакам Зодиака, гадания на кофейной гуще, получишь ли свою зарплату хотя бы до грядущего Апокалипсиса, который всегда ждут там, где не работает экономика и политика. Жителей двадцать первого века вынуждают скатиться к пещерным нормам, что противостоит естеству. Всё равно, что высотному зданию в пятнадцать этажей предложить стать одноэтажным, то есть фактически разрушить его. Всюду какие-то разговоры о возврате к корням, к истокам. Что это за глупость? В качестве этих «истоков» навязывают низкий уровень жизни, холщовые косоворотки и «натуральное питание» с огорода в виде картошки и капусты – типа, так делали наши предки. В подобные безграмотные утверждения могут верить только люди с крайне низким развитием, у кого и начальная школа не закончена. Начать с того, что картошка никак не может быть исконным национальным блюдом русских, потому что её завезли в Россию из Америки только при Петре Первом – это любой пятиклассник знает. А чем они там до этого питались – учёные наврут. Что касается льняных рубашек, то лён был известен ещё во времена Каменного века, его умели выделять все европейские народы, поэтому льняная рубаха с вышивкой входит в национальный костюм как у народов Прибалтики, так и у славян. На Украине многие в патриотическом припадке в вышиванки обрядились, наши от них не отстают: достают из бабушкиных сундуков косоворотки. И смотрят на врага набычившись, хотя при этом выглядят как близнецы-братья. Носи хоть кафтан, если нравится и считаешь, что это красиво, но умом убогие не способны наслаждаться красотой, они даже под ношение трусов идеологическую базу подведут. Бормочут что-то о такой же исконной вере, вывешивают крест поверх этой расшитой рубахи из сундука и даже не догадываются, что вышивки – это языческие символы дохристианского периода истории.

– Понятно, что это не исторические традиции, а современная пропаганда, рассчитанная на недалёкого обывателя.

– Не просто современная, а сырая и неумелая, топорная даже. У людей всё отняли, начиная с самоуважения, и заталкивают их «к корням», хотя в природе нигде такого нет, чтобы взрослое растение к корням вернулось. Оно опирается на корни, но растёт и развивается дальше. Для дерева вернуться к корням означает упасть на землю, погибнуть. Если и дальше в подобном направлении рассуждать, можно сразу вернуться в пещеры. Хлипкий жилой фонд окончательно накроется и запустят легенду, что человеку дом вообще не нужен. Уже появляются статьи, где так и пишут, что вкладывать деньги в жильё невыгодно, любая недвижимость ветшает и дешевеет, проще жить в автомобиле, спать в багажнике, а днём ты всё равно на работе. Но нам даже автомобиль не доступен – от лукавого всё это. Поэтому затолкают нас в пещеры: ведь так жили наши далёкие предки, значит, оно правильно и праведно. А почему все так уверены, что предки были такими уж праведными? Они жрали сырое мясо и убивали друг друга при любом несогласии. Там полно было самых разных людей. Такие же мракобесы всегда были, которые окружающих грузили, что кругом проститутки: «Нарядились в шкуры мамонта, панимашь ли, честных людей, вроде нас, во искушение вводят! Вернуть всех к истокам, чтобы опять голыми ходили, тогда и не будет разврату». Весь разврат от этих мракобесов и идёт. Именно такие уроды воспитывают детей, которые потом не могут создавать нормальных отношений, поэтому становятся или проститутками, или теми, кто их покупает, что одно и то же. Для чего их сейчас допустили до влияния на общество, до формирования общественного мнения? Чтобы население не замечало, что жизнь остановилась в развитии, государство топчется на месте и громко хвалится достижениями прошлых веков, славными битвами и стройками столетней давности. И надо

заметить, пока ему удаётся заглушить этим криком сегодняшний регресс, когда без работы сидят не только бабы, но и мужики. Умный мужик понимает, что работать в современном мире должны все, потому что всем нужна зарплата и пенсия, потому что современная семья не гарантирует женщине никакой защиты и обеспечения, даже если она всю жизнь на эту семью отработает. А дурак обиделся, что ему не дали царьком себя почувствовать, отвернулся носом к стенке, запил и стал вынашивать план мести «бабью», не понимая, что миром рулят совсем другие силы. Ага, женщины захотели учиться и работать – мужики сразу уступили, как истинные джентльмены. Да русский скобарь бабу до сих пор человеком не считает, чтобы в чём-то уступать. Пульт от телевизора ей уступить не в силах, не говоря уж о правах и свободах. В промышленность бабу погнал капитализм, потому что больше некому там вкалывать. Именно вкалывать, а не квасить и обиженно орать, как очередного героя не оценили, который где-то там подвиги вершил, а дома может только с мамкой бодаться. Раньше таким крутили фильм «Трактористы», как здорово пахать землю в колхозе, потому что кто-то должен растить хлеб и кормить страну. Это трудно, поэтому охотников немного было, приходилось агитировать через искусство. А теперь, я гляжу, у вас в совхозе трактора бабы водят.

– Раньше были мужики, но они почему-то пили по-чёрному, детали воровали, хотя их здесь и продать-то некому. Бабы как-то без этого управляют. Так-то ничего трудного нет, только трясёт шибко, техника старая, на иных тракторах элементарно дверей нет: на ухабе из кабины вылететь можно.

– Но бабы работают, а мужики сразу в запой уходят?

– Ай, они всё время пьют. Утром проснулся – уже стресс у него, на улицу вышел – депрессия, а уж если на работу выйдет – жди беды.

– Я к тому, что сейчас шлёпают ремейки советских картин, где-то я видел название «Трактористы – два», а по идее можно «Трактористок» снимать.

– Да ну, я не люблю такое кино! Если это вообще можно кино назвать. Неинтересно. Ни о чём. Ну, работает человек, и что? Тяжело ему – пусть не работает. Чего грузить всех этим фактом? Нельзя же совсем ничем не заниматься. Дома сидеть тоже тяжело, от безделья иные больше устают и даже с ума сходят. О милиции ещё куда ни шло: там хотя бы жизнь городская показана, дома многоэтажные, погони на машинах красивых, а нашей деревней зрителя лучше не пугать. Люди хотят видеть успех, а не дно жизни, как в рекламе говорят.

– Здрасьте-приехали! Вы себя этим «дном» называете? Дно жизни – это когда бомжи под мостом живут. Кстати, даже им посвящают фильмы, чаще хвалебные, которые словно упрекают тех, кто ещё не скатился на такой же уровень. А называть дном жизни крестьян или рабочих могут только заносчивые снобы или наркоманы какие-нибудь. Если в других странах человек растит хлеб или варит сталь, его никто не осмелится к дну причислить: такие люди двигают экономику.

– Неинтересно это зрителю, кто чего растит, варит или двигает. В советское время работяг нахваливали, в Перестройку высмеивали, сейчас про них вообще молчат, и слава богу.

– Почему?

– А что говорить? Я вообще не понимаю этих пошлых разговоров о народе, какой он замечательный и добрый или, наоборот, неотёсанный и дикий, хотя одно другому не мешает. Говорящего всегда хочется спросить: пардон, а вы сами-то кто будете? Это говорит в человеке барин, которого надо бы из себя выдавливать, как и раба, потому что по сути одно и то же. Как говорил наш старый учитель истории, в связке «барин-холоп» свободных нет, оба рабы. Даже Библию цитировал, что «человек властвует над человеком во вред ему и себе». Господа раньше о народе радели, заумные беседы вели, кто он и с чем его едят, а холопы слушали и подражали, начинали сами о себе же говорить, но в третьем лице. Сейчас господ-то нет, потому что благородства никакого в людях не чувствуется, сама культура холопская, но под барина кто только ни косит. И получается господин холоп. Придумали народ, словно

мышь про мышей рассказывает: «Ой, эти мыши такие загадочные, что и не поймёшь, чего им надобно». Противоестественные какие-то разговоры. Это странно, когда одни граждане государства смотрят на других, как на редкий вид животного, да ещё комментарии дают: «Ой, смотри, они почти такие же, как и мы, на двух ногах ходят!» или предлагают изучать «чем наш народ живёт». Один быдлом и хамами обзовёт, другой электоратом, даже акционерами, которые назначают президента исполнительным директором своего ОАО «Государство». Каких только качеств этому народу ни приписывают! Так некоторые уверены, что женщина должна быть изящной и нежной, а она – матом ругается, воду с колодца тоннами таскает. То есть полностью нарушает приписываемые ей характеристики, даже не знает о них. Ей советуют: «Нет, ты давай как-нибудь впишись в наши представления, какой тебе быть – ведь это тебе самой надо», а ей уже ничего не надо, тем более от них. Или принято считать, что мужчина должен быть сильным, ответственным, надёжным: сказал, как отрезал – так и долдонят это повсюду, как гипноз. А он говорит одно, делает другое, думает третье и чихать хотел, каким он там кому-то «должен быть». С народом такая же петрушка вышла: выдумали ему имидж, навязали образ, а он и близко не соответствует. Как ещё недавно крутили рекламу пенталгина, ну такую пафосную, и музыка играет, как в американских военных мелодрамах типа «Перл-Харбор». В народе её прозвали «Заводим будильники, разводим собак»: «Мы удивительные люди, сильные. Недаром слово *перетерпеть* у нас не про боль, а про умение жить... Да, трудностей много, но планов ещё больше: заводим семьи, разводим мосты, любим, прощаем, знаем, как справиться с любой болью и идти дальше». Показывают самые заезженные образы последних лет: ветеранов, параолимпийцев, добычу нефти, купание в проруби. Кажется, что рекламируют нечто глобальное, полёт на Луну или спуск эсминца на воду, у зрителя аж слеза восторга покатилась, какие мы всё-таки удивительные. Но нет, очередной химикат собираются впарить этим «удивительным людям», чтобы было легче и дальше терпеть такую жизнь, где нормальная медицина недоступна, поэтому население вынуждено заниматься самолечением с помощью анальгетиков, парацетамола и барбитуратов с кодеином, кофеином и белладонной, которые во многих странах изъяты из оборота, как спорные по воздействию на здоровье, а у нас все аптеки только ими и засыпаны.

– Сейчас много такой тупой рекламы: долго и нудно толкают суровые речи «за жисть», что робко теряешься в догадках, какое великое изобретение или идею собираются продвигать. А в результате на заключительных кадрах ролика появляется «виновник торжества» в виде колбасы, чтобы закрепить в сознании потенциального потребителя образ рекламируемого продукта и склонить к его покупке. И это может быть, что угодно: от моторного масла до майонеза. А текст тот же самый «глубокомысленный». Тяжело, когда столько пафоса на пустом месте, о чём можно сказать просто. Давным-давно была замечательная реклама, которая начиналась словами: «Опять понос?». И сразу было ясно, что рекламируют и зачем, а нынче так сюжет заплетут, что получается антиреклама. Года три назад крутили ролик «Папа может», где ученица начальной школы достаёт в классе бутерброд из целого батона: папа сделал. Остроумно и мило. А потом эту рекламу зачем-то испоганили бешеными дядьками, которые бегут с молотками, как на врага «колотить скворечники», сметая всё на своём пути и ломая деревья, а под конец здоровенная лапища рубает колбасу ломтями на пенёчке пополам с опилками и напрашивается какая-нибудь мелодия группы Rammstein. Дескать, доброе дело делаем, но с таким видом, что страшно. Поговаривали, что эту рекламу заказали на Украине, и как раз начался Евромайдан, поэтому тамошние креативщики придумали сарказм на тему русских богатырей, которые стремятся вершить добро, да только больше ломают. Даже писали, что в рекламу заложен скрытый подтекст против русских, попытка выставить нас агрессивными дебилами, живущими только жратвой и демонстрацией силы, приложенной не по делу, где вообще без неё можно обойтись. Дальше – больше: уже голые по пояс «папы», которые всё ещё «могут», показывают свои телеса, словно это из них колбасу варят.

Это именно телеса с заплывшей жиром мускулатурой, словно мужик тридцать лет на печи пролежал, да вот сдёрнули по тревоге на врага, на какого укажут. И вспоминаешь исходник названия самого бренда, детскую песенку: «Папа может, папа может всё, что угодно, только мамой, только мамой не может быть», оттого так и ломает. Жирные качки в позе культуриста тужатся не по-детски, словно рекламируют средство от запора, и ревут совсем не колбасное: «Это наша земля». А кто отнимает-то? Твоя – занимайся, обустраивай, а не пугай детишек. Взгляд на мужчину каких-то переростков, каким ему должно быть, чтоб все вокруг трепетали. Мальчишки из неблагополучных семей часто о таком папаше мечтают, чтоб всем навалил, на кого обиженное дитя укажет.

– Но кто такую рекламу придумывает, кто их к работе вообще допускает? Они словно не видели настоящих людей, приписывают им несуществующие качества, как той же колбасе из картона. Им так хочется, чтобы народ был таким да этаким – должен быть! Оказывается, народ так много должен. Но кому он это должен? Говорящему о народе? Так он сам такой же народ. Хочет быть выносливым, терпеливым, скромным, неприхотливым – его право. Его проблемы, как сейчас говорят. Зачем всю страну грузить этим, словно качества туалетной бумаги перечисляют? Чтоб «радеющим» было удобно потереться, а народ им туда толчёного стекла насыпал. И вот господин холоп онемел от возмущения, только рот открывает, словно рыба, что из воды вынули. В толк не возьмёт, как народишко смеет не отвечать его убогим ожиданиям. А его попросту нет, народа этого: лишь барские фантазии. Бомжи, банкиры, дворники, президенты – это тоже всё народ. Что между ними общего? Только гражданство, а так всё люди разные. Работники музеев и фабрик, грузчики и богема – у всех разное воспитание, уровень жизни, уклад, оклад, вклад. Говорящий о народе как бы над остальными людьми, существо другого порядка и особого сорта. Есть любители говорить о народе высокопарно, дескать, мы ему в подмётки не годимся, он же нас кормит, но такая вкрадчивость – это ещё большая заносчивость, как мне кажется. Народ получается всегда ниже или выше говорящего, но раз ты в его среду попал, то нет в тебе ничего особенного: такой же, как все. «Мы должны его учить, как ему надо жить, каким ему быть» – кто «мы», кого «его»? Какое-то неуловимое явление, обезличенная толпа в лаптях, а о народе радеющий – как бы индивидуальность. Но и в лаптях уже повадились такие разговоры вести, на эту заразу подсажены.

– Столичная тусовка, кстати, в глазах провинции такая же масса безликая.

– В том-то и дело. Большинство россиян уверено, что в столице живут исключительно успешные и зажиточные люди, но там самая разная публика обитает, многие в таких же тесных коммуналках и хрущёвках, тоже есть пьяницы, безработные, работающая беднота. Многие наверняка не так уж много получают, как принято считать, да и цены там драконовские. Преступность высокая, кошельки режут, квартиры грабят, а здесь ни одного случая не помню, чтобы у кого сумку сорвали: все друг друга знают, да и бабы одни остались. Ещё я заметила, что с начала века к нам в деревню на кладбище повадились возить для погребения ленинградцев и даже москвичей, потому что в столице для самых скромных похорон требуется уже больше ста тысяч, а я в десятку уложилась, когда мужа хоронила. Но в современном кино москвич – это всегда завидный жених, богатый и культурный. Хотя и в деревне все по-разному живут, и в городе, а разговорами о народе словно бы пытаются этих разных людей привести к одному знаменателю. Как бы упразднить, чтобы никто не выделялся из массы. Мой муж обожал разговоры о народе, особенно хвалебные, и чтобы от лица барина какого-нибудь городского. Тут одну осень приезжал помощник депутата на охоту. Перед этим они в бане упились, стали палить из ружей, менты их разоружили от греха подальше. Ой, такая же тусклая пьяная урла, только в костюмах и на машинах дорогих. Наняли местных мужиков, чтобы они им без оружия изловили медведя. Мне ещё дед рассказывал, что такие дикие забавы господа до Революции практиковали: гоняли на кабана или медведя крестьян с пал-

ками и вилами. А это же опасно. Лесной дикий зверь – это не шутки. Всё равно, как с народом шутить: дошутиться можно. И вот завалили они ему медведя вилами, мой дурак там тоже был, медведь ему плечо когтями порвал, рана потом больше месяца гноилась, я его на уколы от бешенства в район возила. Ругала, да что толку. Он только огрызается: «Дура ты тёмная, ничего не понимаешь, а этот помощник депутата нас хвалил и даже водки налил! Говорит, что нигде больше такого народа нет, как мы, во как». А кто он такой, чтобы тебя хвалить или осуждать? Такая же пьяница и дура, да ещё бездельник. Раз в пятилетку в регионы нагрянут, вспомнят об избирателях, да вместо государственной работы пьянку закатят: такого барина самого пора на вилы поднимать. Ужасно, что у господ к людям такое отношение, но ещё хуже, что сами люди с подобным отношением согласны, да ещё гордятся, как хозяин похвалил, по щёчке потрепал, ещё и водки налил. Тебе враг водки нальёт – ты его тоже прославлять будешь? Мой на эти слова обиделся: «Ой, какая ты зануда! Зато он нам сказал, что мы с ним одной крови». Конечно, как блоха в шкуре медведя напилась его же крови и шепчет в самое ухо, когда он её отловить и раздавить пытается: «Мы ж теперь с тобой одной крови». Не люблю я это братание обманутых дураков с проходимцами, которые в своё время из этих мест убежали, хитростью и обещаниями во власть пролезли, но властью не занимаются. Вместо дела годами треплются о народе. Тех похвалили, этих упомянуть забыли, там кого-то вообще пожурили, что они не согласны обходиться без санкционных товаров: «Нашему народу подобные пустяки не страшны! И не такие тяготы в окопах терпели». А народ-дурак уже раскололся на лагеря, те за этих, эти – за тех, в зависимости от того, кто их добрым словом приложил. Постоянно сравнивают горожан и деревенских, сталкивают рабочих и крестьян, стравливают интеллигенцию и гламур, выясняют, кто лучше, кто больше их похвалы достоин. А сами-то кто? Говорят, раньше такого противостояния не было. Родился человек в городе или деревне, в знатной семье или простой, а его личной заслуги или вины в том нет.

– Деревню стали опускать в эпоху индустриализации, когда городу были нужны трудовые ресурсы. Именно тогда стали популярны мифы, что деревенские жители отсталые в сравнении с горожанами, да ещё и пьяницы, хотя крестьянин как раз много знал, умел изготавливать любой продукт с нуля, а пьянствовать ему было некогда. Но его дети уже стыдились своего «неправильного» происхождения, бежали от него в город, где у них был шанс «окультуриться». Одно это наглядно демонстрирует, как с помощью агитации и пропаганды можно перековать до неузнаваемости любое общество. Сейчас в адрес крестьян изредка блеют глупые комплименты, но советский строй деревню не жаловал и даже боялся, она ему долго не подчинялась, вообще никакой властью не считала. Ведь горожанин уязвимей сельского жителя, им проще манипулировать, перекрыть отопление и водоснабжение, не завезти необходимые продукты в магазин и всё. Можно выдвигать условия, погнать на работы, оставить без зарплаты. А деревенского жителя совратить было трудно. Он не знал досуга, а именно через досуг идёт основное программирование сознания. Он не читал развлекательную литературу, не ходил в театр, подчинялся только природному распорядку полевых работ. Умел и воду добывать, и дом отапливать, и хлеб растить, и скот разводить. Перекрыть ему кислород было непростой задачей. Борьба с деревней шла очень долго, с начала двадцатых годов до самой Войны. Сталин всерьёз опасался, что крестьянский мужик не будет воевать, защищать такую бестолковую власть, которая ничего полезного для него не сделала. А армия была преимущественно крестьянской. За спинами простых солдат ставили НКВД, чтобы они не разбежались и не сдались сразу в плен, потому что им любая власть на одно лицо. Крестьянин чихал на культ личности, признавал только культ труда и результаты этого труда, а у власти как обычно кроме трепотни ничего нет для народа. Власть через пропаганду объявляет этот народ пьяницами, бездельниками и дармоедами. Следует заметить, что потомки крестьян охотно вняли таким внушениям. Потом наверху сообразили, что переборщили, стали снимать какие-то хвалебные оды колхозникам.

– У нас в правлении когда-то настоящий кинотеатр был, там только и крутили такие фильмы. Местные бабы больше хотели на городскую жизнь посмотреть или как за границей люди живут, а им каждую неделю то «Свадьбу с приданым» ставили, то «Богатую невесту». Хорошо, что раньше умели снимать такие фильмы, как «Белые росы», «Любовь и голуби» – их можно бессчётное число раз смотреть и не надоедает. Я люблю такие фильмы на полтора-два часа, когда сюжет законченный, и понятно, что автор сказать хотел. Моя племянница ещё в школе ходила в студию актёрского мастерства при Доме Культуры в райцентре, и вот она говорит, что Станиславский, который создал теорию театрального искусства, не смог бы такие фильмы ставить, как «Санта-Барбара», где герои словно предлагают друг другу: давай поругаемся, а то мы давно не ссорились, целых три серии, потом помиримся, я тебе изменю, потом ты мне, а то зритель заскучает, перескочит на другой канал, чего доброго, а нам ещё три сезона шпарить. Он учил, что на сцене нужно передавать только исключительные человеческие переживания, размышления и поиски. Если герой куда-то идёт, он должен обосновать, куда и зачем. Не направление указать, а передать душевное состояние, которое заставляет его совершать то или иное действие, поступок. Но большинство современных фильмов о том, как герои ходят или даже бегают по улице, ездят на машинах, отвечают на телефонные звонки, моются, едят, пьют, спят с кем-то или в одиночестве. Показана чисто бытовая жизнь. Считается, это упадок искусства, если оно скатывается до отображения повседневной или производственной рутины. Например, берут красивую девушку, называют её следователем или хирургом, она весь фильм красиво ходит в кадре, отвлекает внимание зрителя новым пальто, безупречным макияжем или дорогой моделью телефона, который давно стал полноправным участником массовой культуры, садится в красивую машину, готовит еду на шикарной кухне в модном платье, пререкается с таким же упакованным мужем, естественно, богатым бизнесменом, который якобы мечтает, чтобы она сидела дома и не вылезала с кухни. А куда новое пальто девать, спрашивается, кому демонстрировать? И вдруг – опа, сложнейшее преступление раскрыто. Или умирающий больной выздоровел. Или бегают brutальные мужчины с пренебрежительно-снисходительным выражением лица, якобы что-то важное совершают, а никто не догадывается. Обязательно все в мыле, чтобы зрителю было стыдно их критиковать за отсутствие сюжета, попутно с кем-то эффектно дерутся, перестреливаются и даже крутят романы. Потому что подобные трюки всегда маскируют тот факт, что авторам нечего сказать. Бедные актёры, которые годами это играют, деградируют от такой работы. Всё равно что мощный металлургический завод заставить выпускать этикетки для йогурта.

– Где же вы кино смотрите? Что-то я у вас телевизора не вижу.

– Муж покойный разбил. Задел нечаянно. Я к ятровке хожу, когда электричество есть.

У неё и видеоплеер имеется, мелодрамы крутим.

– И какой последний фильм смотрели?

– Про Шерлока Холмса.

– Британский?

– Нет, с Паниным в роли Ватсона. Настоящего такого врача сыграл. У нас через улицу жил бывший военный врач, очень уставший человек, даже когда улыбался. Мне понравилось, что они в этом кино какие-то настоящие.

– Это как?

– Ну, не крутые совсем.

– То есть крутой человек не настоящий?

– Да как сказать... Понимаете, я с животными работаю. Считается, что они к природе ближе, и там не такого понятия, как крутая корова или деловой гусь. Они умеют просто быть, какие есть, а крутой человек неестественный какой-то, словно специально для показа придуман, чтобы обязательно хоть какой-то зритель был для его крутизны и подыгрывал ей.

А в реальной жизни кто там станет ему подыгрывать? Никто ни на кого не смотрит, все бегут по своим делам. Реальные мужчины слабые, уставшие, боятся всего и не скрывают этого.

– Ха-ха, однако!

– Люди должны быть осторожными. Это признак здорового инстинкта самосохранения – нас так на зоотехнике учили. Древний человек был очень осторожным, опасность чувствовал за версту. А если ничего не чувствовал и лез на рожон, его съедал хищник, который фактически осуществлял естественный отбор, уже тогда выбраковывал «крутых» как непригодный материал для будущего человеческого рода. Видите, как сейчас русские мужчины мрут? Потому что они не дорожат жизнью, им кажется, что будет следующая серия, и она получится интересней. Потому что их постоянно провоцируют на подвиг, даже если всего-то надо шкаф передвинуть. Те же дружки друг друга подкалывают, если чего-то боятся, лезут с пьяных глаз, куда не надо, иногда без всякой цели, лишь бы собутыльникам свою глупую смелость доказать. Мой, помню, как напьётся, так сразу лез проводку чинить, пока током не шархнет, алкоголь не выбьет.

– А Вы слышали, что Андрея Панина убили, но преступление так и не раскрыли? – спросила жена. – И это в Москве, где лучшие кадры правоохранительных органов собраны, не могут раскрыть убийство известного артиста.

– Сейчас нет понятия кадров, – отмахнулся инженер. – Люди бегут от безработицы, где ещё платят, поэтому и работу выполняют соответственно. Как в «Восьмёрке» у Учителя сын-омоновец арестовывает папашу-работягу, когда ментов призвали разогнать забастовку на последнем уцелевшем предприятии. Идти некуда, одна часть города работает на умирающем заводе, другая подалась в ОМОН или криминал, хотя даже бандитам становится некого грабить. И если один художник показывает, что это катастрофа, то сотня ремесленников от искусства доказывают, что это нормально и вообще круто: быть неуловимым бандитом, ловким сыщиком, хитрым шпионом, находчивым спасателем, непобедимым суперсолдатом, которых в природе просто не существует. Властям ума хватило в последний момент купить ментов и военных за гроши, выдали им наспех жильё эконом-класса, которое они ждали с восьмидесятых годов, слегка повысили зарплату, чтобы было кому митинги разгонять, вот они и стараются. Отсутствие нормальной работы и прозябание на государственные подачки создает унижительную зависимость от режима. Живут на наши налоги, ничего не производят, задерживают возмущенных граждан, запугивают несогласных. Охраняют не наш покой, а жуликов и воров, которые и заказывают телевизионщикам сказки о захватывающих приключениях из жизни всевозможных оперов и подвигах элитных видов войск. Но идут туда не от хорошей жизни. Тут передача была о сибиряках и уральцах, которые уехали воевать на Украину, холёные эксперты «ломали голову»: с чего бы это. А куда они сами пойдут, когда страна перестанет нуждаться в их болтовне? Доказывают, вот если бы парень поехал в Донбасс «наших защищать», было бы лучше, хотя там он точно так же будет убивать. В России всегда были и будут ветераны, кто воевал в финскую, испанскую, японскую, «наводил конституционный порядок» в Лаосе, Камбоджи, Вьетнаме, Афгане, Чечне, теперь ещё и в Сирии. Их значительно больше, чем ветеранов Великой Отечественной, которых ещё в прошлом году было чуть более двух миллионов, а в этом уже миллион восемьсот. Самым «молодым» из них за девяносто, за участников Войны себя умудряются выдавать даже те, кто родился в конце сороковых, настолько людей накрутили. Россияне с момента распада Советского Союза мотаются по всему свету наёмниками от Кавказа до Африки, потому что дома нет работы. И большинство там погибает, потому что воевать – это ещё уметь надо, а они на героизме помешаны, который в реальной войне очень мешает. Могут только ударно загибаться, лишь бы домой не возвращаться, потому что дома проблем больше, чем на всех войнах вместе взятых. Из моего класса уже три человека подались на Восток Украины, но не из любви к малороссам, как бздит пропаганда. Едут на войну именно за длинным руб-

лём, как раньше за Полярный круг ездили что-нибудь строить или дороги прокладывать. Воюющих за Луганск и Донецк называют щадящим словом «ополченцы», хотя это такие же наёмники, искатели приключений и просто безработные. Когда фронт наводнён подобными кадрами, ситуация постепенно превращается в балаган, где никто никому не подчиняется, всем рулят зарвавшиеся полевые командиры, некоторых уже самих приходится устранять, потому что они выходят из-под контроля центра. Вот как выглядит реальная судьба «универсального солдата».

– Но спасатели-то нужны, если столько аварий.

– А знаете, почему столько аварий и катастроф? Потому что всюду непрофессионализм и пьянство. У меня бывший одноклассник работал спасателем, через год ушёл. Не выдержал. Девяносто девять процентов всех несчастий происходит по причине того, что население не просыхает годами, пьяный дурак стал почти олицетворением русского человека с помощью тех же фильмов и рекламы. Едут семьями в лес на шашлыки, когда он горит, но отдыхающие только отмахиваются: «Не учи нас жить! Мы умнее всех». У таких ничего нет, кроме самонадеянности и довольной ухмылки на роже. Спасатели останавливают машины и уговаривают пьяных горожан не соваться в лес. За рулём сидит полуголая разбитная деваха, рядом её пьяный муж в одних трусах, позади теща и дети. Потом их так и находят в лесу мёртвыми: задохнулись в дыму и сидят, обуглившись. Какие-то гопники напились, их подружка разделась до купальника, решив принять воздушную ванну, да упала в муравейник. Над ней сначала ржали, а потом увидели, что с неё уже кожа кусками сходит, да ещё несколько клещей впились. Короче, вывозили её спасатели уже умирающей в виде куска окровавленного мяса, живого места не было. И вот они никак не уяснят, что нельзя так вести себя в лесу. Прут туда в шортах и шлёпках: жарко же! А на болотах обитают небольшие ядовитые змеи, которые высоко на человека не запрыгнут, но реагируют на голые ноги, поэтому в лесу надо ходить в брюках из плотной ткани и высоких резиновых сапогах, желательно по пояс обмотаться куском брезента. Но этим всё жарко, особенно после пятого стакана. Спасатели семью вытаскивали: муж, жена и двое детей-дошкольников. Мужа в коротких штанишках ужалила змея в ляжку, он через несколько минут умер. Представляете состояние жены, которая в панике забыла дорогу назад, мужика своего ей не утащить, но и бросить его не может, мобильная связь в лесу не работает. Дети чудом спаслись, вышли к какой-то деревне, а она сошла с ума. Современный впечатлительный человек в лесу очень быстро с ума сходит. Это же как попытка бессонницей: нигде ни прилечь, ни отдохнуть, всё время в диком напряжении, что сейчас нарвёшься на хищника, или насекомое какое за шкуру заберётся. О чём думают такие люди, когда туда лезут, да ещё баб с детьми тащат? Кажется, они вообще разучились думать. Или медведь задрал такую же семью. Он сразу безошибочно определяет, кто в паре самец, сшибает мужику голову с плеч одним ударом мощной лапы, потом рвёт бабу, а дети никуда не убегут, когда у них на глазах терзают родителей, дети в оцепенении ждут своей участи или надеются, что всё обойдётся. И вот находят потом в лесу, что от них осталось. Но до остальных придурков так и не доходит, что лес – это не прогулочная зона, а ценный государственный ресурс. Мало ли, что им захотелось шашлычка на природе! Они к вам домой придут и скажут, что хотят в комнате на полу костёр развести, – вы их пустите? Нас в школе учили: пришёл в лес – не оставляй следов, потому что ты в гостях у природы, а у не у себя дома. Костёр надо окапывать, чтобы трава не горела, желательно снять дёрн с земли, но не выкидывать, а так ковриком потом и положить на место, чтобы пепелища не было видно. Но дикари превращают живописную опушку в выжженную равнину, нагадят, насрут, подожгут и убегают, попутно такой экстрим на телефон снимая. Им в ответ лайки восхищения лепят такие же «смелые» ребята.

– У леса хозяина не стало. Раньше такого не было.

– Правильно, не было. Потому что поджог леса приравнивался к порче государственного имущества. Это такой же ценный природный ресурс, как нефть или газ. Кто-нибудь позволит жарить шашлыки на газопроводе? Почему в лесу можно? Из леса сделали отхожее место, следы пикника и помойки повсюду, даже в гиблых болотах бутылки из-под водки и окурки плавают. А на болотах нельзя курить, трясина выделяет газы, которые могут вспыхнуть от малейшей искры. Частники, не желающие платить за вывоз мусора, устраивают в лесу несанкционированные свалки, предприятия сбрасывают отравляющие отходы производства тайно или за взятку. Леса и прилегающие территории застраиваются в обход всяких норм, как и низины рек, где потом каждый год жители страдают от наводнений, за этим самоуправством никто не следит уже много лет. Само население безграмотное, скупает землю по дешёвке или с откровенными нарушениями, а потом караул кричит. Целые посёлки задыхаются в дыму от лесных пожаров или самоподжога, где на шести сотках такая теснота, что дома и сараи примыкают друг к другу, огонь по ним пляшет только так. Остаются только печные трубы, словно война прошла. В новостях показывают беззубую спитую каргу, которая объясняет: «Это ветер виноват, раздул пожарище, а мы ничо такого не делали, токмо мусорок пожгли». Ветер-то в курсе, что он у них кругом виноват? Ветру обвинения не предъявишь в стиле «встать, суд идёт». Это какими надо быть придурками: сами себя поджигают! Террористы какие-то и вредители. Когда их показывают, то видишь только бедность, пьянство и идиотизм – без спасателя тут никак. Каково в нищей стране слышать в новостях, что только за сутки сгорел гектар леса? Людям жильё не купить, а им привычным тоном сообщают, как горят ценные строительные материалы. Так вести дела в государстве – всё равно что пачки денег в огонь бросать. Ведь это сгорают миллиарды рублей, на которые каждый россиянин мог бы жить безбедно, даже не работая – экономисты ещё в прошлом веке подсчитали. А он вкалывает с утра до ночи, приползает неживой с работы и слушает в новостях, как горит русский лес, какого нигде на планете больше нет. Брат нашего прадеда после тяжёлого ранения на фронте был откомандирован в тыл для эвакуации в Сибирь стратегически важных заводов из европейской части страны. И вот тогда тайга не горела. Потому что вспыхни хоть искра, и всех причастных перевешали бы на кедрах в двадцать четыре часа. Гореть она стала после Перестройки, когда всюду засели балаболки, вместо работы доказывающие, что «природных» пожаров не избежать. Но лес – это не только природа, но и собственность государства, за которой надо следить. Да, тайга – это особенный регион, где зимой минус пятьдесят, а летом плюс пятьдесят: такого места на земле больше нет. Да, в таком климате возможны пожары, но разумный хозяин их не допустит. А дурак и пьяница напустит туда других таких же пьяниц, которые вообще разучились на трезвую голову веселиться, отдыхать, любить. Только по пьянке резвятся, залетают и горят, а потом кто-то виноват.

– Ветер виноват. Надуло.

– Здоровые силы общества обязали прогибаться под идиотов: давайте придумаем спасателей, которые будут их спасать. Природа фактически самоочищается, когда пьяницы гибнут, а тебя обязали этот балласт спасать, чтобы он и дальше усложнял жизнь людям. Тем, кто не хочет превращаться в спившееся дерьмо, так и говорят: «Ты чо, не русский, што ля?». Если ты не пьешь, тебя начинают подозревать в некой страшной болезни, о которой ты умалчиваешь. А просто ты хочешь жить, сохранить в себе ясный ум и совесть, остаться нормальным. Но в тотально пьющем обществе не любят тех, кто смеет отличаться от массы: «Обоснуй нам этот свой выпендрёж! Ты кто такой, чтобы не быть, как все?! У тебя совесть есть вообще? Может, ты *наш народ* не уважаешь, а?». Смешно, когда холуи говорят «наш народ». Глупый, инфантильный, непрактичный придурок с разбехавшимися глазками навязывается как мировой парень, с которым не соскучишься. Если не бутылку сосёт, то сигарету – посажен на эти «чисто мужские» занятия с горшка и убеждён рекламой, что именно так выглядят настоящие ковбои. Шёл бы сразу пастухом в колхоз, но он даже не знает, что ковбой

– это пастух обыкновенный, возведённый американской культурой в национального героя. Именно поэтому Америка лидирует в мире по экспорту мяса. А наши ковбои доморощенные могут только пойло сосать, после чего их сразу тянет сделать минет табачной компании, тут же засыпают с горящей сигаретой. Стандартная причина пожаров в нашей стране. Конечно, нужны спасатели, которые с огромным риском вынесут этого поджаренного сосальщика третьего разряда из огня, а он уже вообразил себя раненым комиссаром, как его выносят из боя за правое дело. Закомиссарился. Таких придурков сейчас со льдин снимают, куда они прут на тяжёлых автомобилях и топят их, тонут сами, как будто по-другому ловить рыбу никак нельзя. Их выводят из горящего леса, где они устроили пикник, привезли с собой ещё и детей, а когда у них взорвалась машина, бегали по дымящейся траве в пляжных тапочках и делали селфи, какие они смелые и отважные. Их показывают по телевизору как героев, вместо того, чтобы арестовать и заставить платить штраф за нанесённый ущерб. Они идут как национальные герои и огрызаются в адрес тех, кто видит в них обыкновенных праздных алкашей с завышенным ущербным самоощущением. Потому что самооценка у них по жизни в жопе, а когда она там, хочется подвига на пустом месте, чтобы целый вертолёт за тобой снарядили и в новостях показали. Чтобы вся планета узнала, что где-то есть такой никчёмный проблемный ушлёпок, от которого стране и родне одни убытки. Достаточно лишь взгляда на нашу разруху, чтобы понять: тут живут тяжело пьющие люди, которые ничего не замечают, лишь бы у братских народов всё было хорошо. Именно такой лозунг просится на панораму с покосившимися хибарами и кривыми столбами, всё сделано из самых дешёвых и непригодных материалов, лишь бы в Африке детишки не голодали. Тут же стоят сутулые охнарики в грязных сапогах, грозятся кому-то там за горизонтом навалить, лишь бы собственной страной не заниматься. Рядом всегда хихикают безликие шлюхи, которых с детства натаскали создавать пьяницам иллюзию, что всё не так хреново, чтобы каждый себя крутым мужиком почувствовал на фоне тотального срача. Начальство подъедет на крутом джипе, вылезет такая же пьяница, только жирная и в дорогом костюме, рыгнёт что-нибудь приободряющее, как их всех боится Обама или кто там сейчас смотрящий по Америке, и укажет на шашлык в баньку. В России повсюду эту картину наблюдать можно. Работать никто не может, потому что население подсажено на героизм, может только подвиги совершать во имя чего-то смутного: устроить по пьянке аварию и ликвидировать последствия, чтобы потом был повод опять нажраться. А надо просто работать, грамотно и профессионально, без аварий, чтобы был результат, чтобы помойка превратилась хотя бы в подобие населённого пункта, где люди живут. Но у нас не умеют ничего просто: мания величия не позволяет. Надо чтобы по ту сторону Атлантики каждый раз содрогались, когда они на родную землю сморкаются и испражняются на каждом шагу. Они её так «любят», по-другому не умеют. Это алкоголизм чистой воды, когда люди не замечают, что годами живут в дерьме и думают, что они кого-то там победили и всем оборванцам мира помогли. Остальные десять процентов ЧП приходится на тотальный непрофессионализм, который тоже становится нормой. Половина россиян работает не по специальности, то есть каждый второй занят тем, чему не учился, пристраиваются по знакомству, по блату, по родству. Куда ни сунься, а всюду чьи-то кумовья да сваты сидят, как при монаршем строе. Пришёл кум к свату: дай должность по блату. Обрубили электричество во всём городе, включая депо, звоню на подстанцию, там даже не заметили «такого пустяка», хотя потребление упало в разы, зевают в трубку: «А мы сами без света сидим. Не знаем, куда он делся». Офигеть! Никто ничего даже не делает, начальником у них выпускник циркового училища. Конечно, в России с такой специальностью трудно устроится по профилю, разве только бродяжничать по стране с шапито за копейки. Дядя по блату пристроил в Энергосбыт. Клоун рулит энергетикой – чему удивляться? В Мэрии замом вообще бывший сутенёр сидит, говорят. Учиться ничему не хотят,

считают себя умней умного, коли диплом цветовода-декоратора на двухмесячных курсах получили. С таким «образованием» прямая дорога в руководящее кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.